

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2023 – 3

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора,
Д.В. Михель – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь,
Д.М. Бондаренко – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, ИАФР РАН,
Т.К. Кораев – канд. ист. наук, ИСАА МГУ,
М.С. Мейер – д-р ист. наук, ИСАА МГУ

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rva/2023.03.00

ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Гордон А.В. Социальная аномия иммигрантских кварталов во Франции	5
Чайников Ю.В. Жизнь по законам веры: новые вызовы и новые возможности для мусульман	29

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Норик Б.В. Ирано-афганские пограничные споры: от Реза-шаха Пехлеви до Талибана	48
--	----

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Алексамян Л.М. Политические процессы в Армении после «бархатной революции»	67
Кудаяров К.А. Аналитические центры Киргизии и Казахстана о СВО и российско-украинском кризисе	76
Сченснович В.Н. Проблемы интеграции государств Центральной Азии и Иран	97

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Демидов К.Б. У. Далримпл о причинах возвышения британской Ост-Индской компании / Рец. на книгу: Dalrymple W. The Anarchy. The Relentless Rise of the East-India Company. – London: Bloomsbury, 2020. – 576 p.	110
Мозиас П.М. Региональные рынки в Китае: интеграция или фрагментация?	121
Михель И.В. Санитарные реформы в Китае в первой трети XX в. (меры против венерических заболеваний и проституции)	156

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

Gordon A.V. The Social Anomie of Immigrant Neighborhoods in France	5
Chainikov Yu.V. Life According to the Laws of Faith: New Challenges and New Opportunities for Muslims	29

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

NORIK B.V. Iran and Afghanistan Boundary Disputes: from Reza-Shah Pahlavi to Taliban	48
--	----

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

Aleksanyan L.M. Political processes in Armenia after the «Velvet revolution»	67
Kudayarov K.A. Analytical centers of Kyrgyzstan and Kazakhstan on the Special Military Operation and the Russian-Ukrainian crisis	76
Schensnovich V.N. Problems of integration of Central Asian states and Iran	97

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Demidov K.B.W. Dalrymple on East-India Company's Rise to Power. – Rec. ad op.: Dalrymple W. The Anarchy. The Relentless Rise of the East-India Company. – London: Bloomsbury, 2020. – 576 p.	110
Mozias P.M. Provincial Markets in China : Are They Integrated or Fragmented?	121
Mikhel I.V. Sanitary Reforms in China in the First Third of the Twentieth Century (Measures Against Venereal Diseases and Prostitution)	156

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

ГОРДОН А.В.* СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ ИММИГРАНТСКИХ
КВАРТАЛОВ ВО ФРАНЦИИ

Аннотация. В статье на примере Франции рассматриваются противоречия европейской урбанизации – от противопоставления города сельской местности к сегрегации части городского пространства: рабочие предместья в конце XVIII – первой половине XIX в., пригороды в эпоху промышленной революции, «красный пояс» в XX в. Ныне это кварталы, населенные выходцами из стран Магриба и Тропической Африки. В центре социологического анализа маргинальное положение населения этих кварталов, где социально-экономическая дискриминация сходится с цивилизационно-культурным отчуждением, выраженным страхом французского общества перед угрозой ислама. Подчеркивается, что подобная сегрегация препятствует полномасштабной и полноценной интеграции. Интеграционные проблемы рассматриваются на примере молодого поколения, которое оказалось в состоянии социальной аномии в надежде на декларируемые конституцией блага цивилизованного образа жизни при отсутствии ресурсов для их обретения.

Ключевые слова: Франция история; урбанизация; социальная аномия; пригороды; иммигрантские кварталы; молодежная субкультура.

GORDON A.V. The Social Anomie of Immigrant Neighborhoods in France

* Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. The article, on the example of France, analyses the contradictions of European urbanization, from the opposition of city to countryside to the segregation of parts of the urban space: the working faubourgs in the end of the 18th century – first half of the 19th century, the suburbs in the epoch of industrial revolution, the «red belt» in the 20th century. Today, these are neighborhoods populated by the Maghreb and Sub-Saharan Africa migrants. Sociological analysis focuses on the marginal situation of the population of these neighborhoods, where socio-economic discrimination converges with civilizational and cultural alienation, expressed by French society's fear of Islam. It is emphasized that such segregation prevents full and complete integration of these minorities. Integration problems are examined on the example of the young generation, which finds itself in a state of social anomie, hoping for the benefits of a civilized way of life declared by the constitution and lacking the resources to attain them.

Keywords: France, history; urbanization; social anomie; suburbs; immigrant neighborhoods; youth subculture

Для цитирования: Гордон А.В. Социальная аномия иммигрантских кварталов во Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 5–28. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.01

Социальная аномия (от фр. *anomie* – беззаконие, отсутствие норм) состояние в обществе, предполагающее отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего возникает несоответствие жизненного опыта людей идеальным общественным нормам. Термин «аномия» был предложен Э. Дюркгеймом. По мнению его последователя Р. Мертона, это особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов. Мертон считает причиной противоречие между «нормами, целями» культуры (стремление к богатству, власти, успеху, выступающее в качестве установок и мотивов личности) и существующими институтами, санкционированными средствами достижения этих целей. Мыслима в двух измерениях: 1) может характеризовать общество, в котором нормативные стандарты поведения, а также существу-

ющие в нем убеждения либо серьезно ослаблены, либо отсутствуют; 2) может характеризовать индивида, если он социально дезориентирован, находится в состоянии тревоги и переживает чувство изолированности от общества. Возрастает в случае, когда в обществе превозносятся определенные символы успеха, якобы общие для населения в целом, в то время как социальная структура этого общества ограничивает или полностью устраняет доступ к законным средствам завладения этими социальными символами для значительной части этого же самого населения¹.

С эпохи Средних веков процесс урбанизации в Европе сопровождался отчуждением и маргинализацией внегородского пространства. Во Франции последнее называлось *sampagne*, буквально — «поле», в переносном значении сельская местность в противопоставлении городу. Город за своими стенами олицетворял безопасность и воплощал порядок. *Sampagne* — дикое поле, находится в котором было небезопасно. Город из века в век раздвигал свои стены, вторгаясь в сельское пространство, кое, однако, урбанизуясь, надолго, если не навсегда, образовывало отличительную от городского ядра часть города. Так появлялись «предместья (*faubourgs*)». В одних строились особняки знати (Сен-Жерменское предместье или Сент-Оноре в Париже), другие, более многочисленные, становились средой обитания трудового люда и обителью нищеты (Сен-Марсельское, Сент-Антуанское предместья). В конце Старого порядка (XVIII в.) наметилась целенаправленная городская политика перемещения вредных производств и бедноты из центра в предместья, в результате чего обновилось исконное противопоставление города внегородскому пространству [1]. Еще в середине XIX в. возникло представление об особой криминогенности парижских кварталов, населенных рабочей беднотой, а после революции 1848 г., в которой парижские пролетарии приняли самое активное участие, за жителями рабочих предместий закрепилось понятие «опасные классы»². В XX в. локацией «опасных классов» стали пригороды («*banlieues*»), и исходящая от них угроза обрела политическое звучание «красного пояса», сферы комму-

¹ См.: Социология. Словарь-справочник. 2006 г.

² Авторство принадлежит чиновнику префектуры полиции Парижа Фрежье [29]. См. также [26].

нистического влияния [43]. Ныне задействован исламский фактор, и в бестселлерах из-под пера некоторых авторитетных специалистов пригороды относят к «территориям, захваченным исламистами» [41; 42].

Как бы их ни именовали политкорректно – «анклавы», «проблемные кварталы», «чувствительные зоны городов» либо со всей бескомпромиссностью политических баталий – «гетто», «зоны беззакония (*zones de non-droit*)», речь идет о маргинальном пространстве, замечает французский социолог Лоик Вакан [44, p. 191]. Это «территории отчуждения (*les territoires de relégation*)»¹, обитатели которых «маргиналы», «варвары», «дикари», в лучшем случае, или просто «мразь (*racaille*)», по терминологии бывшего министра внутренних дел и бывшего президента Николя Саркози.

Нищие-бродяги в конце Старого порядка, нашествие которых в города и деревни породило Великий страх, предшествовавший Революции XVIII в. [35], пролетарии-бунтари, боровшиеся за свое существование в первой половине XIX в., молодежь пригородов в наше время «имеют общей чертой крайнюю стигматизированность, – писал французский социолог Робер Кастель, – /.../ они находятся на пограничье социального порядка, в который не интегрированы» [24, p. 807]. Уже по отношению к рабочим – французам по происхождению – со стороны правящих кругов и широких слоев буржуазии классовая ненависть уподоблялась расизму. Во время восстания лионских ткачей в 1831 г. «Журналь де деба»² писала: «Лионский мятеж (*sédition*) – разновидность восстания на Сан-Доминго³ [...]. Варвары, угрожающие обществу, живут не на Кавказе и не в степях Тартарии. Они в предместьях наших промышленных городов» [24].

Подобная «стигматизация» социального протеста диктовала полицейские репрессии, репрессивные законы и антирабочую политику, кульминировавшую в отчуждении рабочих предместий. В современной Франции аналогичным явлением становится категорическое неприятие поведения иммигрантской по происхожде-

¹ От латинского *relegare* – удалять, изгонять.

² При Июльской монархии одна из самых популярных умеренно-консервативная газета (тираж 13 тыс. экз.).

³ Французская колония в Карибском бассейне, жители которой выступили против колониального господства.

нию молодежи пригородов, мотивирующее провозглашенный еще в начале 2000-х годов тогдашним министром внутренних дел Н. Саркози курс «нулевой терпимости» в отношении преступности в пригородах и выдвинутую правыми силами политическую установку на «восстановление порядка в зонах бесправия» [24, p. 807].

В подходах к проблеме иммигрантских пригородов в методологическом отношении различимы два главных направления – социологическое и, условно говоря, политологическое, при том, что первое представлено учеными левой, центристской или четко не выраженной политической ориентации, а второе обычно представляют ученые, придерживающиеся в политическом отношении правых и ультраправых взглядов¹. Суть первого направления отчетливо сформулировала Доминик Шнаппер, социолог иммиграции, член Конституционного совета Франции в 2001–2010 гг.: проблема иммигрантов есть «прежде всего проблема общества, в котором они обустроиваются». Трудности интеграции мигрантов есть отражение «собственных противоречий демократических обществ в их способности реально интегрировать всех своих членов» [40, p. 471].

Развивая социологический подход, исследователи пишут о разнообразных «социальных язвах»: школьной неуспеваемости и абсентеизме, хронической безработице и низкой квалифицированности жителей этих кварталов, их низких доходах, крайней бедности и «десоциализации» (Ж. Радвани) [17, p. 23]. «Десоциализация» – главным образом удел молодежи иммигрантского происхождения, и в этом, анализируя ее положение и настроения, французские социологи видят корень современной проблемы иммиграции. В проблемных кварталах, официально названных ZUS – zones urbaines sensibles, буквально «чувствительные зоны городов»², сошлись две острейшие проблемы – безработицы и сопутствующей ей бедности этих кварталов, с одной стороны, и социализации молодежи – с другой. Уровень безработицы и бедности в этих кварталах на 10% выше средней по метрополии (т.е. без ост-

¹ В политическом отношении преобладает деление на позиции правых и левых сил см. [9].

² Ставшее однозным, это название сменилось в литературе эвфемизмом «(quartiers populaires (народные кварталы)». Не стоит смешивать с округами Парижа, популярными среди туристов.

ровных департаментов Франции), а среди молодежи уровень безработицы достигает 50%. В то же время проблемные кварталы – это территории, где сосредоточение возрастных категорий до 18 лет значительно превышает среднефранцузские показатели.

К тому же, как подчеркивает французский географ Жан Радвани, положение усугубляет региональная концентрация иммигрантского расселения. «Главным источником напряжения, – пишет он, – служит не само количество иммигрантов, а их неравномерное распределение по территории страны. Около 40% иммигрантов проживает в Парижском регионе... В департаменте Сена – Сен-Дени 57% молодых людей до 18 лет – иммигранты или дети иммигрантов. В 20 коммунах Франции (19 из них находятся в Парижском регионе) к этой группе принадлежит более 60% молодых людей (например, в Клиши, Обервилье, Ля Курневе)» [17, р. 23].

Свою роль сыграла и внутренняя локализация проблемности иммигрантских пригородов. В эпоху «трех славных десятилетий» (1950–1970-е годы) быстрого промышленного роста муниципальные власти пригородов, члены ФКП (отсюда название «красного пояса»), озаботились решением острой жилищной проблемы, доставшейся им в наследство от первых десятилетий индустриализации, эпохи промышленной революции. Обратившись к популярным архитектурным школам урбанистического модернизма, они развернули строительство огромных, на несколько тысяч квартир, жилищных массивов, получивших название *cité* (городок). То, действительно, был город в городе, включавший автономную коммунальную систему, развернутую инфраструктуру торговли, общепита и сферы услуг, принципом которой было полное обеспечение потребностей жильцов этих массивов.

Создание подобных массивов дешевого жилья, оборудованного надлежащими коммунальными услугами, которое пришло на смену «рабочих казарм» и бидонвильей, поглотивших потоки трудовой иммиграции конца XIX – первой половины XX в. [1], было большим социальным завоеванием, и неслучайно коммунистические власти гордились этим достижением, присваивая им звучные названия «Ленин», «Альенде», «Космонавты» или, поэтично, «Ро-за ветров». Однако деиндустриализация 1980–1990-х годов нанесла сильнейший удар этой политике, обернувшийся кризисом послевоенного урбанизма с деградацией жилья из-за ненадлежащего

ухода. Жилмассивы стали превращаться в обиталище иммигрантской бедноты.

В этом обиталище, среди подобных урбанистических монстров возникало особое пространство «двора», который оккупировала молодежь иммигрантского происхождения. С исчезновением жилмассивов в ходе городской реконструкции такое пространство не исчезало, перемещаясь в отдельные уголки, улицы, скверы, площади пригородов, где молодежь считает себя хозяевами. Суть его – локализованный микрокосм, наделенный известной самодостаточностью.

Последняя выражается прежде всего в поведении подростков. Обычно они проводят в своем пристанище всё свободное время, чувствуя себя некомфортно за его пределами, и потому редко покидают его. Этому самоограничению жизнесферы немало способствует и полиция, у которой появление молодежных компаний за пределами этой сферы вызывает настороженность, достаточно обоснованную, поскольку сопровождается нередко сомнительными акциями. Соответственно полицейские патрули бдительно контролируют «такие «выходы», пресекая их навязчивой проверкой документов, обыском, а то и задержанием. Так, подростковый мир превращается в «зону».

Физическое ограничение «микрокосма» согласуется с тем, что подростки в максимальной степени идентифицируют себя со своим местом жизнеобитания. Да и окружающий мир тоже идентифицирует их по принадлежности к тому или иному проблемному кварталу. Такая филиация носит в немалой мере вынужденный характер для молодежи квартала, замещая для подростков все присутствующие этой возрастной категории социальные связи (семья, родственники, школа).

«Принадлежность к кварталу, – констатируется в материалах правительственного центра стратегических исследований о подростках, – защищает и ограничивает их. Защищает, предоставляя пространство, где они находят себя (*où ils trouvent leurs marques*) и, с их точки зрения, некое “успокоение” (*tranquillité*)». Ограничивает, потому что в квартале все знают обо всех, что оборачивается тотальным контролем. Принадлежность к такому социуму дает права и накладывает обязательства: «право принадлежать к группе, не всегда четко определенной, и обязанность защищать ее».

Такая «вынужденная солидарность (*solidarité contrainte*)» придает смысл принадлежности к кварталу. Она означает взаимное признание со стороны социума по отношению к индивиду и индивида по отношению к социуму. Нарушить солидарность – значит, подвергнуться риску быть отвергнутым социумом [28, р. 84]. Такая локализованная солидарность вступала в действие во всех столкновениях подростков с полицией, отчетливо проявлялась во всех протестных акциях пригородных кварталов, в полной мере выразилась она и в выступлениях 2005 г.

При этом локализованный микрокосм проблемного квартала оказывается для молодежи четко структурированным. Основной ячейкой социальной организации у подростков становится группа или «банда», как называют ее сами подростки. В группы подростки подбираются по возрасту, склонностям, личным связям. Обычно в квартале действуют несколько групп, и выбор между ними возможен; однако сама принадлежность к группе для живущего в квартале становится обязательной. Симптоматично, исследователи фиксировали распространенность желания молодых людей. выбраться из квартала при всей очевидной для них сложности реализации такого желания. Действует суровый закон: не хочешь входить в группу – переселяйся из квартала, остаешься – подчиняешься ее неписаному, но жесткому, порой жестокому уставу.

Обычное участие в группе – это ежедневное и постоянное пребывание вместе, включающее обмен жизненными историями, игры, в том числе «азартные», далеко не всегда невинные общие занятия вроде курения травки или развлечений сексуального характера. Эпизодически – участие в общем «деле», и тогда вступает в силу групповая мораль: каким бы ни было это «дело», уклониться от участия в нем невозможно, не подвергнувшись остракизму, а то и жестокому избиению, или тому и другому вместе.

«Подростки при всем их социальном нигилизме тем не менее признают один авторитет – авторитет группы своих сверстников», – пишет И.С. Новоженова [13, с. 134]. И такой авторитет в немалой мере основан на подчинении силе, а значит, самый сильный становится и самым авторитетным. Так складывается культ «мачо», различные проявления которого сводятся в общем к торжеству грубой силы, способности к риску, пренебрежению к принятым в обществе нормам.

Куль «мачо» вытеснил или по меньшей мере потеснил фигуру «старшего брата» во всех ее проявлениях, начиная от отца, дяди, старшего родственника. Не добившиеся материального успеха в своей трудовой деятельности, находящиеся на нижней ступени социальной лестницы, они не могут стать образцом для подростков. И неслучайно их руководство, так же как вмешательство внешних сил, было отвергнуто молодежью во время событий 2005 г., и произошла «временная автономизация самых юных» [28, р. 87–88].

Особый аспект культа «мачо» – власть мужчины и подчиненность женщины. В гендерном отношении молодежный коллектив – специфически мужской мир, проникнутый духом грубой маскулинности. При «объективном отсутствии будущего для этих подростков», бросивших школу, не получив ни диплома, ни профессиональной квалификации, и столкнувшихся с относительной успешностью своих соседей на рынке труда, «агрессивная маскулинность», как констатируют французские социологи, становится их самым типичным, если не единственным способом самоутверждения [20, р. 834].

Маскулинность утверждается прежде всего по отношению к девушкам квартала, оборачиваясь для них жестким контролем, при котором ношение соответствующей нравственным понятиям этой мужской компании одежды далеко не самое обязывающее. Во французской прессе было немало сенсационных сообщений о жертвах домашнего насилия на почве свободного выбора девушкой матримониальных отношений. О фактах сексуального насилия в проблемных кварталах остро не хватает специальных исследований прежде всего из-за деликатности темы для его жертв и закрытости для жителей квартала. А для социологов левой ориентации она становится полем боя с правой прессой, использующей тему для антиисламских и антииммигрантских выпадов. Так, Лоран Мучиелли стремится доказать ложность обвинений о связи актов сексуального насилия с мусульманской традицией и магрибинским происхождением подростков-участников, что и делает вполне основательно [37]. Притом не отрицает имеющихся свидетельств, которые рисуют характерную для закрытых мужских обществ картину.

Одно из таких свидетельств – автобиография уроженки Алжира Самиры Беллиль. Оказавшись подростком вместе с родителями во Франции, она хотела жить по нормам новой родины, освободившись от традиционных ограничений для женщин и при этом сохраняя лояльность кварталу, в котором жила семья. Женское достоинство Самиры надеялась сохранить и в близких отношениях, добиваясь уважения от окружавших ее молодых людей. Претерпев групповое насилие со стороны знакомых сверстников, она узнала, что подобное надругательство не миновало и ее подруг. Тогда она решила протестовать, и ее протест закончился для насильников 8-летним заключением. Однако самым, вероятно, трагическим для Самиры, а с точки зрения исследователя отчетливо характеризующим коллективное сознание и представление о морали в данном социуме, было то, что она подверглась всеобщему осуждению, а родители выгнали ее из дома [21].

За пределами своего социума «агрессивная маскулинность» проявляется широко известными фактами приставаний к женщинам, сопровождения их грубыми выкриками и иными оскорблениями. Характерны случаи нападения на женщин с целью грабежа, при том, что при обычной скудости добычи малолетние грабителя испытывают «моральное» удовлетворение от физического унижения жертвы. Характерно, что подобные нападения производятся не спонтанно, а по указанию группы и ее вожака. За малолетством подростки подвергаются незначительному наказанию, что поощряет их к продолжению подобного «занятия».

В почете у подростков проблемных кварталов различные формы девиантности, начиная со злого хулиганства и кончая правонарушениями, карающимися тяжелыми статьями уголовного кодекса. Как минимум это шумные сборища, не дающие покоя окружающим, и проявления бытового вандализма вроде опрокидывания и поджога мусорных баков. Едва ли не высшей доблестью в культе «мачо» считается так называемое родео, угон машин с последующим их поджогом. Зачастую угон завершается преследованием угонщика полицейским патрулем, который пускает в ход огнестрельное оружие. В таких случаях «родео» заканчивается фатальным исходом, и это приводит к стихийным локальным бунтам, выплескивающим накопленную повседневными унижениями разрушительную энергетику. А поджог автомобилей сделался «фир-

менной» чертой протестных выступлений молодежи проблемных кварталов Франции, ярко запечатлевшейся в мировых СМИ во время событий 2005 г.

Молодежь кварталов как правило живет с родителями, они граждане Франции и нормы социального обеспечения французского законодательства распространяются на них. В отличие от бродяг Старого порядка, им нет необходимости нищенствовать, и в отличие от бедноты пролетарских окраин XIX в. они не голодают. Но рынок с диктатом потребления вторгается в их сознание. Не имея постоянной работы и достаточных, по их представлению, средств существования, подростки из проблемных кварталов имеют тем не менее средства для частичного удовлетворения своих потребностей, разжигаемых витринами модных магазинов. Сами они называют свои коммерческие занятия «мелким бизнесом», который включает многообразные формы от мелкого воровства и торговли контрабандными сигаретами и распространения наркотиков до участия в квартирных кражах и грабежах. Популярная среди подростков подсобная работа на рынках сопровождается нередко продажей из-под полы краденого. И в целом в молодежном «бизнесе», как сдержанно замечают эксперты, «граница между легальным и нелегальным установлена нечетко» и «культура противозаконности довольно сильно укоренена в ментальности молодежи» [28, p. 86].

Вместе с тем социологи предупреждают об опасности акцентирования молодежной девиантности с приданием подросткам иммигрантских кварталов образа «опасного класса». Это несправедливо, поскольку «усиливает стигматизацию, которую они и так испытывают в различных областях социальной жизни. И недальновидно, так как защита общественного порядка репрессивными методами оборачивается «геттоизацией» проблемных кварталов. А это уже опасно, поскольку «не оставляет этим юношам другого ресурса, как по собственной инициативе замкнуться в коммуни-терном сообществе», и тогда их стигматизация примет расовый характер в протесте против обманувшей их демократии (*et de retourner le stigmatisme en revendiquant la fierté de la race contre les promesses fallacieuses de la démocratie*)» [24, p. 807–808].

Пока до этого не дошло, и исследователи, проводившие анкетирование молодежи и социальные обследования в проблемных

кварталах, находят основания для оптимизма. У подростков, проживающих в них, развито чувство собственного достоинства, свою идентичность к микрокосму квартала они не противопоставляют принадлежности к Франции и в своем поведении, даже противозаконном, апеллируют к республиканским ценностям и конституционным правам.

Анализируя причины молодежной девиантности на проблемных территориях, социологи делают упор на маргинальности молодежи иммигрантского происхождения: эти люди пребывают внутри французского общества, разделяя его представление о своих конституционно декларированных правах, и они остаются вне его, поскольку лишены в изрядной мере возможности их реализации. Это подлинно суровый мир, и его проявления нередко принимают антиобщественный, а то и криминальный характер с применением насилия. Однако это не основание, чтобы предаваться панике, уверовав в катастрофическую картину, которую рисуют сводки полиции с их сосредоточением на криминальных проявлениях в пригородах. На самом деле, пресловутая «зона беззакония (non-droit)», которая расцветается в политических дебатах и становится пищей для сенсационных сообщений в СМИ, ограничена некоторыми кварталами отдельных пригородов и некоторыми категориями их молодых жителей.

Отдавая должное социологам, воссоздавшим объективное положение в проблемных зонах французских городов, следует отметить в качестве недостатка конвенционального социологического подхода встречающееся невнимание к области массового сознания и в частности недооценка роли религиозного фактора в отношениях между иммигрантскими кварталами и макросоциальной средой. На нем сосредотачиваются политологи, и препарирование феноменами общественного сознания дает во многом неожиданную оценку ситуации, расходящуюся с той, что представляет социологический анализ. Яркий пример – трактовка событий осени 2005 г., которые в части СМИ, особенно за рубежом Франции, были окрещены «интифадой». В тон подобной литературе и некоторые политологи, а среди них встречаются даже авторитетные специалисты по исламу, усмотрели в выступлениях иммигрантской молодежи пригородов начало «французского джихада» [34].

Учитывая признанный в научной литературе спонтанный характер выступлений при полном отсутствии исламистских лозунгов и следов деятельности исламистских организаций, на выявление которых направлял полицейское расследование Н. Саркози, нельзя не задуматься о предвзятости подобного подхода. Утверждения об «интифаде» и «джихаде» определенно вписываются в выразительную «медийно-идеологическую (*une construction idéologico-médiatique*)», по выражению Робера Кастеля, конструкцию, призванную объяснить происходящее в иммигрантских кварталах и суть французских проблем с иммиграцией в целом [24; 27]. Налицо методологический редукционизм, ибо все многообразие обстоятельств социального неблагополучия в окраинах столицы и других крупных парижских городов сводится к «исламскому фактору», который, в свою очередь, замыкается на угрозе мусульманского фундаментализма и религиозного экстремизма.

Между тем, как констатируют исследователи, этнорелигиозная идентичность подросткового поколения, «отличившегося» в выступлениях 2005 г., выражена слабее, чем у их отцов и дедов-иммигрантов. Отчасти это объясняется смешанным составом населения проблемных кварталов. Хотя последние порой именуют «гетто», это не гетто в строгом смысле слова. Среди жителей – потомки иммигрантов из многих стран мира, укореняются китайская и вьетнамская диаспоры, выходцы с Индийского субконтинента и Балканского полуострова. В событиях 2005 г., наряду с арабами, которых было большинство, отмечалось участие выходцев из Тропической Африки. «Судьба собрала людей по признаку бедности и маргинальности, а не этно-религиозного происхождения» [13, с. 134], – пишет И.С. Новоженова.

«Модель мусульманского анклава – конструкция, которую навязали (его жителям. – *А. Г.*), а не избранная ими. И представление о том, что мусульманское население опекается исламистскими руководителями («*acteurs*»), которые вынашивают план коллективного разрыва с (французским. – *А. Г.*) обществом, относится к мифологии («*tient du mythe*»)), – констатируют представители Международной кризисной группы по событиям 2005 г. Собственно и толкование наличия в «проблемных кварталах» автономной арабо-мусульманской общности вызывает возражения. Вопреки нормам шариата и мусульманской традиции высока доля

смешанных браков и что особенно симптоматично – среди мусульманок. По данным исследователей, анализировавших записи мэрий, доля смешанных браков среди женщин алжирского происхождения за 1975–1990 гг. выросла с 6,2 до 30%, среди более традиционных марокканок по происхождению – с 4 до 13% за тот же период. Плохо совмещается с представлениями об арабо-мусульманском коммюнитеризме¹ проблемных кварталов и идет вразрез с мусульманской традицией высокий уровень женщин, инициировавших развод и оставшихся после него одиночками. В некоторых таких кварталах доля матерей-одиночек достигает 30% [29, р. 23–27].

Значительная часть молодежи остается вне религии, а апелляция к нормам шариата и исламским ценностям, которую с удовольствием констатируют авторы, живописующие «исламизацию Франции», носит скорее декларативный характер, отнюдь не свидетельствуя о подлинном духовном обращении. Потребность в вере, обостряемая кризисными ситуациями, реализуется в индивидуальном выборе. И на базе мусульманской традиции создается своеобразная псевдорелигия, в которой отдельные доктринальные положения разбавляются культом «мачо» и «идеологией» – благо молодежного микросоциума есть высший закон для его членов (ассоциирующийся с античным принципом *salus populi suprema lex*). Такая религиозность сосуществует с консьюмеризмом и интернациональной массовой культурой, и даже, как пишут в докладе кризисной группы о событиях 2005 г., находится «в согласии (en phase)» с ними [29, р. 27].

Кто же они? Е.Б. Деминцева, проводившая полевые исследования в иммиграционных кварталах в начале 2000-х годов, поставила парадоксальный на первый взгляд вопрос: в какой мере молодежь этих кварталов можно считать «арабами», людьми, разделяющими этнокультурную принадлежность своих предков [22]. Думаю, что фиксируемая социологическими исследованиями «десоциализация» молодого поколения выходцев из иммиграции выражается в

¹ «Понятие “коммюнитеризм” (не путать с “коммунитаризмом”), – пишет Б.В. Долгов, – определяет такой тип организации общества, в котором меньшинства (религиозные, этнические, культурные и пр.) основной упор делают на своей особой специфике, дифференцирующей их от большинства населения, они стремятся отделиться и изолироваться по мере возможности (в том числе территориально) от остального общества» [7, с. 123].

конечном счете в их «декультурации». В буквальном смысле слова, если не считать арабских имен, сохранение которых становится сигналом тревоги для ультраправых борцов за французскую (в данном случае христианскую) идентичность, они «*déracinés*», люди без культурных корней и своим «отечеством» могут назвать квартал и собственно сообщество сверстников.

Характерно, что во время бунтов 2005 г. съехавшиеся со всего мира журналисты быстро потеряли интерес к событиям, после того как не нашли в них «исламский след». Их поразило «отсутствие каких-либо признаков этнорелигиозной идентичности». Специалисты Центра стратегических исследований, обследовавшие очаги восстания в департаменте Сена-Сен-Дени, из своих бесед с участниками сделали вывод, что религия среди них проявлялась исключительно личной верой [28, р. 64]. «В этих кварталах не ощущается не только сколько-нибудь заметного влияния радикального исламизма, но и самого ислама» в его каноническом виде, обобщает исследования международной кризисной группы [France face à ses musulmans] И.С. Новоженова [13, с. 134].

Напрашивается вывод, что не коммюнеризм в иммигрантских кварталах, не мусульманская конфессия большинства их жителей и не культивирование в этих кварталах религиозных ритуалов стали детонатором распространения антиисламских настроений, мишенью для которых сделались такие пригороды. Исследователи справедливо указывают на роль политической традиции Франции и манипулирование ее адептами республиканско-унитаристскими принципами [9]. Начало кампании положил запрет хиджаба, ношения так называемого мусульманского платка школьницами законом 2004 г. о запрете религиозных символов в светской школе. Впоследствии запрет стал распространяться на взрослых женщин и традиционное женское одеяние, закрывающее лицо. Получивший в СМИ название закон «антибурка» был принят, заметим, почти единогласно в Национальном собрании и Сенате, в 2010 г.

Кампания законодательных рестрикций сопровождалась ожесточенной политической полемикой, придавшей запретительным мерам изрядно истерический колорит. Несуразность происшедшего поразила даже тех, кто защищал рестрикции. Жан-Поль Бригелли, критик французской системы образования за забвение культурных корней (название его бестселлера «Вольтер или джи-

хад» говорит само за себя), диагностировал «политическую шизофрению», охватившую французское общество, которое, не желая замечать распространения политического ислама, впадает в озабоченность относительно культурных маркеров: «10% всех мусульман¹, проживающих во Франции, доводят до исступления население страны, которое в результате... сосредоточивает свое внимание на *хиджабе*» [23, р. 71].

Нельзя сказать, что рестрикции были необдуманным шагом, напротив, принятию их предшествовала работа специальной комиссии, и законодатели были чрезвычайно озабочены смирением их антиисламского аспекта, ограничив вместе с хиджабом ношение в школе иудейской кипы и креста. Все это не помогло. Можно утверждать: запретительные меры, вкупе с сопровождавшей их антиисламской истерией, имели обратный эффект, стимулировав распространение исламизма и, по всей видимости, способствовал созданию благоприятной почвы для чудовищных террористических актов 2015 г.

Запреты вводились под благовидным предлогом защиты женщин от угнетения и подчиненности в мусульманской традиции. В реальности они ухудшили положение мусульманок, усугубив давление традиции. Активистки женского движения и специалисты в женском вопросе указали на фундаментальный недостаток запретительных законов: они придали дискриминационный оттенок борьбе за женское равноправие. Еще в 2002 г. именно среди мусульманок алжирского (берберского) происхождения возникло движение «Не путаны и не подчинившиеся (Ni Putes Ni Soumises)». В контексте запретительных законов такая борьба за женское достоинство в иммигрантских пригородах приобрела предосудительно-антиисламский смысл [7; 33].

Запретительные законы знаменовали поворот внутрифранцузской политики от курса на культурное многообразие («*diversité*») [45] к традиционному унитаризму. Принцип, провозглашенный еще Первой республикой, о «единстве и неделимости» Франции, закреплён и развит в Конституции Пятой республики: Франция является «неделимой, светской, демократической и социальной республикой». Специалисты отмечают: Франция является

¹ Оценка числа приверженцев политического ислама.

единственной страной в ЕС, которая сделала секуляризацию официальной идеологией [7]¹.

Не случайно до сих пор в стране нет этнической или религиозной статистики. В отличие, например, от англосаксонской традиции, политическая традиция республиканской Франции не допускает гражданского статуса этнокультурного меньшинства: «На протяжении двух веков, – замечает французский специалист по государственному праву Ив Плассеро, – парижские власти с завидным постоянством отрицают наличие в стране национальных меньшинств» [19, с. 22–23].

В основу республиканской унитарности был положен принцип нерелигиозности, буквально «светскости (*laïcisme*)», и понять такое постоянство нетрудно. Традиционно основной угрозой был религиозный фундаментализм, исходно католический. В борьбе с ним сформировались принципы светского государства, получившие название «лаицизма». Законодательством Третьей республики (Закон Кóмба² 1905 г.) провозглашалось отделение Церкви от государства и школы. Защитники «лаицизма» указывают на то, что Закон Кóмба отстаивал принцип свободы совести и что проблему в отношениях с верующими создал не сам закон, а практика его реализации.

С этим можно было бы согласиться, если бы практика ни придала «лаицизму» нечто прямо противоположное свободе совести. Еще выдающийся российский правовед дореволюционной эпохи С.А. Котляревский заметил: французский «боевой антиклерикализм» в попытке создать альтернативную моральную основу для нового общественного порядка слишком многое заимствовал у своего политического противника, и у апологетов «*esprit laïque* (светскости)» выступает «скрепой, предохраняющей современную демократию», уподобляясь в результате «светской теократии»³.

Например, как толкует «лаицизм» член Наблюдательной комиссии по соблюдению принципа светскости (есть, оказывается, и такая) Ален Кристнахт, проявления религиозности недопустимы в

¹ См. также: Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. Иммигранты в Европе: модели интеграции // Актуальные проблемы Европы. – 2006. – № 1. – С. 9–59.

² Назван по имени главы кабинета министров Эмиля Комба, главным разработчиком был Аристид Бриан.

³ Котляревский С.А. Гражданская религия у Руссо [8, с. 612].

государственной сфере, но не исключаются на частных предприятиях или в общественных местах (например, на улице) [16, с. 34–35]. Этот принцип допускает ношение особой одежды. И закон от 11 октября 2010 г., запретивший ношение мусульманской одежды, противоречит, с точки зрения эксперта, самому принципу *laïcité*. Однако закон можно обосновать требованиями безопасности, ибо прикрытие лица затрудняет полицейский контроль [16, с. 36].

Внесение в отстаивание государственной безрелигиозности, или, как это принято в юриспруденции называть, «религиозной нейтральности» государства, дискурса «секуляритизации» [18, с. 133–142] придало «лаицизму» формы борьбы с религией, которая еще во время Первой республики прониклась в немалой мере религиозным фанатизмом. Типично, что этнокультурная традиция, обычаи и образ жизни народов мусульманских стран сознательно или неосознанно для большинства французов смешиваются с политико-идеологическим течением, кое представляет исламизм [24, р. 797].

Подобно тому, как в эпоху Великой французской революции секуляризация обернулась религиозным фанатизмом (яркий пример Вандейские войны), эффект бумеранга сработал в Пятой республике: крайности «лаицизма» оказались питательной почвой для распространения во Франции исламизма. Современную ситуацию в пригородах нельзя понять, указывают чуткие к эмоциональной сфере авторы, без учета того идеологического прессинга, который обрушивают на их жителей (как и жителей всей Франции) ультраправые националисты, к которым, начиная с кампании против «хиджабов», присоединилась политически бесформенная коалиция поборников «республиканских ценностей». Упомянувшийся Робер Кастель, на мой взгляд, удачно назвал их «республиканскими интегритами», заметив, что «их нетерпимость (*intransigence*) равна той, в которой они обвиняют мусульманских фундаменталистов» [24, р. 796; 31, р. 88–100].

Действительно, в отношении Рено Камю, выступившего с доктриной «великого замещения», корректно будет говорить об этнокультурном или цивилизационном расизме, на котором немало замешана и концепция «реконкисты (отвоевания)» Эрика Земмура [2]. В аргументации последнего поступательно нараставшая «секуляритизация» в алармистском духе проблемы иммиграции путем истолкования ее в понятиях национальной безопасности

свелась, по выражению Е.А. Осипова, в «триптих Иммиграция. Преступность. Ислам» [15, с. 28].

«Секьюритизация» была мощным, но не единственным фактором развития ситуации в сфере миграционной политики. После событий 2005 г. была принята многомиллиардная программа (около 50 млрд в расчете на 10 лет до 2015 г.) реконструкции пригородов, в результате реализации которой радикально обновилась жилищная сфера: более 600 кварталов, в частности были снесены упоминавшиеся и ставшие притчей во языцех жилищные массивы, вместо которых выстроили современные здания. Улучшилась транспортная инфраструктура, пригороды, как правило, получили удобную связь с центром, что, как предполагалось, должно было покончить с их изолированностью, в которой усматривали одну из причин их неблагополучия.

Однако радикального изменения к лучшему в социальном положении жителей не произошло: безработица и бедность остаются в пригородах постоянно действующим фактором. Молодежная девиантность, по некоторым направлениям, даже возросла. Ничего не изменилось и с дискриминацией выходцев из иммигрантских кварталов при приеме на работу. На положение в пригородах повлияли, на мой взгляд, два фактора. Закон о «воссоединении семей» не только привел к росту численности мигрантов из Марокко и Алжира в первую очередь, но и к общему ухудшению положения мигрантов и возможности их интеграции. Во-первых, резко выросла доля молодежи, заведомо оторвавшейся от контроля со стороны родителей и родственников; во-вторых, эти молодые иммигранты были лишены французского образования в Алжире, изрядно культурно обособившемся от бывшей метрополии, особенно после исламизации, которая происходила с конца 1990-х годов [6]. Еще хуже с франкофонией обстояло в Марокко, между тем масштабы потока иммигрантов из этой страны превысила численность иммигрировавших в эти десятилетия из Алжира¹. Самая

¹ Во втором десятилетии XXI в. Марокко сделалось крупнейшим резервуаром мусульманской иммиграции в Европу: за 2010–2016 гг. этот поток достиг 370 тыс, притом, что из Алжира в 2,5 раза меньше (140 тыс.). См.: Europe's Growing Muslim Population. Muslims are projected to increase as a share of Europe's population – even with no future migration. / PEW RESEARCH CENTRE. – URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>

заметная деталь – незнание этим контингентом французского языка.

Второй фактор – ослабление интеграционных способностей самой метрополии [14; 39]. Сошлись несколько неблагоприятных обстоятельств. Французское общество оказалось между молотом глобализации и наковальней складывавшегося многими десятилетиями базиса социального государства. Доля обеспечения социальной сферы в ВВП во Франции едва ли не самая высокая в ЕС, значительно выше, чем в ФРГ, не говоря уже о Великобритании. Глобализация обернулась деиндустриализацией, особенно тяжело поразившей бывшие индустриальные регионы северо-востока и востока страны, а в Парижском районе – его промышленные пригороды с высокой долей иммигрантского по происхождению пролетариата, занятого преимущественно малоквалифицированным трудом на поточных производствах. В то же время сопротивление кадрового французского пролетариата, энергично поддерживаемого профсоюзами и коалицией левых политических сил, затрудняет широкомасштабный переход к постиндустриальной экономике, что ограничивает социальный лифт для молодых поколений, в том числе снижает и без того невысокие шансы получивших образование выходцев из иммиграции.

Драматическая социальная коллизия оборачивается глубоким духовным кризисом французского общества, который во французской прессе получил название «упадничества (*déclinisme*)». Имея в виду элементы стагнации в экономике и пробуксовку реформ в социальной сфере, наиболее критично или пессимистично настроенные авторы идут еще дальше. Исходя из оценки господствующих настроений, они диагностируют «пораженчество (*défaitisme*)» [10].

В контексте духовного кризиса разворачивается не имеющая за всю историю Пятой республики примера массовая истерия вокруг иммиграционной политико-демографической и культурно-цивилизационной угрозы. Уклоняясь от признания вины государства и общества за положение в пригородах, «националистическое общественное мнение представляет иммиграцию причиной их собственных и всех французских бед» [33].

«Угроза исламизма» при всех реальных предпосылках приобретает в таком контексте фантомные очертания. В социально-

психологическом плане это можно объяснить укоренением в современном национальном сознании некоей «негативной идентичности» в виде гипертрофированной склонности к самоопределению через противопоставление Другому как чуждому, враждебному и опасному. Как считает Е.И. Филиппова, ментально такая склонность порождается неразвитостью способности к самоанализу и самовыражению: «Вследствие неспособности выстроить идентичность для себя – рефлексивную, и тем более нарративную, требующую умения анализировать свои мысли и поступки, соотносить их с этическим идеалом, связать разрозненные события и факты в последовательное осмысленное повествование, люди довольствуются *идентичностью для других...* – культурной или статусной, целиком и полностью замыкаясь в образах “араба”, “черного”, “мусульманина”, “иммигранта”, “безработного”» [17, с. 11].

Совершенно очевидным становится, что радикальное изменение положения в пригородах и сколько-нибудь значительное продвижение в разрешении иммиграционного кризиса зависят не только от экономического прогресса страны, но и в высшей мере от изменения самочувствия французского общества, преодоления им настроений «упадничества» и «пораженчества», которыми манипулируют республиканские «интегрисы», с одной стороны, и ультраправые националисты – с другой.

Список литературы

1. Гордон А.В. Становление парижского пригорода: Обервилье в эпоху промышленной революции // Новая и новейшая история. – 2022. – № 6. – С. 95–107.
2. Гордон А.В. Великое замещение – доктрина войны цивилизаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 5–21.
3. Гордон А.В. Постколониальный синдром во Франции: протестные выступления арабо-африканской молодежи пригородов (осень 2005 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 5–29.
4. Деминцева Е.Б. Быть «арабом» во Франции. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 192 с.
5. Деминцева Е.Б. «Мы приехали сюда за надеждой»: опыт жизни иммигрантов // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 104–117.
6. Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество, 1970–2004 гг. – Москва : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – 274 с.

7. Долгов Б.В. Мусульманский ренессанс во Франции: итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 4. – С. 112–140.
8. Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. А.А. Златопольская. – Санкт-Петербург : Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. – 832 с.
9. Лапина Н.Ю. «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 11. – С. 97–104.
10. Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 3. – С. 85–112.
11. Лапина Н.Ю. Новые отверженные: французский контекст // Независимая газета. – 2020. – 29.06. – С. 12.
12. Любарт М.К. Национальная идентичность и миграционный фактор в современной Франции // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 26–48.
13. Новоженова И.С. «Лишние люди»: волнения иммигрантской молодежи во Франции // Актуальные проблемы Европы. – 2008. – № 4. – С. 121–141.
14. Новоженова И.С. Иммиграция и интеграционный потенциал Франции // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. – Москва : ИМЭМО, 2014. – Т. 2. – С. 124–131.
15. Осипов Е.А. Радикализация французских правых. От провала европейской конституции и «манифестации для всех» до Эрика Земмура // Мировая политика. – 2021. – № 4. – С. 21–28.
16. Религии и радикализм в постсекулярном мире / ред. Е.И. Филипповой, Ж. Радвани. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН : Горячая линия – Телеком, 2017. – 326 с
17. Россия – Франция. Государственная конфессиональная и миграционная политика: исторический опыт, правовое регулирование и практика реализации. Материалы Международной научной конференции. – Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2013. – 150 с.
18. Сарайкина Я.И. Дискурс секьюритизации миграции во Франции: от республиканской интеграции к алармизму // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 133–142.
19. Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой, К. Ле Торривеллека. – Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН : Горячая линия – Телеком, 2018. – 344 с.
20. Beaud S., Masclet O. Des «marcheurs» de 1983 aux «émeutiers» de 2005. Deux générations sociales d'enfants d'immigrés // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 2006. – A. 61, № 4. – P. 809–843.
21. Bellil S. To Hell and Back: The Life of Samira Bellil. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2008. – 168 p.

22. Brighelli J. – P. *Voltaire ou le djihad : Le suicide de la culture occidentale.* – Paris : Éditions de l'Archipel, 2015. – 220 p.
23. Brighelli J. – P., Ramadan T. Islam – Occident. Le choc, est-il fatal? // *Revue des deux mondes.* – 2015 dec – 2016 janv. – P. 64–74.
24. Castel R. La discrimination négative : le déficit de citoyenneté des jeunes de banlieue // *Annales. Histoire, Sciences Sociales.* – 2006. – A. 61, N 4. – P. 777–808.
25. Castel R. La discrimination négative. Citoyens ou indigènes. – Paris : Le Seuil, 2007. – 129 p.
26. Chevalier L. Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle. – Paris : Pion, 1958. – 566 p.
27. Delthombe T. L'islam imaginaire, la construction médiatique de l'islamophobie en France, 1975–2005. – Paris : La Découverte, 2007. – 392 p.
28. Enquêtes sur les violences urbaines : comprendre les émeutes de novembre 2005 : Les exemples de Saint-Denis et d'Aulnay-sous-Bois / Cicchelli V., Galland O., Maillard J. de., Misset S. – Paris : La Documentation française 2006. – 139 p.
29. France face à ses musulmans : Émeutes, jihadisme et dépolitisation // *Rapport Europe de Crisis group* N°172. – 2006. – 9 mars. – P. 1–32.
30. Frégier H.A. Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes, et des moyens de les rendre meilleures. – Paris, 1840. – Vol. 1. – 435 p. ; vol. 2. – 527 p.
31. Gèze F. Les intégristes de la République et les émeutes de novembre // *Mouvements.* – 2006. – N 44. – P. 88–100.
32. Ghalioun B. L'islamologie au secours de l'islamisme // *Diogène.* – 2009. – N 2 (226). – P. 142–151.
33. Iveković R. French Suburbia 2005: the Return of the Political Unrecognised // *GERM.* – 2005. – 17.11. – URL: <http://www.mondialisations.org/php/public/art.php?id=21678&lan=EN> (дата обращения: 15.04.2023).
34. Kepel G., Jardin A. Terreur dans l'Hexagone. Genèse du djihad français. – Paris : Gallimard, 2015. – 330 p.
35. Lefebvre G. La Grand peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. – Paris : Gallimard, 1988. – 272 p.
36. Mucchielli L. Le scandale des «tournantes». Dérives médiatiques, contre-enquête sociologique. – Paris : La Découverte, 2005. – 122 p.
37. Mucchielli L., Durand J. Les «tournantes»: fantasmes ou réalité? // *Histoire coloniale et postcoloniale.* Publié le 8 mai 2005 (modifié le 8 octobre 2019). – URL: <https://histoirecoloniale.net/les-tournantes-fantasmes-ou.html> (дата обращения: 15.04.2023).
38. Roy O. Intifada des banlieues ou émeutes de jeunes déclassés? // *Espirit.* – 2005. – N 320. – P. 26–30.
39. Schnapper D. L'Échec du «modèle républicain»? Réflexion d'une sociologue // *Annales. Histoire, Sciences Sociales.* – 2006. – A. 61, N 4. – P. 759–776.
40. Schnapper D. Par delà de burka : les politiques d'intergration // *Etudes.* – 2010. – T. 413, N 11. – P. 461–472.

41. Stovall T. From Red Belt to Black Belt: Race, Class, and Urban Marginality in Twentieth-Century Paris // *L'Esprit Créateur*. – 2001. – Vol. 41, N 3. – P. 9–23.
42. Territoires conquis de l'islamisme / B. Rougier (dir.). – Paris : Presses universitaires de France, 2020. – 360 p.
43. Territoires du communisme. Élus locaux, politiques publiques et sociabilités militantes / E. Bellanger, J. Mischi (dir.). – Paris : Armand Colin, 2013. – 304 p.
44. Wacquant L. Retour sur les territoires de relégation : classe, ethnicité et État dans la fabrique de la marginalité avancée // *D'une ville à l'autre. La comparaison internationale en sociologie urbaine* / J.-Y. Authier, V. Baggioni, B. Cousin, Y. Fijalkow, L. Launay (dir.). – Paris : La Découverte, 2019. – P. 191–207.
45. Wieviorka M. La diversité: Rapport à la Ministre de l'enseignement supérieur et de la recherche. – Paris : Laffont, 2008. – 156 p.

ЧАЙНИКОВ Ю.В.* ЖИЗНЬ ПО ЗАКОНАМ ВЕРЫ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МУСУЛЬМАН

Аннотация. Жить по законам веры, осуществлять свое человеческое призвание в иноконфессиональной среде – это и стресс и вызов. В решении не только бытовых, но и духовных проблем может помочь Интернет: он и объединяет единоверцев в сообщество, своего рода виртуальную умму, если речь об исламе, и с его помощью можно нащупать болевые точки в новом сообществе, исследовать их. Обзор нескольких таких исследований предложен в статье. Знаменательно, что все они имплицитно содержат призыв более пристально взглянуть на роль религии в жизни верующих.

Ключевые слова: Ислам; Шариат; Интернет; Новые атеисты; Исламофобия.

CHAINIKOV Yu.V. Life According to the Laws of Faith: New Challenges and New Opportunities for Muslims

Abstract: To live according to the laws of faith, to fulfill one's human vocation in a non- or even alien confessional environment is both a stress and a challenge. The Internet can help in solving not only everyday problems, but also spiritual: it unites coreligionists into a community, a kind of virtual ummah, if we are talking about Islam, and with its help you can find pain points in a new community, explore them. An overview of several such studies is offered in the article. It is significant that all of them implicitly contain a call to take a closer look at the role of Islam in the life of the faithful.

Keywords: Islam; Shari'a; Internet; New Atheists; Islamophobia.

* Чайников Юрий Викторович – ведущий научный редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Для цитирования: Чайников Ю.В. Жизнь по законам веры: новые вызовы и новые возможности для мусульман // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 29–47. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.02

До появления современных средств коммуникации местом сосредоточения религиозной общины был храм с регулярными проповедями и ритуалами, организующими жизненный цикл человека в общем ограниченном пространстве. Экономическое развитие привело массы в движение: возросла их мобильность и в традиционных обществах – как вследствие собственного развития и повышения активности, так и вследствие давления извне и выталкивания населения на поиски лучшей жизни.

В чем смысл этой «лучшей» жизни и чем традиционное бытие сделалось настолько невыносимым, что пришлось искать альтернативу? В понимании мусульман жизнь должна быть прежде всего праведной, соответствующей положениям Корана, с соблюдением всех предписаний шариата. И если «у себя», т.е. в землях, где люди живут по законам ислама (*дар аль-Ислам*), такая стратегия жизни была общедоступной, то в тех землях, где люди живут по иным законам (*дар аль-харб* или *дар аль-куфр*)¹, мусульманину трудно жить полноценной духовной жизнью, ощущать себя человеком во всей полноте.

Между тем такое тоже могло случиться. Мусульманин мог оказаться на чужбине как проповедник или торговец, но это был вопрос свободного выбора, который не приводил к разрыву с общиной-уммой². Сложнее обстояло дело, когда мусульманина заставляло покидать дар аль-Ислам тяжелое положение на родине (войны, социальный гнет, экономический кризис и т.д., короче всё, что делает выживание затруднительным делом). Мусульмане-иммигранты оказываются перед жизненной проблемой: как реализовать себя в обществе, у которого другие нормы поведения.

¹ *Дар аль-харб* буквально «территория войны», другой вариант *дар аль-куфр* (территория неверия) – обозначение пространства, не входящего в *дар аль-Ислам*. – Прим. ред.

² Умма – мусульманская община; в широком смысле мусульманский мир. – Прим. ред.

И если новые условия жизни требовали иного поведения, тогда требуется решить, как правильно вести себя в этих условиях, как вести себя так, чтобы остаться мусульманином, не растворившись в *дар аль-харб*.

«Касательно же вопроса о том, где следует жить мусульманину, в Коране нет никаких предписаний – ни прямых, ни имплицитных» [2, с. 97]. Но подразумевается, что всюду мусульманин должен жить праведно, в соответствии с каноническим правом. Исламское право берет свое начало из двух источников – божественного Откровения (*альвахи*) и человеческого Разума (*аль-акль*). Это двуединство отражено двумя арабскими терминами – *шариат* и *фикх*. Шариат несет более тесную связь с Откровением, в то время как фикх является в основном продуктом человеческого разума. Дословно «шариат» – правильный путь (данный в Коране, Сунне), а «фикх» связан с человеческим знанием, спекулятивным рассуждением. Фикх – это знание практического применения норм шариата, выведенных из Корана и Сунны. Весь свод законов, в свою очередь, подразделяется на две главные категории: вопросы веры (*ибadat*) и гражданские дела (*муамалат*). И если по вопросам веры разногласий в общем-то немного (ритуальная чистота, молитва, пост, хадж, закят, джихад), то в отношении гражданских дел их больше (здесь пять основных тем: эквивалентный обмен, доверие, матримониальное право, гражданское судопроизводство, вопросы имущества).

Притом подразумевается, что в инородной среде верующий в своем поведении вынужденно приспосабливается к новой реальности. Относительно самой допустимости изменений, их мере и направлении следует в идеале получить санкции авторитетных знатоков-правоведов (ибо сказано, что выполнение религиозных обязанностей зависит от имеющихся у человека возможностей [Коран: Сура 64, аят 16; Сура 2, аят 286]) [1, с. 55].

Современность с ее техническими средствами коммуникации предоставляет правоверному мусульманину возможность продолжить традиционную духовную жизнь. Один из таких инструментов – Интернет. И это не просто техническое средство, но и новое пространство для построения и существования виртуальной уммы – сообщества единоверцев.

Насколько такое сообщество соответствует шариату – очевидно, вопрос дальнейших исследований, но можно считать, что монография «Цифровое общество. Религия и верования», 69 том серии «Религия и общество» [3] представляет значительное продвижение в этом направлении, указывая, насколько духовная жизнь правоверных в *дар аль-харб* вписывается в исламские законы, в каких точках ощущается самое болезненное несоответствие. В характеристике нового, виртуального пространства единения единоверцев в окружающем мире, пристальное внимание уделяется способам организации их взаимодействия в виртуальном пространстве, а также сетевым инструментам, средствам изучения религиозных общин. Составители широко охватили проблематику, связанную с Интернетом: Интернет как инструмент изучения жизни (с изложением приемов изучения); Интернет как место идеологического противостояния; Интернет как место жизнеобитания уммы.

В качестве пространства жизнеобитания последней интернетовские сайты рассматривает группа австралийских ученых, которые провели (в самых общих чертах) статистику контента трех австралийских и трех американских (США) исламских сайтов [5]. Они прибегли к так называемой вебсервации (webservation) – изучению общности по постам в Сети даже без уведомления тех, кого они изучали. К их работе вполне применимо сравнительно новое определение – «виртуальная этнография», т.е. описание онлайн-сообщества с помощью онлайн средств. Они, в частности, отмечают, что, обращаясь к Интернету, мы должны прежде всего учитывать преобладание в интернет-сообществе молодежи, которая пользуется Интернетом шире, чем остальное население. Более того, молодежи (в отличие от старшего поколения) неизвестна жизнь без Интернета, и поэтому образующиеся на его основе сообщества можно считать вполне естественными, равно как и обращения к нему как к средству решения своих проблем. Кроме того, материальные условия жизни далеко ушли и со времени и от места установления правил поведения в исламе.

Должен ли человек приспособливаться к обстоятельствам или резко отвергать, вставая в оппозицию к обществу, в котором мусульмане оказались меньшинством? Впрочем, чаще всего речь заходит не о фундаментальных вопросах вероисповедания, а о со-

блюдении правил поведения, принятых в шариате относительно семейных отношений, заключения и расторжения брака, условий торговых сделок и т.д.

Пользователи, заходящие на исламские сайты со своими вопросами, получают как правило обстоятельные ответы с цитатами из Корана на арабском языке, единственном языке, придающем легитимность решениям, при том, что его знание особенно среди молодежи – достояние очень немногих. На таких сайтах под руководством авторитетных богословов устраиваются доктринальные обсуждения вопроса и по результатам обсуждения издается *фетва*¹, как получившее общественное одобрение и принятое консенсусом решение. Затем *фетва* (как и ход обсуждения) публикуется на специальной странице, доступной всей общине.

Насколько рекомендации применимы к жизни, авторы проследить не смогли, но опубликованные ими материалы позволяют представить круг интересов посетителей сайтов виртуальной уммы. В дополнение к этим материалам публикуются интернет-адреса исследовавшихся сайтов, так что читатель может самостоятельно ознакомиться с их контентом вплоть до времени запроса. Результаты проделанной работы следующие.

Австралия

1) **Darul-Ifta-Australia** (Австралийский институт исламского права). Сайт открыт 3 сентября 2011 г. как некоммерческая организация с штаб-квартирой в Мельбурне. Возглавляет его шейх индийского происхождения из Южной Африки. Костяк группы составляют пакистанцы. Деятельность – издание *фетв*, образовательные программы. Интерактивный сайт, где каждый может задать вопрос и получить ответ муфтия.

Был проанализирован 481 запрос. Основная часть касалась практики молитвы (61), ведения бизнеса и финансов (57), ритуальной чистоты (52), заключения брака и разводов (39), питания (32).

¹ В мусульманской традиции официальное суждение по какому-либо религиозно-правовому или культовому вопросу, выносимое муфтием или другим авторитетным религиозным деятелем в ответ на запрос кади (шариатского судьи) или другого заинтересованного лица. В описанном случае – это коллектив пользователей интернетовского сайта. – *Прим. ред.*

Стиль сайта авторы оценили как довольно авторитарный. Исламская легитимность – прерогатива шейха, знатока Корана, Сунны и арабского языка.

2) **Darul Fatwa Australia** (Высший исламский совет Австралии) – объединение 27 австралийских исламских организаций. Образовано в мае 2005 г. Мультиэтническая организация мусульманского мира. В своих заявлениях организация выступает «за все хорошее», особенно – за взаимопонимание и установление взаимодействия между мусульманами и немусульманами. На сайте 12 тематических разделов по основным аспектам жизни мусульманской общины.

Больше всего просмотров было у *фетвы* «Читаем Коран за умерших» (19 473 на июль 2013 г.). Вторым по посещаемости был ответ на вопрос о молитве в обеденный перерыв (7545), и далее – о пятничной молитве (6606), покупке жилья (4993), использовании моельных четок (4673), допустимости мастурбации (4529). А самым актуальным оказался информационный сайт об отношениях в браке, о верховенстве мужа и подчиненности жены, о возможности получить «хороший» (правильный по исламским понятиям) заем на покупку и аренду жилья, учебу, развитие бизнеса. В последнем случае ученые богословы посоветовали накопить деньги и заплатить сразу и наличными. Рекомендации носили общий характер, как и приводимые в их поддержку цитаты из Корана. К тому же только по-арабски, что значительно ограничивало круг пользователей.

3) **Sydney Muslim Youth «Ask the Sheikh»** (Мусульманская молодежь Сиднея «Спроси у шейха»). Сайт образован примерно в 2008 г. и близок к организации United Muslims Australia (UMA), которая сама появилась в 2001 г. На сайте есть раздел «Спроси у членов ассоциации», разбитый на 12 наиболее популярных тем (пост, молитва, хадж, брак и т.д.), и свыше 11 тыс. постов. Самыми популярными в «Спроси у шейха» были «халяль и харам» (205 тем-дискуссий и 457 постов-посещений), «чистота и молитва» (65 дискуссий и 179 постов), «брак» (59 дискуссий и 245 постов). И тон дискуссий, и ответы шейха отличаются практичностью и демократичностью (например, советы шейха не раздражать соседей-немусульман стикерами на машинах, изображающими исламских боевиков с оружием).

США

1) **Fatwa Centre of America** (Американский Центр Фетвы) – некоммерческая организация. К августу 2013 г. на сайте было опубликовано почти 2 тыс. ответов на различные жизненные вопросы. Сайт хорошо структурирован – 22 тематические главы. Самыми посещаемыми оказались темы «Молитва / Мечеть» (226 вопросов и ответов), «Вера» (209), «Бизнес» (198), «Свадьба / Развод» (189). Интересны обсуждения моральной допустимости рыночной конкуренции, когда один богатеет за счет разорения другого. Вопрос посетителя явно возник из какой-то жизненной коллизии. Ответ шейха – после положенного традицией вступительного приветственного изречения – гласит: всё нормально, если честная конкуренция, без маркетингового негатива относительно конкурента, без образования монополий, без фальсификации товара.

2) **Shariah Board of America** (Шариатский Совет Америки) – сайт был открыт основанным в 1998 г. в Чикаго фондом Rahmat-E-Alam. Сейчас этот Совет называется Islamic Social Services. Представлено более 30 типов вопросов. Больше всего о вере (2774), за ними о браке и семье (2324), значительно меньше вопросов о бизнесе (802). Сайт скорее любительский, с напускной консервативной строгостью, мало учитывающий местный контекст [5, с. 143].

3) **Assembly of Muslim Jurists of America** (Объединение американских юристов-мусульман). Эта некоммерческая организация была основана в 2002 г. в г. Сакраменто (Калифорния). Организаторы сайта назвали среди своих целей, в частности, поддержание высоких академических стандартов и исключение экстремизма, имея в виду, что это позволило бы внести свой вклад в интеллектуальное развитие исламского сообщества США. А в качестве инструмента предполагается издание *фетв*, чем занимается группа из семи ученых-богословов, объединенных в Комитет фетвы. В общей сложности на площадках для обсуждения ОАЮМ выступают 47 богословов. На сайте есть «банк фетв» с толкованием, для обращения правоверных. Основная масса вопросов, ответ на которые был не очевиден из повседневной практики и традиции и потребовавших богословского решения, – вопросы о финансо-

вых сделках (1395), вопросы «связанные с женщинами» (696) и вопросы веры (551).

Анализируя обсуждение практических проблем покупки дома (Австралия) или допустимости конкуренции (США), исследователи констатировали «сложность отношений между традицией и инновацией на Западе» [5, с. 147] и признались, что у них нет сведений, насколько онлайн форумы повлияли на поведение тех, кто нуждался в совете мусульманских авторитетов.

По моему мнению, поставленный авторами вопрос о столкновении традиции и инновации, стоит переосмыслить, не отрицая наличия столкновения старого с новым. Самое существенное – это конфликт между формально одинаковыми (и христианство и ислам формально суть религии), но принципиально несовместимыми измерениями человеческой структуры, если они представляют разные культурные парадигмы, в которых религия исполняет качественно отличные роли.

Австралийские ученые не прописывают открытым текстом, но подталкивают читателя к выводу о тяжелой моральной и ментальной ситуации мусульман в немусульманском мире, о том, что им приходится постоянно решать нетривиальные проблемы и быть под моральным давлением духовных авторитетов, не всегда способных оказать необходимую консультативную помощь.

К напряжению, которое испытывает правоверный внутри уммы, следует добавить и то – реальное или кажущееся – давление, которое он как представитель мусульманского меньшинства испытывает извне, со стороны макросреды. И если такой вывод можно с большой долей вероятности предположить, то статистическая его проверка вызывает ряд сложностей. Попытку установить это с помощью интернет-инструментов предприняли П. Мартини, В. Шпрингер, Дж. Кларк и Дж. Ричардсон, предложившие методику объективного исследования «скрытых групп» [4].

После терактов 11 сентября 2001 г. американские мусульмане обнаружили свою стигматизированность, «заклейменность». Это притом, что Америке и миру были известны и другие теракты, имевшие место ранее (ВТЦ-1993, Оклахома-1995) и после этого (Сан-Бернардино-2015, Орландо-2016). «Возмущенная общественность», как это принято сообщать в СМИ, не стала разбираться в тонкостях ислама, и под раздачу негатива попали в первую оче-

редь те, кто типажом лица или одеждой (здесь в основном женщины в хиджабе и совершенно не причастные к мусульманскому миру сикхи в своих традиционных тюрбанах) выделялся из толпы. Однако весьма примечательно, что чернокожие мусульмане благополучно избежали этой вспышки бытовой исламофобии.

Авторы соответствующей главы тоже не стали разбираться в механизмах «возмущения общественности», не решились отнести такую реакцию на счет работы пропагандистского аппарата государства, готовившего ментальную почву для своих внешнеполитических акций на мусульманском Востоке. Однако перед авторами стояла вполне конкретная цель: понять, «как все эти события повлияли на жизнь мусульман в Америке, в том числе – и на формирование их самосознания; как после всего этого они видят свое место в мире» [4, с. 70].

Исследовались установки и опыт среднего американца-мусульманина, его повседневная жизнь, а конкретно один из ее аспектов: как мусульмане ощущают «дискриминацию» со стороны немусульман, как они оценивают свое положение и воспринимают те мысли и чувства, которые испытывают по отношению к ним другие члены общества, не-мусульмане?

С новыми информационными технологиями, с Интернетом данное исследование связано лишь опосредованно – как с инструментом, в разработке и апробировании которого собственно и состоит заслуга авторов. Действительно, стоимость офлайн-опроса социологического опроса высока, а онлайн-опрос, хоть и значительно дешевле, требует хитроумных средств защиты от спойлеров, ибо всегда найдется масса энтузиастов заявить свои программные позиции как на тему «засилья мусульман», так и на тему их «невыносимой жизни и притеснения». А у кого-то это даже становится чем-то вроде профессии, позволяя собирать пожертвования «на правое дело».

Авторы не без гордости описывают приемы объективизации исследования. Прежде всего из массы претендентов на участие в опросе надо было вычлениить мусульман, для этого они построили отбор в отвлекающую внимание рутинную процедуру, внешне совсем не связанную с темой задания. Авторы выбрали существующую с 2005 г. систему MTurk, которая за символическую плату нанимает людей со стороны для «помощи компьютеру» в оценоч-

ных ситуациях, когда машинный алгоритм оценки не вполне определен и приходится полагаться на мнение приглашенных. Эта система хороша, в частности, тем, что добровольные эксперты набираются из самого широкого круга и от них не требуется никаких специальных знаний. Люди участвуют в этом охотно, потому что кроме небольшого дохода участие дает положительное ощущение нужности, причастности к полезному делу, ощущение неотторванности от общества.

Для того чтобы из всех претендентов на работу в MTurk (из резидентов США – это условие работы в системе MTurk) отобрать именно мусульман, надо было сделать два шага: 1) претендент должен заполнить обширную анкету, из пунктов которой ни в коем случае невозможно узнать о цели опроса, о критерии отбора, и 2) отобранным мусульманам было предложено принять участие в широко сформулированном опросе об идентичности. И главное – никаких намеков на профиль задачи. Применялись и другие известные в опросах технические приемы достижения максимальной объективности выборки.

Сбор данных занял 7 месяцев (июнь 2013 – январь 2014) на MTurk. И производился он методом многочисленных ограниченных серий (batches). Каждая серия длилась от 6 до 23 дней. За все время обследования было опрошено 3189 MTurk-резидентов США, из числа которых было выявлено 150 мусульман (4,7%), и все они получили доступ к участию.

Отобранная через MTurk популяция оказалась довольно близкой по структуре к тем приблизительным, усредненным оценкам (ибо официально статистика по вероисповеданию в США отсутствует) мусульманского населения США, которые можно встретить в литературе. Но было и то, что выделяло респондентов из общей массы. Из таблицы на с. 78 ясно, что молодежи в процентном отношении в MTurk больше, чем в неинтернетном обществе (62% против 36%), и это нормально, и больше формально (по американским стандартам оценки) образованных (у 41% респондентов за плечами был колледж против 15% во всем обществе). В остальном демографические показатели более или менее совпадали с обществом вне Интернета, что было очень похоже на раскладку других опросов, в которых применялись другие методы

отбора респондентов. И отсюда авторы делают вывод: примененный ими здесь метод отбора приемлем.

Собственно основной вопрос исследования – вопрос о стигматизации после терактов 11 сентября 2001 г. Респондентов просили по 5-балльной шкале оценить размер такого явления, как дискриминация мусульман (от 0 – «нет / никогда» до 4 – «всегда»). Имелись в виду соответствующие факты на работе, при аренде жилья, получении медпомощи, в ходе развлекательных мероприятий, на улице, в магазине, в полиции, в местах отправления культа). Просили дать оценку состояния «до» и «после». В 9 из 10 предложенных для оценки моментов, областей жизни респонденты отметили усиление дискриминации приблизительно наполовину оценочного пункта.

Знаменательно, что той единственной областью, в котором информанты «не отметили усиления дискриминации», были отношения на работе, т.е. то, что четко фиксируется законодательством, любое нарушение которого чревато серьезными последствиями: никто не отважится ни нарушить его, ни голословно обвинить кого-то в его нарушении (разве что в надежде сорвать большой куш, как это имело место в случаях с обвинениями медийно-знаковых фигур в харрасменте).

Авторы постоянно подчеркивают, что важно снижать эмоциональный градус при формулировке вопросов, видя в этом подход к объективности: так, вопросы о дискриминации задавались не о личном опыте, а о личном мнении относительно дискриминации других. Кроме того, они попытались уловить аффективность ответов о реальной жизни (и потом сделать на нее поправку в итоговой оценке). Эмоциональность в оценке всегда присутствует, и если невозможно полностью исключить ее влияние на результаты, то хотя бы можно постараться учесть ее, сделать на нее поправку в выводах¹.

¹ Оценка дискриминации оказалась крайне затруднительной из-за эмоционального воздействия, т.е. зависящей от впечатлительности, обидчивости оценивающего, от его (культурной, социальной и т.д.) предрасположенности негативно оценивать отношение других к себе, и лишь отчасти зависящей от реального чувства по отношению к нему и реальной демонстрации отношения. Иными словами, важно понять, насколько предвзято мусульмане оценивают отношение к себе и от чего зависит (если она есть) эта предвзятость.

Для того чтобы уловить эмоциональный элемент ответов, они прибегли к методу (разработанному еще в середине 50-х годов Ч. Осгудом для вычленения эмоциональной составляющей) семантического дифференциала для измерения реакции участников в нескольких гипотетических ситуациях. Внешне этот тест выглядит как типичная задача, связанная с выбором оформления товара, которые в большом количестве стандартно решаются через службу MTurk. Респондентам предложили ответить на вопросы о предполагаемых ситуациях. Даны две картинки (одна – женщина в хиджабе, и вторая – мечеть), по которым задано два вопроса: как воспринимаете это вы и как это воспринимают (по вашему мнению) немусульмане. И дать оценку по 10 эмоциональным позициям, крайними точками которых будут такие пары: «страх – надежда», «печаль – радость», «ненависть – любовь», «стыд – гордость», «беспокойство – спокойствие», «презрение – уважение», «зависимость – независимость» и т.д. Это крайние, полярные точки, между которыми на шкале оценки есть пять промежуточных положений, итого – семь степеней каждого эмоционального состояния. Ответы показали вполне ожидаемый взгляд американских мусульман на культурную ситуацию: их оценки этих картинок были в целом положительными, а ожидаемые ими оценки немусульман – скорее отрицательными.

Следующим шагом было понять, как предполагаемая дискриминация повлияла на то, что чувствуют американские мусульмане, осознавая различие своей оценки своей культуры от той оценки, которую дает ей непричастное к мусульманской культуре окружение (исходя из измерений того же семантического дифференциала). Чтобы найти эту связь, авторы подобрали регрессию обычным методом наименьших квадратов (OLS). Ответы по этим четырем картинкам были пересчитаны по нескольким персональным факторам, которые могли повлиять на чувства, ощущения, восприятия. Среди этих факторов такие: родились ли респонденты в США, находились ли они в США до 9/11, пол, образование, семейное положение и какое поколение в США представляет респондент.

Изменения предполагаемой дискриминации после терактов 11 сентября 2001 г. не коррелировали ни с позитивными, ни с негативными чувствами и в остальных сценариях (т.е. ни для му-

сультан, ни для немусульман). Вывод таков: «Хотя результаты нашего анализа семантического дифференциала показывают, что американские мусульмане считают (чувствуют), что немусульмане воспринимают и мечеть и мусульманку в традиционной религиозной одежде в негативном свете, эти чувства не кажутся связанными с их представлениями о дискриминации после 9/11» [4, с. 84]

Напрашивается простой вывод: не всё так плохо, мусульмане слишком эмоционально оценивают давление на них со стороны немусульман, надо поспокойнее воспринимать существование в демократическом обществе множества мнений. Но фактически авторы обошли молчанием вопрос: разве само наличие «предвзятого», по оценке одной из сторон, мнения не является показателем реального культурного разрыва в обществе? Ради преодоления этого разрыва и консолидации общества часть граждан просят, чтобы они поумерили вполне естественные для них религиозные чувства, как бы усекли это естество. Причем, подходят к этому в рамках вполне корректных форм, предоставляемых либеральным общественным мнением и демократическим обществом.

Среди таких форм не только свобода вероисповедания, но и свобода не верить ни во что и право быть атеистом. Этот последний вариант буквально взлетел на волне событий 9/11, когда в 2002 г. в США появилось движение Новые Атеисты (НА) и с новой остротой встал вопрос исламофобии. Вопрос публичного атеизма и исламофобии изучил Алан Никсон (Сиднейский университет, Австралия) [6].

Тогда один из основателей движения НА, Ричард Докинз, призвал общество к «воинствующему атеизму», меньше обращать внимание на религиозные взгляды (чувства верующих), не замалчивать, а наоборот подчеркивать те моменты, когда религия присутствует как элемент проблематичного для общества поведения отдельных его представителей [7]. Стали появляться книги представителей этого направления с призывами открыто выражать атеистические взгляды и критикой религии как болезни общества¹.

В принципе, такой подход мог быть оправдан, если бы в антирелигиозную аргументацию заведомо не вносились бы элементы

¹ Заметим, что США остаются едва ли не самой религиозной страной Запада, а на ассигнациях красуется надпись как официальный девиз страны «Мы верим в Бога». – *Прим. ред.*

исламофобии. «Воинствующие атеисты» из НА утверждали, что даже умеренные проявления ислама являются поддержкой экстремизма, а потому их выразители хотя бы косвенно ответственны за экстремистские действия. Часто говорят (в оправдание), что речь в таких обвинениях идет о мусульманской идеологии, а не о мусульманах-людях. Если принять такое объяснение, то аргументы «воинствующих атеистов» можно воспринять как своего рода «секулярную критику», а не исламофобию. Однако использование «ислама» в качестве некоей недифференцированной целокупности и отнесение к исламу всех действий, предпринимаемых отдельными личностями, сделало Новых Атеистов запевалами антиисламского дискурса.

Формально соотносясь с заявленной в монографии темой Интернета, Никсон не стал рассматривать книги и статьи Новых Атеистов, популярность которых исключительно высока как на западном, так и на российском книжном рынках, а сосредоточился на исследовании их публичных высказываний в Твиттере, чтобы выяснить их связи с исламофобской повесткой.

Для этого он взял твитты НА и рассмотрел на предмет исламофобии и стимулов (которые они посылают читателям) думать в этом направлении. Он воспользовался программами по вычленению из массива Твиттера материалов (твиттов) как по ключевым словам, так и по отдельным пользователям. Так он выбрал 3 тыс. твиттов из трех аккаунтов – Ричарда Докинза, Марьем Намази и Сэма Харриса. Выбрал по каждому по 10 наиболее часто цитируемых (пересылаемых) высказываний и проанализировал их по основным тегам (дескрипторам): регрессивные левые, экс-мусульмане, феминизм, защита атеизма, экстремизм, ислам, мусульмане. И вот к каким размышлениям на тему исламофобии он пришел.

Прежде всего возникает проблема дефиниции. Трудно определить, против чего исламофобия – против ислама как идеологии, против ислама как одного из элементов радикального исламизма или против действий радикалов-исламистов, не связывая это с исламом вообще (типа: «терроризм не имеет религии»).

В рамках академических дебатов «исламофобия» рассматривается по нескольким компонентам: собственно определение, составляющие, интенсивность; причины; последствия. Без фундированного обоснования значения «исламофобия» останется проблемой,

которая будет только углубляться и обостряться, поляризуя оппонентов в споре. Одни либералы нападают на других либералов, обвиняя тех в излишней мягкости и называя их «регрессивными левыми» (или «регрессивными либералами»), потому что те, ратуя за права женщин, ЛГБТ и меньшинств, одновременно проявляя нетерпимость к традиционалистам и националистам, остаются безучастными (под предлогом культурного релятивизма) к попранию либеральных ценностей в неевропейских общинах. С 2015 г. новоизобретенный термин РЛ («Регрессивные Левые») стал использоваться правыми в интернет-диспутах для дискредитации либеральных ценностей и правозащитных активистов*.

Существуют достаточные основания осуждать политику США на Ближнем Востоке, но это не причина, чтобы пренебречь дестабилизирующей деятельностью исламистских организаций, которые проявляют себя авангардом религиозного экстремизма. Попустительствуя этому радикальному меньшинству (а экстремисты-радикалы в мусульманском мире в меньшинстве) РЛ косвенно дают им понять, что в мусульманском ареале те могут вести себя как угодно без особых последствий для себя.

С критикой ислама даже как идеи есть одна сложность: родившийся в мусульманской семье человек не может перестать быть мусульманином, кроме как через акт отречения от веры с «организационными» для вероотступника выводами со стороны уммы, которую он отверг. Хороший это обычай или плохой – вопрос второстепенный по сравнению с тем, что мало найдется героев, способных на такой шаг. И поэтому критика ислама неизбежно касается его «носителей по рождению» и выливается в форму «дифференцированного или культурного расизма» (мы бы сказали в «дискриминацию», в которой культурные различия рассматриваются как опасность), мало чем отличающегося по сути от «универсального расизма». Таким образом, исламофобия является своеобразной формой расизма, «расизмом без расы».

* Сам термин «Регрессивные Левые» ввел в 2007 г. Мааджид Наваз, британский курд, борец с исламистскими организациями в Великобритании, обозначив ими антифа и других либералов, которые под предлогом толерантности не пожелали поддержать жертв воинствующего ислама – умеренно-религиозных или нерелигиозных выходцев из мусульманских стран.

Есть и более политизированные определения. Так, в частности, утверждается, что исламофобия – это продукт западного либерального менталитета, ограниченного узким пониманием секуляризации, неспособным принять другую религию (например, ислам). При этом исламофобия вполне вписывается в границы плюрализма и мультикультурализма, потому что описывает реальную ситуацию ислама и мусульман как объект страха и враждебности в современных либеральных демократиях Запада [6, с. 168].

Даже если критика ислама не обязательно продукт предубеждения, можно сказать, что даже более снисходительные взгляды и секулярную критику можно использовать в поддержку предубежденных или экстремистских взглядов в отношении ислама и мусульман. Так, после терактов 11 сентября 2001 г. в Северной Америке, Западной Европе и Австралии появилась новая форма религиозного экстремизма, практически зеркальное отражение тех реальных или вымышленных групп исламских экстремистов, на которые указывали как на реальную и близкую опасность. Риторическая оппозиция исламу и мусульманам сопровождалась активными насильственными действиями, направленными против мусульман. В этом виде исламофобию можно рассматривать как проявление религиозного экстремизма, который формируется как «реактивный со-радикализм», как противодействие со стороны общества предполагаемому или реальному исламскому радикализму, экстремизму, принимающее, в свою очередь (эффект бумеранга), экстремистскую форму.

Здесь важно понять еще одно обстоятельство: не должно вводить в заблуждение само слово «экстремизм» как нечто крайнее, находящееся где-то на обочине, нечто исключительное, не массовое. Совсем напротив: экстремизм претендует на то, чтобы быть в центре, и что интересно – политический центр в стремлении консолидировать самосознание и самоопределение данного общества часто поддерживает экстремистов, разделяя их позицию. Это свойственно не только странам (обществам) «на отшибе». Нечто подобное рывку в самоидентификации можно было видеть и в Америке Трампа, когда политический центр заполонили группы «альтернативных правых» и радикальных националистов.

В случае с атеизмом мы тоже видим перемещение направо тех, кто раньше был на левоцентристских позициях: антифемини-

сты, антиисламисты. И неважно, что сами представители этих групп говорят о себе: мы, мол, левые; на самом деле они оказывают поддержку наиболее экстремистски настроенным сегментам общества. Проблема в том, что экстремистские группы захватывают СМИ, где провозглашают себя истинными представителями чего угодно: ислама, например, или демократических ценностей. В информационную эпоху возможность интерпретации оказывается важнее материальных реалий. Но особенно заметна эта экстремальная (чтобы не сказать экстремистская) радикализация Центра в христианских культурах, когда приверженцы традиционных ценностей требуют искоренить все внешние признаки ислама (хиджаб, минарет и т.д.).

Взгляды Новых Атеистов (при их изначальном желании добиваться равноправия и правовых гарантий для меньшинств) все больше используются в поддержке «риторики подавления» и «культуры исключения». Страх перед иными, непохожими и отличиями находится в сердцевине «реактивного со-радикализма». Каждая религия предлагает свой, истинный путь, исключая тем самым все остальные, и не существует единственной универсальной религии, включающей в себя всю человеческую духовность. У Новых Атеистов сомнения в выборе пути отсутствуют, они призывают сменить религиозную веру безрелигиозностью, иначе говоря – атеизмом. Как ментальность это отражает современный поиск однозначности под видом универсальности: только одна истина; одна власть; один правдивый нарратив; один способ существования.

Вряд ли такое решение устроит мусульман США, которых при всех сложностях статистики насчитывается от 6 до 8 млн человек [2, с. 123]. Но даже при более скромных подсчетах [4] ожидается, что к 2050 г. численность мусульманской общины удвоится и составит 8,1 млн человек, т.е. 2,1% населения страны. Притом в некоторых штатах и городах мусульманское присутствие ощущается более выражено. Так, например, в Нью-Йорке они заметны, составляя около 5% населения агломерации [4, с. 68]. Существуют территории, где отмечается политическая активность мусульман или они, в глазах местного населения, слишком выделяются своим образом жизни и обрядовостью.

Перед мусульманской общиной, как и другими подобными им сообществами, американское общество ставит проблему: выжить в условиях вызова, каким является ассимиляция [2, с. 124]. Обе ее разновидности (Америка – «плавильный котел» культур и Америка – «мозаика нерасплавляемых» культур) выглядят теоретически красиво, но практика жизни грубее и конкретнее: исторически основу духовного мира населения США составил иудеохристианский элемент, вытеснивший все остальные вероучения (и их носителей) на периферию. Для Омара Халиди всё ясно: «Станут ли Соединенные Штаты новой Мединой/.../ или же они окажутся тем роковым берегом, на котором мусульмане первого поколения узрят поглощение их потомства постмодернистской культурой?» [2, с. 126].

Ответить на отдельные аспекты этого рокового вопроса попытались авторы монографии о религии в цифровом обществе, и каждая их попытка наталкивалась на специфику ислама. Мусульманская религиозность не замыкается в рамках вероучения. Она шире, чем религия в общепринятом смысле. Это образ человеческой жизни и как таковой – неотчуждаемая часть человеческого естества. Прояснение этой уникальной духовной ситуации – предмет дальнейших специальных исследований.

Список литературы

1. Аль-Альбуани Дж.Т. Некоторые размышления относительно Фикха для меньшинств // Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления. – Москва : Идея-Пресс, 2005. – С. 53–93.
2. Халиди О. Теоретические и практические аспекты жизни мусульман в Соединенных Штатах // Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления. – Москва : Идея-Пресс, 2005. – С. 94–134.
3. The Digital Social. Religion and Belief / A. Possamai-Innessedy, A. Nixon (eds.). – Boston : De Gruyter, 2019. – 221 p.
4. Studying Muslim Identity Online in Post-9/11 America: Results and Implications for Accessing Stigmatized Minority Groups / Martini P.J., Springer V.A., Clark J.D., Richardson J.T. // The Digital Social. Religion and Belief / A. Possamai-Innessedy, A. Nixon (eds.). – Boston : De Gruyter, 2019. – P. 67–89.
5. *Shari'a* in Cyberspace: An Analysis of Australian and US Internet Sites / Possamai A., Roose J., Turner B.S., Dagistani S., Voyce M., Worthington L. // The Digital Social. Religion and Belief / A. Possamai-Innessedy, A. Nixon (eds.). – Boston : De Gruyter, 2019. – P. 129–149.

6. Nixon A.G. Public Atheism and “Islamophobia” on Twitter // The Digital Social. Religion and Belief / A. Possamai-Inessedy, A. Nixon (eds.). – Boston : De Gruyter, 2019. – P. 152–177.
7. Dawkins R. Militant Atheism // TED: Ideas Worth Spreading. – 2002. – URL: https://www.ted.com/talks/richard_dawkins_on_militant_atheism (дата обращения: 15.04.2023).

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

НОРИК Б.В.* ИРАНО-АФГАНСКИЕ ПОГРАНИЧНЫЕ СПОРЫ: ОТ РЕЗА-ШАХА ПЕХЛЕВИ ДО ТАЛИБАНА

Аннотация. Афганистан занимает одно из центральных мест во внешней политике Исламской Республики Иран (ИРИ) ввиду высокой степени угроз, исходящих с его территории. Немалая доля этих угроз обусловлена слабой защищенностью ирано-афганской границы, со всей очевидностью проявившейся после прихода в 1996 г. к власти в Афганистане талибов, когда уровень конфликтогенности в этом районе, снизившийся после завершения более чем полувекового процесса формирования ирано-афганской границы в 1935 г., снова заметно повысился. Рост пограничных инцидентов после возвращения талибов к власти в 2021 г. свидетельствует об очередном снижении уровня стратегической безопасности ирано-афганской границы и заставляет вспомнить о спорах, предшествовавших ее окончательному установлению.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; Афганистан; ирано-афганская граница; Талибан.

NORIK B.V. Iran and Afghanistan Boundary Disputes: from Reza-Shah Pahlavi to Taliban

Abstract. Afghanistan ranks among the countries most important for Islamic Republic of Iran's foreign policy because of high degree of threats coming from its territory. A considerable part of these threats is due to the weakness of the Iranian-Afghan border which was clearly manifested after the Taliban came to power in Afghanistan in 1996 when the conflictogenic potential of this area which had decreased with

* Норик Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Института научной информации по общественным наукам РАН.

the completion of more than half a century Iranian-Afghan border's forming process in 1935 sharply increased. The growing number of border incidents after the return of the Taliban to power in 2021 indicates another decrease in the level of strategic security of the Iran-Afghanistan border and makes us recall the disputes that preceded its final establishment.

Keywords: Islamic Republic of Iran; Afghanistan; Iran-Afghanistan border; Taliban.

Для цитирования: Норик Б.В. Ирано-афганские пограничные споры: от Реза-шаха Пехлеви до Талибана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 48–65. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.03

Формирование ирано-афганской границы, находящейся в двух историко-географических областях Восточного Ирана – Хорасане и Систане, растянулось на достаточно длительный срок (1872–1936) и разделено на четыре этапа. Первая попытка делимитации южного участка границы в Систане была предпринята Ф. Голдсмидом в 1872 г., однако результаты его деятельности не были приняты обеими сторонами. В 1891 г. Ч. МакЛином был делимитирован и частично демаркирован 103-мильный участок северного, «хорасанского», отрезка границы, а в 1905 г. Г. Макмагон произвел делимитацию и демаркацию 277-километрового участка в Систане. После этого неделимитированным остался средний участок в 402 км¹ между 39-м пограничным знаком МакЛина² на севере и конечной точкой линии Макмагона в районе горы Сийах Кух (Кух-е Наракху, 1278 м) на юге.

Неустроенность границы порождала традиционные вызовы безопасности: грабежи, воровство, похищение людей, уничтожение имущества и продовольствия жителей приграничных районов. Так, представители племени бохлули, находившегося в подданстве Ирана, периодически информировали иранский Генштаб о регулярном проникновении на свою территорию вооруженных преступников и требовали принять меры к защите от их нападений. Таможенное ведомство, со своей стороны, сообщало о конфиска-

¹ Таковы данные Дж. Прескотта [51, p. 156]. Между тем Фахр ад-Дин Алтай говорит о «примерно 375 км» [8].

² Расположение пограничных знаков № 1–39 см.: [51, p. 159–170].

ции афганскими бандитами принадлежащих иранским владельцам источников воды. Значительные отряды, иногда в несколько сотен человек, нападали даже на достаточно крупные города – Доздаб (Захедан) и Бирджанд. При этом иногда в действиях афганских бандитов явно проглядывал религиозный подтекст: известны случаи, когда они заставляли иранцев читать *азан*, но после произнесения слов «Али – праведник Аллаха» убивали и грабили их. Подобная смелость афганцев объяснялась целым рядом причин: разоружением иранскими властями живущих в приграничных районах племен в рамках проекта установления безопасности на территории всей страны; слабой организацией жандармерии; индифферентным, а нередко и покровительственным отношением афганских чиновников. Именно из-за последнего обстоятельства афганские пограничники не стремились преследовать бандитов, а уголовные дела, по сути, не расследовались – от потерпевших требовали представить доказательства совершенного преступления, и поскольку последнее оказывалось невозможно, описанное в их жалобах украденное имущество не возвращалось.

Надо сказать, что афганские власти тоже жаловались на противоправные действия иранских подданных: здесь нередко фигурировало упоминавшееся племя бохлули, которое, оказавшись без оружия из-за политики правительства, совершало нападения даже на караульные посты афганцев с целью похищения оружия и патронов. И хотя иранские исследователи говорят о тенденции афганской стороны отвечать на требования иранского посольства в Афганистане похожими встречными исками, скорее всего, последние не были фальсифицированными. Неслучайно поэтому афганские власти уверяли иранцев в своем дружеском расположении, а ситуацию на границе считали обыденным делом, имеющим место не только в отношениях между Афганистаном и Ираном (и в этом с ними нельзя не согласиться). Пытаясь найти решение, стороны договорились о создании совместной комиссии по разбору пограничных проблем и расследованию преступлений. Кроме того, Министерство юстиции Ирана решило сформировать мобильный мировой суд, который должен был действовать в приграничных районах. В 1928 и 1934 гг. стороны подписали договор об экстрадиции преступников и обвиняемых в совершении преступлений

(за исключением политических), однако к значительным улучшениям это не привело [8; 16, с. 27–36; 42, с. 115–122].

Среди взаимных территориальных претензий наиболее серьезные разногласия были связаны с горами Шамтиг (к югу от пограничного знака № 39), обладавшими большим военно-стратегическим значением, но при этом не упомянутыми в описании МакЛина, а также с принадлежавшей Ирану деревней Мусаабад (22 км к западу от пограничного знака № 39), права на которую афганцы начали предъявлять еще во время разграничения 1891 г. Тогда иранскому представителю удалось сохранить статус кво, однако в 1904 г. деревня оказалась оккупирована афганцами. Проблема усугублялась тем, что в отличие от открытой оккупации в случае с занятием той или иной территории племенами доказать свой прежний суверенитет даже при наличии документов было сложнее. Кроме того, жившие на востоке Ирана племена, недовольные внутренней политикой Реза-шаха, откочевывали в Афганистан, освобождая тем самым приграничную территорию для афганских племен. Афганские власти в лице правителя Герата Абд ар-Рахим-хана Наиб Салара поощряли этот процесс изменения структуры населения на приграничных территориях. Помимо этого 14 сентября 1934 г. иранский консул в Герате Бади докладывал в МИД о стремлении Наиб Салара захватить соляные рудники в районе озера Намаксар (в настоящее время разделено между Ираном и Афганистаном). Месяцем ранее в Герат прибыл руководитель Восточного отдела МИД Афганистана, который вместе с Наиб Саларом в течение недели обследовал приграничные территории, а затем вернулся в Кабул через Фарах, избежав таким образом встречи с иранским консулом. По данным последнего, чиновник заручился присягой афганских племен оказать вооруженное сопротивление в случае занятия иранцами соляных копей. Консул констатировал наличие тайных слухов о связи Наиб Салара с англичанами, отчасти обусловленных и тем, что он был ставленником поддерживаемого последними противника Амануллы – Хабиболлы Калакани. По мнению Махди Фахри, главы иранской группы, работавшей в составе турецкой комиссии по разграничению, подобная политика захвата иранских территорий провоцировалась англичанами, хотя прямых свидетельств этого ему найти не удалось, тем более что англичане официально не поддерживали пре-

тензии афганцев на Мусаабад. Тем не менее все эти действия постепенно создавали предпосылки для разграничения в пользу Афганистана [8; 13, с. 217–220].

Предметом постоянных споров было использование вод р. Гильменд, одной из крупнейших рек Иранского плато, исток и большая часть которой находится на территории Афганистана. Особенно остро эта проблема встала после отклонения русла реки к западу в 1896 г. и арбитража Г. Макмагона, передавшего две трети стока афганской стороне. Иранцы не приняли разграничение Макмагона и подали официальный аргументированный протест в посольство Британии, однако их требования удовлетворены не были. В итоге разграничение осталось не ратифицированным. В связи с этим в 1905 г. афганцы вопреки запрету резолюции Макмагона сделали десять отводов от главного русла р. Гильменд. После серьезных стычек между жителями приграничных территорий и запрета афганцев на использование вод Гильменда в 1930 г. иранцы предложили создать совместную комиссию. В результате в Систане состоялась встреча иранской и афганской делегаций, в ходе которой иранцы потребовали равную долю в пользовании водными ресурсами Гильменда. И хотя афганцы согласились с этим требованием, они отвергли предложение иранской стороны установить начало участка водопользования до плотины Камальхан, поэтому разногласия продолжались. Вскоре афганцы возобновили гидротехнические работы на Гильменде, что приводило к уменьшению воды в одном из его рукавов – р. Систан. Это, в свою очередь, влекло за собой запустение приграничных городов и деревень из-за оттока населения. В итоге местные жители с иранской стороны, стремясь получить доступ к воде, разрушили плотину в районе Чахансура (на юго-западе Афганистана), что спровоцировало жестокие столкновения с их афганскими визави и буквально поставило два государства на грань войны [42, с. 122–129].

Таким образом, необходимость в делимитации и демаркации оставшегося участка с помощью посредников была очевидной. Реза-шах, руководствуясь личными симпатиями, предпочел обратиться к Кемалю Ататюрку. В итоге, согласно ирано-афганскому договору от 7 марта 1934 г., разграничение на оставшемся участке было доверено Турции, направившей для этих целей комиссию во

главе с Фахр ад-Дином Алтаем¹, который в период с октября 1934 по май 1935 г. произвел делимитацию от Мусаабада до Сийах Куха. Демаркация состоялась в 1936 г.: помимо установки пограничных знаков № 40–87 по схеме Ф. Алтая было введено пять дополнительных погранзнаков и восстановлены разрушенные погранзнаки на линии МакЛина (№ 1–39; при этом линия МакЛина была незначительно скорректирована: от погранзнака 1 до погранзнака 10 – в пользу Ирана, а от погранзнака 36 до погранзнака 39 – в пользу Афганистана). При этом интересно, что все время работы комиссии приграничные конфликты продолжались. Например, в секретной записке, направленной из Министерства обороны в МИД, сообщалось, что на закате 3 мая 1935 г. деревушка Дарре-йе чарми (в 12 км от Дерахша, который, в свою очередь, находится в 65 км от Бирджанда) была окружена отрядом из 40–50 вооруженных людей, которые разграбили кофейню «Хаддад».

Необходимо отметить изначально «проафганскую» позицию Алтая, что во многом объяснялось добрыми взаимоотношениями Турции и Афганистана (Турция с 1919 г. занималась подготовкой афганских военных, и один из заместителей Алтая, полковник Зиябек, 7 лет работал военным инструктором в Афганистане), а также восприятием Турцией Ирана как своего геополитического соперника. Так, обследование границы с афганской стороны происходило без участия иранской группы. Кроме того, Алтай пытался уговорить иранскую делегацию оставить Мусаабад за Афганистаном, а Намаксар разделить поровну. Взамен Ирану предлагалась менее значительная территория в Хаштадане². По мнению участника разграничительной комиссии со стороны Ирана М-А. Мохбера, разделение в стратегически важном для охраны границы районе Йаздана³ с передачей Ирану деревень Йаздан и Кябуде оказалось

¹ Делимитированный им участок в Иране известен как *хатт-е Фахри* (خط فخری), что можно понимать и как «линия Фахра», и как «линия Фахри». В первом случае речь идет об имени Алтая (Фахр ад-Дин), а во втором – о фамилии главы иранской группы, участвовавшей в этом разграничении (Фахри).

² Хаштадан – степная область размером примерно 39×27 км, расположенная в районе Кохсана, где р. Герируд совершает крутой поворот на север [8; 51, p. 154].

³ Район Йаздан обладает жарким климатом, но не относится к пустынным, поскольку здесь растут саксаулы и неприхотливый кустарник. Деревни Йаздан,

невыгодным, поскольку использование упомянутых деревень, по сути, зажатых в узком коридоре, было крайне затруднено. Все колодцы в пустыне Ноомид были переданы Афганистану, а линия в районе от горы Аташан до Сийах Куха смещена к западу, утратив свое выгодное стратегическое положение. В итоге Иран потерял ок. 1000 км² территории в сравнении с актуальной линией, существовавшей на момент начала работы комиссии [1, с. 190–191; 13, с. 220–222, 226–227; 17, с. 49–52; 35, с. 131–135; 42, с. 114–116].

Как бы там ни было, на этом разграничение между Ираном и Афганистаном завершилось, и на сегодняшний день ирано-афганская граница имеет приблизительную протяженность 945 км¹, проходя в останах (провинциях): Хорасан-Резави (восток и юго-восток, 302 км), Южный Хорасан (331 км), Систан и Белуджистан (шахрестаны [области] Заболь и Захак). Она начинается в ущелье Зу-ль-Фекар, где встречаются территории Ирана, Афганистана и Туркменистана, и заканчивается в районе горы Малек Сийах Кух², на стыке границ Ирана, Афганистана и Пакистана. На пограничной линии установлено 183 основных и 16 дополнительных пограничных знаков (76 из них – в провинции Систан и Белуджистан). На границе имеется три официальных погранпункта: 1) Дугарун (Тайбад, остан Хорасан-е Резави) – Исламкала (вулусвали [область]

Кябуде и Назар-хан – единственные оазисы в данном районе. В период после Исламской революции численность населения упомянутых деревень постепенно сокращалась и, в конце концов, достигла примерно 300 человек. В 1995 г. в рамках проекта по созданию закрытой приграничной зоны они были переселены в деревню Баренджеган, находящуюся прим. в 10 км от границы. В то же время в переданной Афганистану деревне Назар-хан, ныне растянутой вдоль линии границы, наблюдается рост населения (более 10 000 человек). Подобное переселение может привести к отрицательным последствиям и снизить уровень безопасности, поскольку способно спровоцировать дальнейшую миграцию в глубь страны, порожденную безработицей [1, с. 190–191, 195–199; 4; 8; 35, с. 131–135].

¹ М. Резави и Х. Рамазани, ссылаясь на данные Географического агентства ВС ИРИ, приводят цифру 919,1 км, из которых 681 км составляет сухопутные границы, а 238 – водные (р. Герируд, оз. Хамун, канал Сихсар и р. Гильменд). С.И. Сафави, М-Х. Нами и А. Джалали-насаб говорят о примерно 906 км, из которых 127 км – водные (96 км – Гильменд, 31 км – Заболь). А-Р. Сакех Хосейнпур пишет о прим. 855 км. В отчете турецкой разграничительной комиссии речь идет о примерно 815 км [8; 9, с. 6; 30, с. 56; 35, с. 130; 37, с. 108].

² О Малек Сийах Кух см., например: [21, с. 51].

Кохсан, вেলাят [провинция] Герат): главный и наиболее загруженный погранпункт¹, соединяющий Машхад с Гератом; 2) Милиак (деревня в шахрестане Хирманд остана Систан и Белуджистан) – Зарандж (центральный город вেলাята Нимруз): находится в 261 км к северу от Захедана возле пограничной реки Парйан (рукав Гильменда), переход границы осуществляется по мосту через р. Гильменд – Пол-е абришом (длина 320 м, ширина 12 м, сдан в эксплуатацию в 2004 г.); 3) Махируд (шахрестан Сарбише, остан Южный Хорасан) – Абу Наср Фарахи (велайат Фарах): ранее – «Пограничный пункт на 78 пограничном знаке», находится в 190 км от Бирджанда, в 20 км от деревни Махируд и в 120 км от афганского г. Фарах [1, с. 193; 3, с. 81; 11; 14; 18; 22, с. 6; 26; 37, с. 108–109; 50].

Ирано-афганская граница охраняется пограничными полками Тайбад (шахрестаны Тайбад, Торбат-е Джам и Хаф остана Хорасан-Резави; с сентября 2020 г. командир – полковник Мохаммад Чераг); Гезик (шахрестаны Зиркух, Дармийан и Сарбише остана Южный Хорасан, с марта 2020 г. командир – полковник Али Гяндоми); Нахбандан (шахрестан Нахбандан остана Южный Хорасан, с сентября 2020 г. командир – полковник Азизолла Резаи) и Заболь (шахрестан Заболь остана Систан и Белуджистан, на декабрь 2022 г. командир – полковник Али-Реза Санчули). В целях повышения уровня безопасности с осени 2018 г. к охране границы с Афганистаном были подключены сухопутные войска Иранской армии (Артеш) [2; 19; 30, с. 56–57; 36, с. 137; 47; 48].

Сложность охраны ирано-афганской границы в значительной степени обусловлена климатическими факторами. Поскольку регион граничит с пустынными зонами, в частности Дашт-е Лут, здесь нередки затрудняющие видимость 120-дневные ветры² и

¹ Между тем рентгеновская система досмотра большегрузного транспорта была введена в эксплуатацию в Дугаруне только в декабре 2022 г. [24].

² 120-дневные ветры дуют в Систане примерно с середины мая по середину сентября (с 20-х чисел июня по 20-е числа июля скорость ветра может достигать 110 км/ч). Раньше они выполняли функцию природного испарительного охладителя благодаря полноводию оз. Хамун, однако в связи с участвовавшими в последние два десятилетия засушливыми годами период господства этих ветров увеличился до 160 дней. Помимо истощения почвы песчаные бури приводят к заполнению песком русел каналов, рек и природных источников, создают дорожные заносы, служат причиной задержки или отмены авиарейсов, вызывают глазные и легочные заболевания (например, Систан занимает первое место в стране

песчаные бури, особенно актуальные в районе Заболя и Захака (в это время движение возможно только по дороге). Наименее благоприятным для проведения военных операций в регионе является летний период, особенно июль и август (наиболее приемлемая обстановка летом в Каине, Торбат-е Хейдарийе и Торбат-е Джам), а самыми благоприятными в климатическом отношении служат периоды с 23 сентября по 21 ноября и с 20 февраля по 19 апреля [22, с. 6, 18–19; 38, с. 788].

Серьезную проблему составляет вопрос восстановления пограничных знаков, значительное число которых к 2007 г. оказалось разрушено. По результатам ряда консультаций, проведенных специалистами обеих стран, 14 апреля 2007 г. стороны приняли меморандум о взаимопонимании, в котором помимо всего прочего зафиксировали решение о восстановлении утраченных и испорченных знаков, а также об упорядочивании пограничной документации. Реализация проекта началась с осени 2014 г. Он предусматривал проведение совместной аэрофотосъемки, создание общей пограничной карты с учетом имеющейся пограничной документации, а также определение точек установки дополнительных пограничных знаков. Предполагалось создание системы ITRF по линии границы с приблизительной дистанцией между опорными пунктами в 20 км, проведение совместных полевых, астрономических и геодезических наблюдений с целью выявления точности существующих знаков и местоположения утраченных, а также изготовление и установка новых пограничных знаков на основании протоколов совместной комиссии двух стран. На этом этапе Географическим агентством ВС ИРИ было выявлено множество ошибок в определении координат для целого ряда пограничных знаков¹, что поро-

по заболеваемости туберкулезом). Все эти факторы способствуют росту миграции. В последнее время правительство уделяет серьезное внимание использованию сисанских ветров для выработки электроэнергии (например, ветряная электростанция Мил-е Надер) [49].

¹ Так, например, линия Макмагона, проведенная в период с 1903 по 1905 г., ввиду отсутствия указания на секунды дает погрешность в определении положения на плоскости как минимум в 31 м. Для определения координат утраченных пограничных знаков необходимо сопоставление данных Макмагона с системой геодезических параметров WGS84, что затрудняется крайней размытостью первых [30, с. 66].

дило разногласия относительно корректности демаркации некоторых участков границы [30, с. 57–58, 64–65].

Со своей стороны, ИРИ продолжает мероприятия по усилению безопасности границы. Широко внедряются радары и оптико-электронные комплексы: например, на 180 км границы в остане Хорасан-Резави установлено более 30 камер слежения¹. К лету 2021 г. в пограничном районе Нахбандан создано 14 стационарных пограничных постов (с общим бюджетом более 20 млрд туманов) и наблюдательная башня построенной в 2014 г. погранзаставы Докухане (800 млн туманов). С октября 2019 г. по середину марта 2020 г. Генштабом ВС ИРИ на военные расходы остана Южный Хорасан было выделено 25 млрд туманов. В рамках реализации задачи по сближению с местным населением и вовлечению его в совместную деятельность по сбору информации в приграничной зоне пограничные подразделения остана Южный Хорасан принимают активное участие в общественной жизни. Например, во время эпидемии коронавируса раздавались маски, пограничное управление *остана* Южный Хорасан профинансировало строительство школы и т.д. [7; 39; 43; 46].

Однако с приходом 15 августа 2021 г. к власти в Афганистане движения «Талибан» ситуация на ирано-афганской границе резко обострилась², заметно выросло число пограничных инцидентов. Так, 23 апреля 2022 г. пограничные войска «Талибана» без согласования с ИРИ попытались начать строительство дороги в непосредственной близости от иранской границы и встретили отпор со стороны иранских пограничников. Возникшее напряжение удалось решить, но некоторое время КПП Дугарун был закрыт. Одним из наиболее проблемных мест стала территория в районе Захака³, че-

¹ Благодаря интенсивному наблюдению с 21 марта 2021 по февраль 2022 г. было задержано более 115 000 нарушителей госграницы, возвращенных в свои страны [46].

² Надо сказать, что именно дестабилизация ситуации в пограничных районах ИРИ, спровоцированная первым приходом «Талибана» к власти в 1996 г., побудила иранское правительство начать в 1998 г. масштабные мероприятия по укреплению афганской границы, степень безопасности которой в то время находилась на достаточно низком уровне. См.: [34, с. 147–148].

³ Протяженность ирано-афганской границы на территории шахрестана Захак равна 67 км, 45 км из которых – сухопутные, а 22 км – водные [10, с. 174].

рез который проходит часть 130-километровой стены, построенной иранскими пограничниками в 2002 г. с целью воспрепятствовать движению наркокараванов и проникновению незаконных мигрантов. Пограничная линия на данном участке следует по тальвегу р. Гильменд¹; из-за периодических разливов стену пришлось отнести вглубь иранской территории на 200–500 м. Здесь в течение года произошло несколько столкновений, поводом для которых стали находящиеся за стеной участки пахотной земли (по разным данным, от 1500 до 3000 га), на которой несколько раз в неделю работают крестьяне из близлежащих иранских деревень (например, Мухтар, недалеко от г. Дуст-Мухаммад шахрестана Хирманд). Однако в какой-то момент афганские пограничники открыли по работающим на тракторах иранцам огонь, считая, как говорит официальная иранская версия, эти земли афганской территорией, а защитную стену, соответственно – нулевой точкой. После инцидента 31 июля 2022 г. по инициативе спецпредставителя президента ИРИ по делам Афганистана Хасана Каземи Коми состоялось заседание с участием представителя военного ведомства талибских властей. Позднее был создан совместный комитет, в задачу которого входила разработка механизмов взаимодействия, исключающих повторение подобного рода ситуаций. Однако в целом процесс установления взаимопонимания с талибскими пограничниками протекает не слишком гладко. Так, например, в мае 2022 г. в пограничном районе Тайбад был организован совместный намаз иранских и афганских пограничников, на котором присутствовал командующий пограничными войсками ИРИ А. А. Гударзи². Тем не менее 10 августа 2022 г. талибы атаковали патрульный автомобиль созданной буквально полгода назад пограничной заставы Хаштадан (пограничный полк Тайбад), погиб солдат срочной службы. При этом, вероятно, вследствие подобно-

¹ В период пересыхания русла линия определяется с помощью пограничных знаков.

² В связи с сопровождающим публикацию соответствующего фото рядом отрицательных комментариев, среди которых помимо недопустимости совместной молитвы с террористами звучит мотив неприемлемости молитвы с суннитами, стоит заметить, что командный состав пограничного отряда Гезик (Южный Хорасан) несколько раз принимал участие в суннитских намазах, используя эту возможность для обращения к суннитскому населению региона [41; 43].

го рода инцидентов, а также под влиянием неоднократных заявлений иранской стороны руководство «Талибана» в конце октября 2022 г. озвучило решение о начале восстановления нескольких десятков пограничных постов в вelayate Фарах [6; 20; 23; 25; 27; 31; 41; 45].

Официальная позиция властей ИРИ сводится к тому, что упомянутая череда инцидентов явилась следствием незнания талибами основополагающих документов и точных данных о прохождении линии границы. Так, по мнению бывшего посла ИРИ в Афганистане Абу-ль-Фазла Захреванда, талибы даже не понимают значения термина «разграничительная линия». Не обладая необходимыми навыками в государственном управлении, они ликвидировали соответствующие структуры, созданные прежним режимом, а также отстранили связанных с последним чиновников, уже успевших приобрести определенный опыт [6; 40]. Тем не менее проблема, как представляется, имеет более глубокую подоплеку. Например, бывший заместитель руководителя Департамента политических и международных исследований МИД ИРИ Мохсен Рухисефат считает весьма вероятным сценарий, при котором региональные соперники Ирана могут воспользоваться разногласиями в рядах «Талибана» для создания и поддержания нестабильности на границах ИРИ, в связи с чем он не просто дает отрицательный прогноз по стабилизации ситуации на границе, но даже допускает ее ухудшение [15]. В пользу последнего прогноза может говорить и недавнее появление в газете *Хаит-е собх* [Восемь утра] сообщения о столкновении между военными «Талибана» и иранскими пограничниками 5 марта 2023 г., в ходе которого было применено ракетное вооружение: в результате ракетной атаки иранцев был тяжело ранен один человек, а также разрушен жилой дом в афганском г. Зарандж провинции Нимруз. Кроме того, утверждается, что иранские ракеты упали в районе Управления безопасности упомянутой провинции. Между тем начальник нимрузского управления Министерства информации и культуры Хабиболла Эльхам заявил корреспонденту персидской службы газеты *Independent*, что имела место лишь легкая перестрелка, а фото, сопровождающие публикации об этом событии, не имеют к случившемуся никакого отношения [28;

33]¹. Газета *Хаит-е собх* не является официальным печатным органом движения «Талибан» и в данном случае выступает, по сути, единственным источником информации об упомянутом происшествии, что наводит на мысль о фейковом характере новости. Молчание же иранских официальных СМИ может свидетельствовать о том, что речь идет о провокациях со стороны радикально настроенных группировок «Талибана».

И все же в общем контексте весьма символична установка талибами в декабре 2022 г. на перекрестке Даханбаг в Кабуле 8-метрового в диаметре глобуса весом в 2 т. Глобус примечателен тем, что территория Афганистана на нем заметно превышает актуальную: в частности, Восточный Иран по линии «Машхад – Керман» оказывается афганским, хотя Иран получает доступ к восточному побережью Каспийского моря и приобретает Грузию. Пакистан теряет Исламабад и большую часть Белуджистана, но приближается к Нью-Дели. Кашмир предстает независимым, но оказывается на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Северные границы Афганистана входят в непосредственный контакт с Казахстаном [44]. Несмотря на уверения создателей в том, что столь гипертрофированное изображение Афганистана носит сугубо познавательный характер, трудно не вспомнить времена первого пребывания талибов у власти (1996–2001) и не усмотреть в этой акции потенциальный радикально-мессианский внешнеполитический проект Исламского Эмирата Афганистан². Поэтому в ожидании конкретных действий, подтверждающих мирную риторику талибов, соседним с Афганистаном государствам придется задуматься о серьезном усилении охраны своих границ³.

¹ Эпизод, имевший место 27 февраля 2023 г., когда контрабандист, перевозивший в своем грузовике топливо под прикрытием бытовой техники, скрываясь от пограничников, перевез на афганскую сторону производившего досмотр в фургоне иранского солдата погранпункта Миляк, который тут же был арестован талибами, пожалуй, стоит отнести к разряду курьезных. Позднее солдат был освобожден [29].

² О мессианских мотивах в идеологии талибов образца 1996–2001 гг. см.: [5, с. [124–132].

³ Так, например, министр иностранных дел Пакистана Билавал Зардари заявил о том, что в бюджете США на 2023 г. заложена помощь Пакистану в укреп-

Список литературы

1. Аламдар И., Расти О., Зоркани С.Х. Анализ последствий установления границ и реализации пограничных проектов и политики. Кейс населенных пунктов на границе Ирана и Афганистана (Йаздан, Кябуде и ферма Назар-хан) = Тахлил-е пейамадха-йе эстекрар-е марз ва эджра-йе тархха ва сийасатха-йе марзи. Намуне-йе моуреди-йе рустаха-йе марзи-йе Иран ва Афганестан (Йаздан, Кябуде ва мазра-йе Назар-Хан) // Амайеш-е сийаси-йе фаза. – 1398/2019. – Т. 1, № 4. – С. 189–200. – Фарси.
2. Армии поручено обеспечение безопасности ирано-афганской границы = Ар-теш масул-е таамин-е амнийат-е марз-е Иран бо Афганестан шод. – Табнак, 2018. – URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/854927> (дата обращения: 10.12.2022). – Фарси.
3. Байат-е Кухсар Ф., Мохаммади Р., Гязме А-Р. Роль приграничных рынков в обеспечении безопасности, создании рабочих мест и развитии приграничных районов (кейс приграничного рынка Миляк Забольский) = Барраси-йе накш-е базарчеха-йе марзи дар амнийат, этшегал ва тоусе-йе манате-е марзи (моталее-йе моуде: базарче-йе марзи-йе Миляк-е Заболь) // Моталее-е марзи. – 1395/2016. – Т. 4, № 3. – С. 79–101. – Фарси.
4. «Баренджеган» преодолевает трудности = Баренджеган дар гозар аз ранджха // Хабаргозари-йе Джомхури-йе эслами. – 2019. – URL: <https://www.irna.ir/news/83286690> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
5. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение «Талибан» и перспективы Афганистана и Пакистана. – Москва : ИВ РАН, 2014. – 216 с.
6. Весь секрет – в «стене»? За кадром перестрелки Талибана с иранскими пограничниками в Захаке = Хаме чиз зир-е сар-е «дивар» аст? Пошт-е парде-йе тирандази-йе Талебан бе марзбанан-е ирани дар «Захак» // Хабар-е онлайн. – 2022. – URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1658477> (дата обращения: 15.02.2023). – Фарси.
7. Демонстрация силы пограничников в самом сердце пустыни: открытие 14 пограничных постов в Южном Хорасане = Намайеш-е эктедар-е марзбанан дар дел-е Кевир: эфтегах-е 14 пасгах-е марзи дар Хорасан-е Джонуби // Башгах-е хабаргозаран-е джаван. – 2021. – URL: <https://www.yjc.ir/fa/news/7777420> / نمایش-اقتدار مرزبانان در دل کویر افتتاح-۱۴ پایگاه مرزی در خراسان جنوبی (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
8. Закон о ратификации арбитражного решения государства Турция относительно делимитации границ Ирана и Афганистана = Канун-е тасвиб-е рай-йе хакамийат-е доулят-е Торкийе радже бе тахдид-е ходуд-е Иран ва Афганестан // Сагман Мохаммади. – URL: <http://www.smalawyer.ir/laws/21964> / قانون تصویب-ای حکمیت دولت ترکیه بر اجماع به تعیین حدود ایران و افغانستان (дата обращения: 14.12.2022).

лении его границы с Афганистаном (протяженностью около 2600 км), большая часть которой уже оборудована заграждением из колючей проволоки [32].

9. Кавийани Рад М., Моттаки А., Зоркани С.Х. Выявление и анализ переменных и индексов, определяющих стратегическое значение Герируда для Ирана (анализ взаимовлияния) = Шенасайи ва тахлил-е мотагайерха ва шахесха-йе моассер дар ахамийат-е рахборди-йе Харируд бара-йе Иран бо руйкярд-е тахлил-е таасират-е мотакабель // Тахикат-е рахборди-йе улум-е джографийи. – 1398/2020. – Т. 19, № 55. – С. 1–22. – Фарси.
10. Касеми И., Касеми Сийани М. Пространственный анализ природной устойчивости в приграничных районах. Кейс шахрестана Захак = Тахлил-е фазайи-е табавари-йе табиӣ дар манатек-е марзи. Моуред моталез: шахрестан-е Захак // Тахлил-е фазайи-е мохатерат-е мохити. – 1400/2021. – № 1. – С. 167–188. – Фарси.
11. Командующий пограничными войсками [провинции] Хорасан-Резави: мы полностью контролируем информацию на границе остана = Фармандех-е марзбани-йе Хорасан-е Резави: бар марзха-йе остан эшраф-е эттелаати-йе камель воджуд дарад // Хабаргозари-йе Джомхури-йе эслами. – 2022. – URL: <https://www.irna.ir/news/84766586> (дата обращения: 15.02.2023). – Фарси.
12. Корани М. Беседа с командиром пограничного округа Хорасан-Резави: границы остана – в безопасности = Гофтогу бо фармандех-е марзбани-йе Хорасан-е Резави: марзха-йе остан амн ва аман аст // Шахр-ара-нийуз. – 2022. – URL: <https://shahrarane.ir/fa/news/98610> (дата обращения: 15.02.2023). – Фарси.
13. Лакзи М., Атхари А. Роль Турции в установлении восточной границы Ирана = Накш-е Торкийе дар таайин-е марзха-йе хавари-йе Иран // Пажухешха-йе тарихи-йе Иран ва ислам. – 1398/2019. – № 29. – С. 211–229. – Фарси.
14. Международный «Шёлковый мост» на границе Ирана и Афганистана готов к вводу в эксплуатацию = Пол-е бейн аль-мелали-йе Абришом дар марз-е Иран ва Афганестан бара-йе бахребардари амаде шод // Хабаргозари-йе Джомхури-йе Эслами. – 2004. – URL: <https://www.irna.ir/news/6797591> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
15. «Мина» кризиса на границе Ирана и Талибана = «Мин»-е бохран дар марз-е Иран ва Талебан // Хабар-е онлайн. – 2022. – URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1660596> (дата обращения: 15.02.2023). – Фарси.
16. Моджтахед-заде П. Восточные границы Ирана = Моджтахед-заде П. Марзха-йе шарки-йе Иран // Гофтогу. – 1377/1998. – № 21. – С. 25–39. – Фарси.
17. Мохбер М-А. Границы Ирана = Марзха-йе Иран. – Тегеран : Кейхан, 1324/1945. – 134 с.
18. На погранпункте Махируд в Южном Хорасане открыто [новое] здание = Сахтеман-е марзбани дар марз-е Махируд-е Хорасан-е Джонуби эфтах шод // Хабаргозари-йе Джомхури-йе Эслами. – 2022. – URL: <https://www.irna.ir/news/84588028> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
19. Назначен новый командир пограничного полка Тайбад = Фармандех-е джадид-е ханг-е марзи-йе Тайбад мансуб шод // Мехр. – 2020. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5026186> (дата обращения: 15.02.2023). – Фарси.

20. Неофициальные сообщения о столкновении талибов с иранскими пограничниками = Хабарха-йе гейр-е расми аз даргири-йе марзи-йе Талелбан бо марзбанан-е ирани // Табнак. – 2022. – URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/1134223> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
21. Норик Б.В. О современном состоянии ирано-пакистанской границы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 46–61.
22. Осанлу А., Ханафи А. Оценка и зонирование климатических факторов, влияющих на функционирование вооруженных сил и внутренних войск в приграничных с Афганистаном районах Ирана = Арзйаби ва пахнебанди-йе шахесха-йе эклими-йе моассер дар фаалият-е нируха-йе незами ва энтезами дар манатек-е марзи-йе Иран ва Афганестан // Моталеат-е марзи. – 1397/2018. – Т. 6, № 2. – С. 1–27. – Фарси.
23. Открытие пограничной заставы Хаштадан пограничного полка Тайбад в декаду Фаджр = Эфтах-е горухан-е марзи-йе Хаштадан-е ханг-е марзи-йе Тайбад хамзаман бо дахе-йе Фаджр // Хабаргозари-йе кар-е Иран. – 2022. – URL: <https://www.ilna.ir/-اقتتاح گروهان مرزی-هشتادان-هنگ> 1194575/92 بخش خراسان رضوی (дата обращения: 20.02.2023). – Фарси.
24. Первый рентгеновский комплекс досмотра грузового транспорта был запущен в особой экономической зоне «Дугарун» = Аввалин дастгах-е икс-рэй-йе камийуни дар мантаке-йе виже-йе эктесади-йе Дугарун рахандази шод // Шахраранийуз. – 2022. – URL: <https://shahraranews.ir/fa/news/138802> (дата обращения: 26.02.2023). – Фарси.
25. Пограничный конфликт между Ираном и Афганистаном. Граница в Исламкале закрыта = Танеш-е марзи-йе бейн-е Иран ва Афганестан. Марз-е Исламкале басте шод // Хамшахри. Online. – 2022. – URL: <https://www.hamshahrionline.ir/news/671797> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
26. Пограничный рынок Миялк = Базарче-йе марзи-йе Миялк // Фармандари-йе Хирманд. – URL: <https://hirmand.sbportal.ir/fa/business/frontier> (дата обращения: 15.02.2023). – Фарси.
27. Подробности сегодняшнего столкновения на границе Ирана и Афганистана = Джозийат-е даргири-йе эмуруз дар марз-е Иран ва Афганестан. // Апарат. – 2022. – URL: <https://www.aparat.com/v/WviHU> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
28. Ракетные атаки иранских пограничников в Нимрузе: один талиб ранен, разрушен жилой дом = Хамалат-е туп-ханеи-йе марзбанан-е ирани дар Нимруз: йек талелб захми ва йек хане-йе маскуни тахриб шод // Хашт-е собх. – 2023. – URL: <https://8am.media/iranian-border-guards-artillery-attacks-in-nimroz-a-student-was-injured-and-a-residential-house-was-destroyed> (дата обращения: 10.03.2023). – Фарси.
29. Реакция Министерства внутренних дел в связи с нападением Талибана на пограничника : состояние иранского солдата = Ваканеш-е Вазарат-е кешвар бе зарб-о-шатм-е ниру-йе марзбани тавассот-е Талелбан : Вазейат-е сарбаз-е

- марзбани // Хамшахри. Online. – 2023. – URL: <https://www.hamshahrionline.ir/news/745083> (дата доступа: 16.03.2023). – Фарси.
30. Резави М., Рамазани Х. О роли упорядочивания пограничных знаков [на границе] Ирана и Афганистана в разрешении пограничных противоречий между двумя странами (технический и правовой аспекты) = Барраси-йе накш-е самандехи-йе алайем-е марзи-йе Иран ва Афганестан дар халль ва фасл-е эхтелафат-е марзи-йе до кешвар (бо руйкярд-е фанни ва хокуки) // Моталеат-е марзи. – 1395/2016. – Т. 4, № 3. – С. 55–81. – Фарси.
31. Репортаж о восстановлении спокойствия на границе Ирана и Афганистана = Гозареш-е мейдани аз бар-карари-йе амнийат дар марз-е Иран ва Афганестан // Апарат. – URL: <https://www.aparat.com/v/0tkDH> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
32. Роухани В. Министр иностранных дел Талибана: «Пограничные трения идут во вред Афганистану и Пакистану» = Вазир-е харедже-йе Талелбан: танеш-е марзи бе зайан-е Афганестан ва Пакестан аст // Independent. Фарси. – 2022. – URL: <https://www.independentpersian.com/node/293716> (дата обращения: 20.02.2023). – Фарси.
33. Роухани В. Столкновение на границе между «Талибаном» и вооруженными силами Исламской Республики = Даргири-йе марзи мийан-е Талелбан ва нируха-йе Джомхури-йе Ислами // Independent. Фарси. – 2023. – URL: <https://www.independentpersian.com/node/311326> (дата обращения: 10.03.2023). – Фарси.
34. Сажин В.И. Иран против талибов. Новая война в Афганистане? // Ближний Восток и современность : сборник статей. – Москва : [б. и.], 1999. – Вып. 6. – С. 143–156.
35. Сакеб Хосейнпур А-Р. Границы Хорасана с соседними странами = Марзха-йе Хорасан бо кешварха-йе хамсайе // Тахикат-е джографияйи. – 1369/1990. – № 18. – С. 120–144. – Фарси.
36. Сангане Р. Анализ факторов, препятствующих противодействию незаконным переходам юго-восточной границы Ирана = Тахлил-е маване-йе мокабеле бо тараддод-е гейр-е моджаз аз марзха-йе джонуб-е шарк-е Иран // Моталеат-е марзи. – 1398/2020. – Т. 7, № 4 – С. 121–154. – Фарси.
37. Сафави С.Й., Нами М-Х., Джалали-насаб А. География безопасности ирано-афганской границы и ее влияние на национальную безопасность Исламской Республики Иран = Джография-йе амнийати-йе марз-е Иран ва Афганестан ва таасир-е ан бар амнийат-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран // Рахборд-е дафаи. – 1395/2016. – Т. 16, № 53. – С. 97–135. – Фарси.
38. Сафари А., Эбадинежад С.А. Пограничные препятствия на юго-востоке страны и геоморфологические процессы = Энседад-е марзха-йе джонуб-е шарки-йе кешвар ва фарайандха-йе жиумурфулужики // Шахрха-йе марзи ва амнийат: чалешха ва рахйафтха / Хамайеш-е мелли. – [Б. м.] : [б. и.], 1391/2013. – С. 783–791. – Фарси.
39. Сдана в эксплуатацию погранзаства Докухане в [шахрестане] Нахбандан = Горухан-е марзи-йе Докухане-йе Нахбандан бе бахребардари расид // Тасним. –

Ирано-афганские пограничные споры: от Реза-шаха Пехлеви до Талибана

2014. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1392/11/21/279235> (дата обращения: 12.12.2022). – Фарси.
40. Секрет пограничных трений между Талибаном и Ираном – в том, что они [Талибан] не знают, что такое «граница»! = Рамзгошайи аз танешха-йе марзи-йе Талебан бо Иран – анха неמידонанд «марз» чист! // Пишхан. – 2022. – URL: <https://www.pishkhan.com/news/265242> (дата обращения: 15.02.2023). – Фарси.
41. Совместная молитва пограничников Ирана и Талибана = Намаз-е джамаат-е марзбанан-е Иран ва Талебан // Машрек. – 2022. – URL: <https://www.mashreg.hnews.ir/photo/1374011> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
42. Солеймани Дехкорди К., Найерабади М. Пограничные проблемы Ирана и Афганистана в эпоху Реза-шаха = Чалешха-йе марзи-йе Иран ва Афганестан дар доуре-йе Реза-шах // Тарих-е ислам ва Иран. – 1391/2012. – Т. 16, № 105. – С. 111–142. – Фарси.
43. Социальное служение пограничного полка Гезик = Хадамат-е анджам шоде тавассот-е ханг-е марзи-йе Гезик // Телевебион. – 2022. – URL: <https://telewebion.com/episode/0x29a72d9> (дата обращения: 12.12.2022). – Фарси.
44. Талибан захватил географические границы Ирана! = Тасарроф-е марзха-йе джографийайи-йе Иран тавассот-е Талебан! // Вакайе-йе руз. – 2022. – URL: <https://vaghayerooz.com/fa/news/41270/ایران-توسط-طالبان-تصرف-مرزهای-جغرافیایی> (дата обращения: 12.12.2022). – Фарси.
45. Талибы сообщили о создании дополнительных застав на границе Афганистана и Ирана = Талебан аз иджад-йе пасгахха-йе биштар дар марз-е Афганестан ва Иран хабар даданд // Хашт-е собх. – 2022. – URL: <https://8am.media/the-taliban-announced-the-establishment-of-more-checkpoints-on-the-border-between-afghanistan-and-iran> (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
46. Тоухиди М. «Умная» граница = Марзбани-йе хушманд // Кодс. – 2022. – URL: <https://www.qudsonline.ir/news/787212> (дата обращения: 25.02.2023). – Фарси.
47. Церемония чествования и представления командира пограничного полка Гезик = Баргозари-йе марасем-е такрим ва моарефе-йе фармандех-е ханг-е марзи-йе Гезик // Пайгах-е эттеларасани-йе оstandари-йе Хорасан-е Джонуби. – 2020. – URL: http://sk-dm.ir/page-main/fa/0/dorsaetoolsnewsnew/140312-G0/tool_dorsaetoolsnewsnew_sample_main_block1670/ (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
48. Церемония чествования и представления командира пограничного полка Нахбандан = Марасем-е такрим ва моарефе-йе фармандех-е ханг-е марзи-йе Нахбандан // Пайгах-е эттеларасани-йе оstandари-йе Хорасан-е Джонуби. – 2020. – URL: https://www.sko.ir/page-main/fa/0/dorsaetoolsnewsnew/137023-G0/tool_dorsaetoolsnewsnew_sample_main_block1670 (дата обращения: 15.01.2023). – Фарси.
49. 120-дневные ветры в Систане: опасные и полезные стороны = Бадха-йе 120 рузе-йе Систан ва мохатерат ва фавайед-е ан // Хабаргозари-йе Джомхури-йе эслами. – 2022. – URL: <https://www.irna.ir/news/84744891> (дата обращения: 08.12.2022). – Фарси.

50. Iran border crossings // Caravanistan. – 2023. – URL: <https://caravanistan.com/border-crossings/iran/#iran-afghanistan-border-crossings> (дата обращения: 26.02.2023).
51. Prescott J.R.V. Map of Mainland Asia by Treaty. – Carlton, Vic. : Melbourne University Press, 1975. – 518 p.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

АЛЕКСАНИЯН Л.М.* ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АРМЕНИИ ПОСЛЕ «БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Аннотация: В статье рассматривается политическая ситуация в Армении после «бархатной революции» (2018). Раскрываются особенности правления Никола Пашиняна и обозначаются тенденции, возникшие в политической жизни Армении. Делается вывод о том, что новому руководству не удалось изменить внутриполитический курс, что привело к развитию авторитарных тенденций в стране. Подчеркивается, что цель Н. Пашиняна заключается в монополизации политического пространства страны и установлении полного контроля над всеми ветвями власти.

Ключевые слова: Армения; Никол Пашинян; «революционное руководство»; демократия.

ALEKSANYAN L.M. Political processes in Armenia after the «Velvet revolution»

Abstract. The article examines the political situation in Armenia after the «Velvet revolution» (2018). The peculiarities of the rule of Nikol Pashinyan are revealed and the trends that have emerged in the political life of Armenia are indicated. It is concluded that the new leadership failed to change the domestic political course, which led to the development of authoritarian tendencies in the country. It is emphasized that N. Pashinyan's goal is to monopolize the country's political space and establish full control over all branches of power.

Keywords: Armenia; Nikol Pashinyan; «revolutionary leadership»; democracy.

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Политические процессы в Армении после «Бархатной революции» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – №. 3 – С. 66–74. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.04

Введение

С научной и практической точек зрения особый интерес представляет изучение политической конъюнктуры Армении. После распада СССР эта страна выбрала собственный путь развития политической системы, построения своей демократической архитектуры. На трансформацию политического ландшафта в Армении большое влияние оказал Карабахский конфликт. Именно этот конфликт способствовал консолидации политических сил и общества в начале 1990-х годов. Однако, несмотря на наличие «внешней угрозы», в последнее десятилетие обострилась внутривнутриполитическая борьба на фоне сложной социально-экономической ситуации, что привело к политическому кризису в стране. Попытки пролонгации режима третьего президента Сержа Саргсяна (2008–2018) на фоне крайне низкого уровня легитимности правящей партии привели к мощным протестным акциям в стране в 2018 г.

Предпосылкой политического кризиса в Армении стало разочарование различных социальных групп в монополизации власти и олигархизации экономики [5, с. 143]. Социальная поляризация и масштабная коррупция вызвали всеобщее недовольство армянского общества. Согласно статистическим данным, представленным Статистическим комитетом Республики Армения, в 2017 г. уровень безработицы и бедности достиг соответственно 17,8 и 27,5% [7]. При этом 36,1% образованных людей не имели работу [7]. Масштабная коррупция, как главная причина недоведения граждан к власти, глубоко проникла во все сферы жизни общества. До революции Армения заняла 107-е место среди 180 стран по Индексу восприятия коррупции, опубликованному международным антикоррупционным движением Transparency International (запрещенное в России) [17]. Таким образом, фундаментальная несправедливость складывающегося политического строя и сложная социально-экономическая ситуация создали плодотворную почву для протестных акций общепармянского размаха.

В результате Сержу Саргсяну не удалось удержать власть, и под давлением многотысячных уличных протестантов Н. Пашинян был избран премьер-министром страны. Он, получив мандат общенационального лидера, обязался осуществить политический транзит и демонтаж олигархического авторитарного политического строя Армении [1]. Этот транзит власти далее осуществился путем кадровой чистки в высшем эшелоне власти и руководстве областей страны и завершился досрочными парламентскими выборами (декабрь 2018 г.), где убедительную победу одержал блок «Мой шаг» во главе с Пашиняном [18].

Внутренняя политика «революционного руководства»: подходы и принципы новых властей

После завершения транзита власти Н. Пашинян предпринял конкретные меры для усиления своих позиций. Пашинян под предлогом демонтажа олигархического авторитарного политического строя, на самом деле, активизировал процесс установления контроля над всеми ветвями власти. Этот процесс стартовал с акцентом на подчинение судебной системы «революционному руководству». Сразу после событий 2018 г. началось активное обсуждение необходимости переходного правосудия [4]. В мае 2019 г. на уровне премьер-министра было объявлено о внедрении веттинга судей, как основного инструмента переходного правосудия. Однако эффективные механизмы по этому инструменту так и не были запущены. По мнению бывшего посла Армении в Великобритании Ваграма Абаджяна, Н. Пашинян под видом создания прозрачной и некоррупцированной судебной системы «начал реализовать реформы, которые на самом деле касались отдельных лиц» [14, р. 130]. Такой подход был направлен на установление контроля Пашиняна над судебной властью. Попытки премьер-министра обеспечить полное подчинение этой системы сталкивались с сопротивлением членов Конституционного суда, которые были назначены еще при Серже Саргсяне и до начала 2020 г. были последними госслужащими [2], сохранившими независимость от команды Пашиняна [11]. Для преодоления этого барьера «революционное руководство» начало процесс обновления Конституционного суда путем конституционных поправок. Премьер-министр объяснил

эту инициативу стремлением к демократизации [11]. В результате в июне 2020 г. парламент принял поправки в Конституцию страны, предусматривающие смену состава Конституционного суда [10]. Нейтрализация Конституционного суда имела цель укрепления политических позиций Пашиняна, тем самым препятствуя реализации истинных реформ в судебной-правовой отрасли и укреплению демократических ценностей в стране.

По мнению Абаджяна, всё это привело к тому, что широкие слои армянского общества стали подозревать исполнительную власть в необъективности и вмешательстве в судебную систему [14, р. 134]. К такому общественному мнению привели также неоднозначные судебные процессы над бывшими президентами республики – Робертом Кочаряном и Сержем Саргсяном. Согласно соц-опросу Кавказского центра исследовательских ресурсов (CRRC), если в 2019 г. 47% респондентов выразили полное недоверие к судебной системе, то в 2021 г. этот показатель достиг 54%, т.е. уровня дореволюционного периода (в 2017 г. – 54%) [15].

В процессе укрепления политических позиций Пашинян остро нуждался в сохранении и усилении своего позитивного имиджа в армянском обществе. Дело в том, что в первые годы после революции поддержка армянского народа являлась главным и единственным фактором, позволяющим ему сохранять власть [1]. Таким образом, Пашинян, учитывая необходимость полной поддержки народа, предпринял меры по нейтрализации основного источника недовольства армянского общества, образовавшегося в период правления первых трех президентов страны. Н. Пашинян, осознавая, что одна из основных причин недовольства общества заключалась в социальной поляризации и коррумпированности прежнего режима, начал репрессии против высокопоставленных представителей старых властей. Борьба с коррупцией стала не только весомым источником пополнения государственного бюджета, но и эффективным средством политической борьбы [9, с. 115]. После ряда арестов и привлечения к уголовной ответственности ряда должностных лиц в государственный бюджет было возвращено 27 млрд драмов в период с июня 2018 по февраля 2019 г. [6, с. 215]. Таким образом, эта стратегия привела к искоренению системной коррупции в стране, ослаблению политических соперников и увеличению притока средств в государственный

бюджет. На фоне этих процессов стали наблюдаться положительные тенденции в социально-экономической жизни Армении. В частности, в 2019 г. был зафиксирован рост ВВП на 8,2%, а также снижение безработицы на 0,7% [13, с. 98], увеличение объема промышленной продукции на 9%, повышение пенсий и пособий и т.д. Однако, по убеждению Абаджяна, «революционеры» выделились непоследовательностью в возвращении народу национального богатства, разграбленного олигархами [14, р. 133]. Кроме того, со временем коррупция прошлой формы трансформировалась в новую узаконенную форму. Это объясняется, например, резким повышением государственных зарплат министров, заместителей министров и других высокопоставленных государственных чиновников на фоне незаконного увеличения премиальных выплат. Доказательством вышесказанного служат данные, предоставленные международной антикоррупционной организацией Transparency International (запрещенная в России), согласно которым в 2022 г. в Армении было зафиксировано заметное повышение уровня коррупции [16]. Все это приводит к выводу, что властям Армении не хватило политической воли и компетентности для выполнения до-революционных обещаний. Тем не менее в феврале 2023 г. Паши-нян объявил о разработке новой Антикоррупционной стратегии, при этом высоко оценивая действия правительства в борьбе с коррупцией за последние годы [3].

Общественное восприятие политики «революционного руководства»

Подходы и принципы руководства Пашиняна стали постепенно вызывать разочарование в армянском обществе в плане решения социальных проблем и улучшения жизни населения. Репутация премьер-министра хоть и оставалась самой высокой в стране, тем не менее со временем пошла на спад. Для Пашиняна и его команды серьезным испытанием стало распространение коронавирусной инфекции COVID-19, неэффективная борьба с которой привела к осложнению социально-экономической ситуации в стране [12] и дальнейшему росту общественного недовольства. Пиком общественных разочарований стало поражение Армении в Нагорно-Карабахской войне (осень 2020 г.), что привело к разви-

тию внутривластического кризиса в стране. Именно из-за войны Пашинян потерял всенародную поддержку и столкнулся с крайне низким рейтингом с момента, как он стал премьером. На этом фоне активизировались оппозиционные силы, которые начали вести политическую борьбу за власть, требуя отставку Пашиняна. Динамика протестных акций дважды достигала своего пика (декабрь 2020 г. и февраль 2021 г.), но затем шла на спад [8]. Это объяснялось низкой популярностью оппозиционных сил во главе с бывшими президентами, их раздробленностью и разочарованием общества всеми политическими силами страны. Политический кризис в Армении завершился внеочередными парламентскими выборами в июне 2021 г., где вопреки данным всех социологических опросов команда Пашиняна одержала победу. Такой результат был обусловлен отсутствием альтернативной стратегии развития у оппозиционных сил, а также основным электоратом Пашиняна, который верил в революционную власть. Эта победа Пашиняна, по его оценкам, стала «стальной революцией». С этого момента команда Пашиняна начала усиливать свой контроль над политической жизнью страны и углублять общественную поляризацию. Разделение общества на «черных» и «белых» продолжало выступать в качестве основной догмы для формирования политического мышления и поведения Пашиняна [14, р. 143]. Это стало мощным инструментом пропаганды для оправдания неадекватности, отсутствия стратегии и плохой работы новых властей.

Несмотря на то что Пашиняну удалось обеспечить пролонгацию своей власти, тем не менее он продолжает сталкиваться с растущим недоверием широких народных масс. Об этом свидетельствуют результаты соцопроса Кавказского центра исследовательских ресурсов (CRRC), согласно которым в 2021 г. лишь 17% респондентов считали, что внутренняя политика Армении развивалась в правильном направлении, при этом доверие Национальному собранию и правительству составило лишь 14% [15]. То есть общественное доверие к властям достигло уровня дореволюционного периода. Кроме того 43% респондентов считали, что правительство Пашиняна не имело никаких успехов, а 12% главным успехом новых властей считали внушение надежды на демократическое развитие Армении в 2018 г. При этом 56% респондентов заявили, что их ожидания, связанные с революцией, не оправдались.

Соцопрос также выявил интересный факт: если до 2020 г. основными проблемами страны считались безработица и бедность, то в 2021 г. 81% респондентов указывал на вопросы безопасности. Таким образом, можно констатировать, что неопытность и недалководидность «революционного руководства» во внешней политике оказали негативное влияние на общественное доверие к властям. Снижающаяся легитимность премьер-министра и правящей партии также обусловлена отсутствием значительных успехов в сфере правосудия переходного периода, реализации судебных реформ, искоренении коррупции, социально-экономического развития и т.д. В таком случае сложно не согласиться с мнением Абаджяна, что в отличие от внушительного начала протестных действий, политическое будущее Армении не столь многообещающее [14, p. 143].

Заключение

Протестная волна 2018 г. имела потенциал для осуществления фундаментальных революционных изменений и укрепления демократических ценностей в Армении. Однако новому руководству не удалось изменить внутривнутриполитический курс, что привело к развитию авторитарных тенденций в стране. Это означает, что «революционное руководство» Армении не смогло установить новый порядок, радикально отличавшийся от предыдущего.

Анализ внутривнутриполитической ситуации в Республике Армения показывает, что правление Пашиняна характеризуется непоследовательностью, отсутствием идеологии и политического видения развития, ситуативным реагированием на вызовы и запоздалым принятием решений [14, p. 135]. Руководство Пашиняна акцентировало свой общественный имидж и популярность, при этом игнорируя возможности изменения политической системы страны. Этому способствовало также отсутствие независимой и конструктивной оппозиции. Все это привело к формированию новой монополярной власти и гомогенизации политического пространства, где персонализация политики продолжает играть центральную роль.

Список литературы

1. Арзуманян Р. Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия социология. Политология. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 223–230. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/barhatnaya-revolutsiya-v-armenii-vyzovy-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Армянскую конституцию готовят к реформам // Коммерсантъ. – 2021. – 20 декабря. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5140875> (дата обращения: 17.04.2023).
3. В Армении разрабатывают новую Антикоррупционную стратегию // Arka News Agency. – 2023. – 11 февраля. – URL: http://arka.am/ru/news/society/v_armenii_razrabatyvayut_novuyu_antikorrupcionnuyu_strategiyu/ (дата обращения: 20.04.2023).
4. Веттинг. Идет ли процесс реализации? // Civilnet. – 2022. – 18 октября. – URL: <https://www.civilnet.am/news/679417/%D5%BE%D5%A5%D5%A9%D5%AB%D5%B6%D5%A3-%D5%B8%D5%9E%D6%82%D6%80-%D5%B0%D5%A1%D5%BD%D5%A1%D5%BE-%D5%AB%D6%80%D5%A1%D5%AF%D5%A1%D5%B6%D5%A1%D6%81%D5%B8%D6%82%D5%B4%D5%A8/> (дата обращения: 17.04.2023). на арм. яз.
5. Григорян Г. Политические процессы в Армении: вызовы и возможности // Россия и новые государства Евразии. – 2019. – № 2 (43). – С. 141–160.
6. Егиков А. Внешняя и внутренняя политика Армении после «Бархатной революции» // Международная наука как фактор и ресурс опережающего развития : сборник трудов конференции. – 2020. – С. 214–218.
7. Ежегодники. Статистический комитет Республики Армения. – URL: <https://armstat.am/ru/?nid=586> (дата обращения: 12.06.2021).
8. Маркедонов С. Отставка ради власти: почему Никола Пашиняна рано списывать со счетов // Forbes. – 2021. – 29 марта. – URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/424769-otstavka-radi-vlasti-pochemu-nikola-pashinyana-rano-spisyvat-so-schetov> (дата обращения: 17.06.2021).
9. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы / под ред. Соловьева Э., Чуфрина Г. – Москва : ИМЭМО, 2020. – 276 с.
10. Поправки в Конституцию Армении для устранения старых судей КС // Sputnik Армения. – URL: <https://ru.armeniasputnik.am/popravki-v-konstituciyu-armenii-dlya-ustraneniya-staryh-sudej-ks/> (дата обращения: 20.04.2023).
11. Пошли на поправки: почему в Армении разгоняют Конституционный суд // Известия. – 2020. – 27 февраля. – URL: <https://iz.ru/980524/igor-karmazin/poshli-na-popravki-pochemu-v-armenii-razgoniaut-konstitucionnyi-sud> (дата обращения: 20.04.2023).
12. Статистические данные // Статистический комитет РА. – URL: <https://armstat.am/ru/> (дата обращения: 13.06.2021).

13. Статистический ежегодник Армении 2020 // Статистический Комитет Республики Армения. – 2020. – 621 с. – URL: <https://armstat.am/ru/?nid=586&year=2020> (дата обращения: 13.06.2021).
14. Abadjian V. Pashinyan's Gambit or Armenia's Failed Revolution // Acta Via Serica. – 2020. – Vol. 5, N 1. – P. 121–152.
15. Caucasus Barometer 2021/22 // CRRC Armenia. – Yerevan. – 2022. – June. – URL: https://www.crrc.am/wp-content/uploads/2022/06/Barometer-2021_pptx_ENG_Final_14%E2%80%A406%E2%80%A422.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
16. Corruption Perceptions Index 2022 // Transparency International anticorruption center. – URL: <https://transparency.am/en/cpi> (дата обращения: 20.04.2023).
17. CPI 2020 Scores for Armenia and Other Countries of the Region // Transparency International anticorruption center. – URL: <https://transparency.am/storage/CPI2020-Armenia-results-en.pdf?v=2> (дата обращения: 13.04.2023).
18. Early Elections to the National Assembly, 2018 // Central Electoral Commission. Republic of Armenia. – URL: <https://www.elections.am/Elections/Parliamentary> (дата обращения: 12.06.2021).

КУДАЯРОВ К.А.* АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ КИРГИЗИИ И КАЗАХСТАНА О СВО И РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка краткого обзора аналитических центров Киргизии и Казахстана в отношении российско-украинского кризиса. Посредством просмотра официальных сайтов и социальных сетей у «фабрик мысли» двух республик были выявлены основные темы, поднимавшиеся в экспертных обзорах, комментариях и интервью. Наиболее интересными вопросами аналитических центров явились торгово-экономические взаимоотношения Бишкека и Астаны с Москвой. Наибольшее внимание экспертов привлекли аспекты, касающиеся воздействия Специальной военной операции России на Украине на экономическое положение республик Центральной Азии. Эксперты Киргизии акцентировали внимание на безальтернативности киргизско-российского сотрудничества в рамках ЕАЭС и ОДКБ, при этом подчеркивая неизбежность негативного влияния возможного спада российской экономики на социально-экономическую ситуацию в Киргизской Республике. В то время как казахстанские коллеги уделяли больше внимания сохранению имеющегося уровня сотрудничества с Российской Федерацией при одновременном наращивании диверсификации экономики Казахстана для смягчения негативных последствий потенциально возможного экономического кризиса в России. Обзор материалов «мозговых центров» показал незначительную заинтересованность населения к аналитической продукции своих стран в пользу получения информации из

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН.

традиционных видов СМИ (телевидения) и различных источников информации в сети Интернет.

Ключевые слова: аналитические центры; Киргизия; Казахстан; Россия; СВО; статьи; интервью; комментарии.

KUDAYAROV K.A. Analytical centers of Kyrgyzstan and Kazakhstan on the Special Military Operation and the Russian-Ukrainian crisis

Abstract. The article attempts to briefly review the analytical centers of Kyrgyzstan and Kazakhstan in relation to the Russian-Ukrainian crisis. By browsing the official websites and social networks of Youtube and Facebook of the “thought factories” of the two republics, the main topics raised in expert reviews, comments and interviews were identified. The most interesting issues of the analytical centers were the trade and economic relations of Bishkek and Astana with Moscow. The greatest attention of experts was attracted by aspects concerning the impact of Russia’s Special Military Operation in Ukraine on the economic situation of the Central Asian republics. Kyrgyz experts focused on the lack of alternatives to Kyrgyz-Russian cooperation within the framework of the EAEU and the CSTO, while emphasizing the inevitability of the negative impact of a possible downturn in the Russian economy on the socio-economic situation in the Kyrgyz Republic. While Kazakh colleagues paid more attention to maintaining the existing level of cooperation with the Russian Federation while increasing the diversification of Kazakhstan’s economy to mitigate the negative consequences of a potentially possible economic crisis in Russia. A review of the materials of the “think tanks” showed a slight interest of the population in the analytical products of their countries in favor of obtaining information from traditional types of media (television) and various sources of information on the Internet.

Keywords: Analytical centers; Kyrgyzstan; Kazakhstan; Russia; Special Military Operation; articles; interviews; comments.

Для цитирования: Кудаяров К.А. Аналитические центры Киргизии и Казахстана о СВО и российско-украинском кризисе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 75–95.
DOI: 10.31249/RVA/2023.03.05

Аналитические центры (АЦ) Казахстана и Киргизии являются наиболее многочисленными в Центральной Азии. Их общее количество достигает 52. Одной из особенностей «фабрик мысли» двух стран является то, что большая часть АЦ представлена в виде негосударственных организаций (НГО).

Аналитические центры Казахстана и Киргизии

Страна	Распределение по категориям				
	Кол-во	Академи- ческий	Государст- венный	НГО	Универси- тетский
Казахстан	28	2	9	17	2
Киргизстан	24	0	3	15	6

«Мозговые центры» Казахстана и Киргизии отличаются широким сотрудничеством с западными НПО, оказывающими значительное влияние на развитие аналитической индустрии этих государств. К примеру, представительства Фонда Сороса по-прежнему функционируют только в Казахстане и Киргизии (в Туркменистане его никогда не было, а в Узбекистане и Таджикистане они были закрыты, соответственно, в 2004 и 2022 гг.).

Помимо выше озвученных отличий, необходимо подчеркнуть, что в Казахстане и Киргизстане русский язык является официальным языком, который довольно широко представлен в СМИ, интернет-пространстве, а также в общественно-политической и культурно-образовательной сферах деятельности этих государств.

И, наконец, тематика исследований АЦ двух республик в значительной степени посвящена евразийской интеграции и вопросам коллективной безопасности, что обосновывается членством Казахстана и Киргизии в ЕАЭС и ОДКБ. Это значит, что изменения в экономическом и военно-политическом аспектах внешней политики Москвы могут в той или иной степени отразиться на положении его союзников в Центральной Азии. Именно поэтому представляется важным рассмотреть аналитические центры Киргизии и Казахстана на предмет освещения событий, касающихся СВО РФ на Украине.

СВО и ситуацию вокруг нее не обошло своим вниманием и население стран Центральной Азии, как следует из соцопроса, проведенного АЦ «Центральноазиатский барометр» в мае-июне 2022 г. (см. диагр. 1).

Диаграмма 1¹

Насколько большое внимание вы уделяете ситуации в Украине?

Данные опроса показывают, что в той или иной степени ситуации в Украине придают значение 83% опрошенных в Казахстане, а также 88% респондентов в Киргизии. Наибольший процент смотрящих российские телеканалы приходится на людей старше 50 лет (20%), а также пожилых – 29% населения Киргизии, значительно превышая процентный охват местных телеканалов (см. диагр. 2)². Результаты опроса по двум возрастным группам (30–39 лет и 40–49 лет) показывают незначительный разрыв в предпочтениях населения республики между местными киргизскими и российскими телеканалами.

Разумеется, АЦ в силу специфического контента не могут иметь большой охват аудитории. Вопрос конкуренции со СМИ и тем более телеканалами за внимание населения к своей продукции не стоит перед АЦ. Они имеют свой узкий сегмент потребителей, обычно ограничивающихся экспертами из государственных структур, университетских и академических организаций, а также небольшого количества заинтересованных в аналитике лиц среди преподавателей, студентов и других социальных групп населения республики.

¹ Russia-Ukraine war: public opinion in Central Asia (Public opinion survey. Spring 2022) [Online]. Central Asia Barometer. Available. – URL: <https://ca-barometer.org/assets/files/events/war-in-ukraine-public-opinion-in-kyrgyzstan.pdf> (Accessed 15 March 2023).

² Russia-Ukraine war: public opinion in Central Asia (2022), указ. соч. С. 8.

Стоит отметить, что помимо телеканалов киргизские зрители получают информацию из российских СМИ посредством Ютуб-каналов и прямой трансляции ряда российских передач (например, «60 минут» телеканала Россия-1).

Диаграмма 2

Назовите основной источник зарубежных новостей, которым вы пользуетесь (для Кыргызстана)

Центральноазиатский барометр (май-июнь 2022)

Молодежь в Киргизии (от 14 до 28 лет) составляет 24% населения, подавляющее количество которого получают информацию из сети Интернет. Данный сегмент получения информации требует отдельного изучения. Тем не менее доля населения, предпочитающего смотреть российские каналы (прежде всего Первый канал¹ (прежнее название – «ОРТ»)), выше, чем в Казахстане (см. диагр. 3)².

¹ Медиапредпочтения населения Кыргызстана (8-я волна) [Электронный ресурс] // Сайт международной исследовательской и консалтинговой компании «М-Вектор». – Бишкек, 2017. – С. 31. – URL: <https://www.m-vector.com/uploads/files/5c53b63660dec.pdf> (дата обращения 10 апреля 2023).

² Russia-Ukraine war: public opinion in Central Asia (2022), указ. соч., с. 7.

Диаграмма 3

Назовите основной источник зарубежных новостей, которым вы пользуетесь (для Казахстана)

Центральноазиатский барометр (май-июнь 2022)

Экспертное сообщество в Киргизии мало знакомо местной аудитории. Оно не пользуется большим авторитетом и практически не узнаваемо для основной части населения страны, соответственно, к ним нет особого интереса.

Существуют и другие причины, по которым материалы АЦ не пользуются спросом. Среди них наиболее важным является, на наш взгляд, переход западных НПО к сотрудничеству с государственными структурами и связанное с ним постепенное сокращение финансирования местных АЦ и других видов НГО.

Помимо самих АЦ, конечно, есть информация относительно СВО и ситуации на Украине и на различных экспертных площадках, среди которых крупнейшей является SABAR.asia. Однако и здесь размещается в целом небольшое количество материала, представляющего собой малозначительные и не привлекающие внимание аудитории комментарии.

В Киргизстане имеется только один «мозговой центр», который в той или иной степени рассматривает ситуацию, связанную с СВО, – Центр политико-правовых исследований (ЦППИ), помимо функций «фабрики мысли» также ЦППИ служит в качестве одной из общереспубликанских площадок для обсуждения различных

внутри- и внешнеполитических и социально-экономических процессов.

ЦППИ разместил на своем сайте несколько материалов по данной тематике. Причем, помимо самих материалов, можно ознакомиться и с количеством просмотров того либо иного материала, чтобы понять, насколько интересной является представленная информация. Перечислим названия рассматриваемых нами работ Центра: «Сами разберемся. Зачем странам Центральной Азии диктуют, с кем дружить?»¹ (от 01.03.2023, набравшая 440 просмотров). В данном материале говорится о влиянии РФ в Центральной Азии. Подчеркивается большая зависимость Киргизии от России, что в ближайшей перспективе не приведет к снижению влияния Москвы в республике, в отличие от Казахстана и Узбекистана; «Конец или возврат империи? Что несет с собой война в Украине»² (от 16.02.2023, 277 просмотров). Н. Дуйшенбеков размышляет о целях СВО на Украине в публикации «Между двух огней. Как конфликт в Украине отразится на странах Центральной Азии»³ (от 15.01.2023, 282 просмотра). Говорится о стремлении к большей автономности в проведении внешней политики государств Центральной Азии по отношению к крупным державам, имеющим свои интересы в регионе. При этом в качестве наиболее приемлемого варианта подразумевается некая равноудаленность центральноазиатских республик от таких усиливающихся центров силы, как Китай и Турция; «Война в Украине и последствия для экономики Киргизии. Рекомендации»⁴, статья, набравшая 4413 просмотров (от 18.03.2023). Указывается, что по прошествии ме-

¹ Сами разберемся. Зачем странам Центральной Азии диктуют, с кем дружить? [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/480> (дата обращения 8 апреля 2023).

² Конец или возврат империи? Что несет с собой война в Украине [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/478> (дата обращения 8 апреля 2023).

³ Между двух огней. Как конфликт в Украине отразится на странах Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/474> (дата обращения 8 апреля 2023).

⁴ Полиси-Бриф. Война в Украине и последствия для экономики Кыргызстана. Рекомендации [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/449> (дата обращения 8 апреля 2023).

сяца с начала военной операции России на Украине экономика Киргизии получила сильный шок. Эксперт предсказывает начало глубокой экономической рецессии и кардинального реформирования существующей экономической модели. Чтобы не допустить катастрофического ухудшения ситуации, автор предлагает провести глубокую перестройку экономики республики (за счет снижения регуляторских функций государства и контроля за инвестициями; стимулирования туризма и других мер), которая поможет преодолеть надвигающийся экономический кризис.

На Ютуб-канале ЦППИ присутствует определенное количество упоминаний о российско-украинском конфликте в форме экспертных обсуждений и интервью, а также статей, так или иначе рассматривающих влияние СВО на ситуацию в Киргизии и в Центрально-Азиатском регионе. Перечислим некоторые из них: круглый стол «Война в Украине. Последствия для Киргизии и Центральной Азии»), состоявшийся 4 марта 2022 г.¹, видеозапись которого к сегодняшнему дню набрала всего 235 просмотров. Аналитиками высказываются опасения относительно возможного экономического кризиса в России, являющегося крупнейшим торговым партнером Киргизии и основным направлением для трудовой миграции, что будет иметь крайне негативные социально-экономические последствия как для местного населения, так и для самих мигрантов, работающих в России.

Второй материал представлен в виде экспертного интервью (состоявшегося 29 марта 2022 г.) «Послесловие к бишкекскому митингу против войны в Украине»², набравшего 53 просмотра. Представлено интервью правозащитницы Риты Карасартовой относительно ущемления свободы слова в Киргизии и усиления авторитаризма в республике.

¹ Круглый стол «Война в Украине. Последствия для Кыргызстана и Центральной Азии» [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7j9FP8Owc5c> (дата обращения 10 апреля 2023).

² Послесловие к бишкекскому митингу против войны в Украине [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j5vqofKUVwE> (дата обращения 10 апреля 2023).

Следующий материал – экспертное интервью популярного политолога Эмиля Джуграева на тему «Цена нейтралитета»¹, представленное 28 апреля 2022 г., набрало 116 просмотров. Политолог описывает геополитическую ситуацию в Центральной Азии и уровень взаимодействия стран региона с Россией по ряду вопросов торгово-экономического и военно-политического значения, характеризует позиции руководства республик региона относительно СВО России в Украине.

Далее следует интервью главы ЦППИ от 27 октября 2022 г. в студии радио «Марал» на тему «Геополитическая арифметика в Центральной Азии»², которое было просмотрено 88 раз. Т. Ибрагимов подчеркнул, что геополитические и геоэкономические реалии при любом геополитическом раскладе не изменят тесного взаимодействия государств Центральной Азии с Россией. При этом процессы диверсификации экономик государств региона также не внесут значительных корректировок в существующие торгово-экономические связи.

2022 год завершился подведением итогов с Эмилем Джуграевым, в котором политолог также упоминает о российско-украинском конфликте (его посмотрело 132 зрителя)³. Общая риторика эксперта характеризуется настороженностью относительно возможных последствий российско-украинского конфликта для экономики Киргизстана.

Из указанных выше материалов видно, что печатный формат подачи информации оказался более просматриваемым, нежели видео материал. Также мы видим, что материалы, публикуемые в 2023 г., оказались более интересными, чем прошлогодние.

Другим важным замечанием является то, что количество просмотров остается ничтожным малым. Это значит, что насе-

¹ Цена нейтралитета [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ilkyQbyC5a4> (дата обращения 10 апреля 2023).

² Геополитическая арифметика в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wuA4NwDZrEg> (дата обращения 12 апреля 2023).

³ Итоги года 2022: интервью с Эмилем Джуграевым [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G5ZybtDmDo> (дата обращения 12 апреля 2023).

ние республики узнает о событиях на Украине и в России посредством других информационных ресурсов (преимущественно из ТВ и сети Интернет), в которых АЦ практически не задействованы. Такую непопулярность АЦ Киргизии можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, политическое руководство Киргизии не заинтересовано в продвижении каких-либо оценочных суждений на этот счет, и предпочитает сохранять некий нейтралитет в отношении событий на Украине. Киргизию с Россией соединяет стратегическое сотрудничество в различных направлениях, начиная с торгово-экономического сотрудничества и заканчивая вопросами обеспечения безопасности. Поэтому не только в АЦ, но и в целом по республике мы не наблюдаем каких-то активных обсуждений данного вопроса в СМИ.

Во-вторых, около 1 млн киргизских мигрантов (из 7-миллионного населения республики), находясь на заработках в РФ, пребывают в российском информационном поле, что кардинально влияет на общее восприятие ситуации с их стороны. Мигранты из Киргизии рассказывают новости, передаваемые в российских СМИ своим родственникам / друзьям / коллегам в Киргизии, и таким образом становятся своего рода дополнительным ретранслятором российских СМИ в Киргизии.

В-третьих, как было подчеркнуто, аналитическая продукция и создающие ее эксперты не пользуются большим спросом в республике и, соответственно, их медийные площадки практически остаются без внимания зрителей и читателей.

Существуют и другие причины, по которым материалы АЦ не пользуются спросом. Среди них, так же как в Киргизии, переход западных НПО к сотрудничеству с государственными структурами и связанное с этим постепенное сокращение финансирования местных АЦ и других видов НГО.

Помимо самих «фабрик мысли», информация об СВО и ситуации в Украине представлена и на различных экспертных площадках, среди которых крупнейшей является CABAR.asia. Однако и здесь размещается в целом небольшое количество материала, представляющего собой малозначительные и не привлекающие внимание аудитории комментарии.

«Фабрики мысли» Казахстана отличаются значительно большим вниманием к российско-украинскому кризису, чем аналитические центры Киргизстана, с десятикратным превышением по количеству освещающих данный аспект «мозговых центров».

На сайте Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) имеется довольно много материалов прямо либо косвенно затрагивающих тематику российско-украинского военного конфликта. Перечислим лишь некоторые из них: «Ценный партнер по ключевым вопросам: зачем Энтони Блинкен приезжал в Казахстан»¹ (от 02.03.2023); «Казахстану нужен механизм компенсаций от влияния антироссийских санкций» – эксперт о визите Блинкена (01.03.2023); «Слепо следовать в фарватере неэффективной политики Казахстан не будет» – эксперт: комментарий Кайрата Нурши по результатам Петербургского международного экономического форума, прошедшего 15–18 июня 2022 г.², который Нурши охарактеризовал как продолжение участия Казахстана в процессах евразийской интеграции, но с учетом интересов самой Республики Казахстан.

Основные темы, затрагиваемые на Ютуб-канале КИСИ посвящены внутривластным процессам в Казахстане и в меньшей степени международным отношениям, среди которых наиболее обсуждаемой является региональное сотрудничество государств Центральной Азии. Относительно СВО имеется всего один комментарий. Он касается исключительно ситуации с мобилизацией в РФ и связанным с ним наплывом российских граждан в Казахстан. За 6 месяцев с момента публикации, данное видео набрало всего семь просмотров³.

¹ Ценный партнер по ключевым вопросам: зачем Энтони Блинкен приезжал в Казахстан [Электронный ресурс] // Сайт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – URL: <https://kisi.kz/blogs/cennyj-partner-po-kluchevym-voprosam-zachem-entoni-blinken-priezzhal-v-kazahstan/> (дата обращения 12 апреля 2023).

² Слепо следовать в фарватере неэффективной политики Казахстан не будет – эксперт [Электронный ресурс] // Сайт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – URL: <https://kisi.kz/blogs/slepo-sledovat-v-farvatere-neeftkt/> (дата обращения 10 апреля 2023).

³ Эксперты прокомментировали частичную мобилизацию РФ [Электронный ресурс] // Сайт Казахстанского института стратегических исследований при

Ютуб-канал КИСИ был создан в марте 2022 г. и к этому времени набрал всего 82 подписчика. При этом общее количество просмотров видео, размещенных на канале, едва превышает 4 тыс. Абсолютно противоположная ситуация сложилась на странице КИСИ в Фейсбук¹, которая по активности публикаций на несколько порядков превосходит Ютуб-канал, но отличается отсутствием контента на тему СВО и российско-украинского конфликта.

Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Нурсултана Назарбаева в своих многочисленных статьях и комментариях относительно ситуации вокруг СВО основное внимание уделил экономическим аспектам (негативного) воздействия российско-украинского кризиса на Республику Казахстан. Основные темы статей были связаны с диверсификацией поставок нефти Казахстана; последствиями перепродажи Казахстаном России санкционных товаров и т.д. Ниже приведен лишь небольшой перечень материалов, имеющих отношение к исследуемой тематике. 1) «Это может стать решающим моментом». Эксперт сделал прогноз относительно войны в Украине»² (от 01.03.2023). Жумабек Сарабеков из ИМЭП допускает мысль об обострении конфликта и отмечает, что «внешняя среда, в которой живет и работает Казахстан, может стать еще более опасной. Все эти вызовы угрожают и без того сложной социально-экономической ситуации в Казахстане»; 2) «Реэкспортный хаб. Навредят ли Казахстану серые схемы перепродажи санкционных товаров в Россию?» (от 09.02.2023). Лидия Пархомчик полагает, что оснований опасаться санкций со стороны западных стран в отношении серого импорта невоенного назначения в РФ нет; 3) «О влиянии ситуации в Украине на экспорт казахстанской пшеницы» (от 17.11.2022). Предполагается,

Президенте Республики Казахстан. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ifB21OaXW0> (дата обращения 10 апреля 2023).

¹ Страница КИСИ на платформе соцсети Фейсбук [Электронный ресурс]. Страница социальной сети Фейсбук. – URL: <https://www.facebook.com/kisi.kz> (дата обращения 10 апреля 2023).

² «Это может стать решающим моментом». Эксперт сделал прогноз относительно войны на Украине [Электронный ресурс] // Сайт Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Нурсултана Назарбаева. – URL: <https://iwep.kz/#/posts/63ff8255bfc8dd06d1a4d539/#header> (дата обращения 13 апреля 2023).

что Казахстан мог бы нарастить объемы поставок зерна в Европу, однако неопределенность маршрутов транспортировки, нехватка терминалов для хранения и другие причины мешают этому; 4) «Кто выиграет от массовой миграции россиян в Казахстан? Мнение эксперта» (от 27.09.2022). А. Оразгалиева полагает, что в целом из ситуации новой миграционной картины в стране можно получить как выгоду, так и вред. Стоит отметить, что данные обстоятельства полностью подвластны контролю и исход зависит от грамотного политического, информационного и административного регулирования; 5) «О чем говорит решение США о ленд-лизе для Украины. Мнение эксперта» (от 30.04.2022). Ж. Саарабеков полагает, что дальнейшая эскалация масштабов и интенсивности украинского конфликта рискует привести к еще более катастрофическому сценарию с колоссальным количеством жертв и массовыми разрушениями, которые затронут в первую очередь Украину, но также и Россию. Наконец возрастет угроза прямого военного столкновения между Россией и НАТО, в случае чего на повестке дня реально встанет вопрос о третьей мировой войне; 6) «Нужно ли Казахстану выходить из ЕАЭС» – Аналитика (от 25.04.2022). Л. Пархомчик говорит о том, что минимизация рисков ухудшения экономической ситуации в стране из-за растущего геополитического напряжения вокруг России и усиления санкционного давления на Москву продолжает оставаться одной из ключевых задач Правительства Казахстана. При этом открывается окно возможностей для того, чтобы ускорить реализацию общесоюзных кооперационных проектов по стратегически важным направлениям сотрудничества. Одним из направлений такого сотрудничества может стать развитие потенциала импортозамещения государствами ЕАЭС; 7) «Какие шансы у Казахстана пережить антироссийские санкции, рассказал эксперт» (от 28.03.2022). Ж. Сарабеков полагает, что новый этап геополитической борьбы России с Западом несет в себе комплексные риски для Казахстана. Властям страны следует быть готовым к значительным экономическим и финансовым издержкам в ближайшие годы; 8) «Военные действия России в Украине, мнение казахстанского эксперта» (от 25.02.2022). Л. Пархомчик размышляет о надеждах российского руководства, что санкционный прессинг в его нынешнем виде не вызовет крах российской экономики, а многомесячная подготовка к новому вит-

ку санкционных ограничений позволит ей минимизировать урон. Однако очевидно, что издержки будут накапливаться. Реализация неблагоприятного геополитического сценария неизбежно приведет к тому, что негативные последствия ощутит на себе не только экономика РФ, но и экономики ее ближайших партнеров.

Международный центр геополитического прогнозирования (МЦГП) «Восток-Запад» представил ряд материалов. Среди них: 1) «Казахстан в списке: повысилась ли угроза вторичных санкций»¹. Карлыгаш Нугманова и Замир Каражанов дают прогнозы относительно возможного экономического воздействия российско-украинского кризиса на экономику Казахстана. При этом эксперты занимают противоположные друг другу точки зрения относительно возможных последствий (вторичных санкций); 2) Дискуссия на тему «Казахстан может быть втянут в возможный дефолт России в апреле» организованная МЦГП «Восток-Запад» с участием депутатов Республики Казахстан, дипломатов и экспертов (март 2022). Обсуждалась ситуация в РФ на фоне усиливающейся санкционной политики стран Запада и ее воздействие на страны – члены ЕАЭС, возможный продовольственный кризис и другие вопросы²; 3) Конференция (17 марта 2022 г.) «Парадигма вызовов Нового мирового порядка. Перспективы контуров безопасности. Время перемен»³. Участники: эксперты из Грузии, Азербайджана, Великобритании, Белоруссии, Армении и Казахстана. Обсуждались: российско-украинский конфликт; ситуация вокруг Нагорного Ка-

¹ Казахстан в списке: повысилась ли угроза вторичных санкций [Электронный ресурс] // Сайт Международного центра геополитического прогнозирования (МЦГП) «Восток-Запад». – URL: <https://www.icgp-ew.com/kazakhstan-v-spiske-povsilas-li-ugroza-vtorichnyh-sanktsij/> (дата обращения 10 апреля 2023).

² Казахстан может быть втянут в возможный дефолт России в апреле [Электронный ресурс] // Сайт Международного центра геополитического прогнозирования (МЦГП) «Восток-Запад». – URL: <https://www.icgp-ew.com/kazakhstan-mozhet-byt-vtyanut-v-vozmozhnyj-defolt-rossii-v-aprele/> (дата обращения 10 апреля 2023).

³ Конференция 17 марта 2022 г. «Парадигма вызовов Нового мирового порядка. Перспективы контуров безопасности. Время перемен» [Электронный ресурс] // Сайт Международного центра геополитического прогнозирования (МЦГП) «Восток-Запад». – URL: <https://www.icgp-ew.com/paradigma-vyzovov-novogo-mirovogo-poryadka-perspektivy-konturov-bezopasnosti-vremya-peremen/> (дата обращения 10 апреля 2023).

рабаха; Межцивилизационный диалог по сохранению национальной идентичности в полюсе многополярного мира и новых принципов миропорядка; Преодоление вызовов энергетического и продовольственного характера для глобальной безопасности. Влияние энергетических и логистических проектов на изменение мирового расклада сил и т.д.; 4) 2 октября 2022 г. на странице МЦГП «Восток-Запад» в соцсети Фейсбук¹ выложен пост о наблюдениях К. Нугмановой (бывшей в составе группы наблюдателей на референдуме о присоединении к России четырех регионов)²: «Мир, находящийся сегодня на пороге циклических глобальных изменений, не должен вовлечь Казахстан в разрушительную воронку эскалации, противостояний и самоуничтожения! (К. Нугманова) ...»

На страницах Журнала социогуманитарных исследований «Аль-Фараби» Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан вышла статья Франческо Джоимонни (Университет Неаполя) «Секьюритизация и возрождение евразийства в Евразии» (на англ. языке³).

Тема СВО поверхностно упоминается на сайте и в соцсетях Евразийского научно-исследовательского института в обзоре «Внешняя политика Центральной Азии в 2022 г.: обзор событий»⁴, а также в лекции Джема Карадели (профессора Университета Уфук и эксперта Анкарского Центра кризисных и политических исследований (ANCASAM), Анкара, Турция)) на тему «European

¹ Запрещена в Российской Федерации. – *Прим. ред.*

² Пост К. Нугмановой от 3 октября 2022 года [Электронный ресурс]. Страница соцсети «Фейсбук». – URL: https://www.facebook.com/icgp.cw/?modal=admin_todo_tour (дата обращения 11 апреля 2023).

³ The securitization and the revival of eurasianism in contemporary Eurasia [Секьюритизация и возрождение евразийства в Евразии] [Электронный ресурс] // Сайт журнала социогуманитарных исследований «Аль-Фараби». Ал-Фараби. – 2022. – № 2 (78). – С. 120–133. – URL: <https://alfarabijournal.org/index.php/journal/article/view/750/110> (дата обращения 11 апреля 2023).

⁴ Внешняя политика Центральной Азии в 2022 году: обзор событий [Электронный ресурс] // Сайт Евразийского исследовательского института (Eurasian Research Institute (ERI)). – URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/central-asias-foreign-policy-in-2022-highlights/?lang=ru> (дата обращения 12 апреля 2023).

Security in the Wake of War in Ukraine»¹. Турецкий эксперт полагает, что российско-украинский конфликт стал поводом для пересмотра европейской политики безопасности и переоценки функций таких структур, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Европейское оборонное агентство (EDA). Следовательно, на его взгляд, одним из главных вопросов, который будет обсуждаться в Европе после окончания войны на Украине, станет построение собственной европейской безопасности, которая будет работать в интересах исключительно европейских стран.

Издredка упоминания о СВО на Украине можно встретить на страницах журнала «Казахстанское востоковедение» Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова².

Центр аналитических исследований «Евразийский мониторинг» периодически публикует разного рода материалы (пресс-релизы международных форумов, экспертные комментарии и т.д.). Среди них необходимо отметить Форум «Центральная Азия–Россия»³, прошедший в октябре 2022 г. в Астане.

Научно-образовательный фонд «Аспандау»: интервью Каната Нурова телеканалу КТК: Мы будем жить в новой политической реальности Аналитические центры Узбекистана⁴, на котором рассматривались такие важные для Казахстана вопросы внутриаполи-

¹ European Security in the Wake of War in Ukraine [Европейская безопасность после войны в Украине] [Электронный ресурс] // Ютуб-канал Евразийского исследовательского института (Eurasian Research Institute (ERI)). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ReH5eK79yDY> (дата обращения 13 апреля 2023).

² Сабыров А.С. Политические трансформации в Турции и современные геостратегические вызовы [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Казахстанское востоковедение». – 2022. – № 2. – С. 131–138. – URL: <https://goo.su/vWNy> (дата обращения 14 апреля 2023).

³ Центральная Азия + Россия: возможности и ограничения при построении совместного будущего [Электронный ресурс] // Сайт Центр аналитических исследований «Евразийский мониторинг». – URL: <http://ea-monitor.kz/nashi-proekty/central-naaya-aziya-rossiya-vozmozhnosti-i-ogranicheniya-pri-postroenii-sovmestno-go-budushego> (дата обращения 14 апреля 2023).

⁴ Канат Нуров: Мы будем жить в новой политической реальности [Электронный ресурс] // Сайт научно-образовательный фонд «Аспандау». – URL: <https://aspandau.kz/inthedia/tpost/pv228naxgl-kanat-nurov-mi-budem-zhit-v-novoi-politi> (дата обращения 14 апреля 2023).

тического и внешнеполитического плана, как воздействие российско-украинского конфликта на Казахстан; позиция Казахстана в данном конфликте.

Общественный фонд «Мир Евразии» публикует на своем сайте материалы информационного агентства «Inbusiness.kz», АО «Издательский дом «Комсомольская правда», относящихся к экспертным интервью о важных экономических, политических и общественных событиях Казахстана, ЕАЭС, СНГ и мира. Например, «География – вещь упрямая в истории конфликтов – эксперты»¹; «Обеспечение безопасности стран СНГ выводится на новый уровень»².

Центр актуальных исследований «Альтернатива» упоминает о российско-украинском военном конфликте в свете его воздействия на Казахстан в следующих материалах: «Текущие тренды в рамках отношений Европейского союза и стран Центральной Азии»³, «Казахстан-2022: беспрецедентное соотношение вызовов и возможностей»⁴ и «Повестка Казахстана в условиях санкционно-го противостояния России и Запада»⁵.

¹ География – вещь упрямая в истории конфликтов – эксперты [Электронный ресурс] // Сайт Общественного фонда «Мир Евразии». – URL: <http://wef.kz/monitoring/geografija-veshh-uprjamaja-v-istorii-konfliktov-jeksperty/> (дата обращения 10 апреля 2023).

² Обеспечение безопасности стран СНГ выводится на новый уровень [Электронный ресурс] // Сайт Общественного фонда «Мир Евразии». – URL: <http://wef.kz/monitoring/obespechenie-bezopasnosti-stran-sng-vyvoditsja-na-novyj-uroven/> (дата обращения 10 апреля 2023).

³ Текущие тренды в рамках отношений Европейского союза и стран Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт Центра актуальных исследований «Альтернатива». – URL: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=498> (дата обращения 10 апреля 2023).

⁴ Казахстан-2022: беспрецедентное соотношение вызовов и возможностей [Электронный ресурс] // Сайт Центра актуальных исследований «Альтернатива». – URL: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=496> (дата обращения 9 апреля 2023).

⁵ Повестка Казахстана в условиях санкционного противостояния России и Запада [Электронный ресурс] // Сайт Центра актуальных исследований «Альтернатива». – URL: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=471> (дата обращения 10 апреля 2023).

Рассмотрение материалов аналитических центров Киргизии и Казахстана показывает, что далеко не все «фабрики мысли» двух республик изучают и даже обращают внимание на российско-украинский военный конфликт. Наименьшее внимание указанной тематике уделяется «мозговыми центрами» Киргизии. При этом количество казахстанских аналитических центров, интересующихся тематикой СВО России в Украине на порядок превышает киргизские. Риторика мозговых центров обоих государств сводится к обеспокоенности по поводу возможных (и прежде всего экономических) последствий сложившейся ситуации в Восточной Европе для центральноазиатских союзников России по ЕАЭС.

Отличительной чертой казахстанских «мозговых центров» является то, что основная часть рассматриваемых материалов была представлена в виде статей, аналитических обзоров и текстовых комментариев, в то время как в Киргизии основным источником интересующих нас материалов являются видеоматериалы конференций, экспертные комментарии, обзоры, преимущественно представленные на канале видео-хостинга Ютуб. В целом, материалам аналитических центров не уделяется большое внимание, что видно по количеству просмотров. Основными источниками информации для населения служат различные СМИ, представленные как в сети Интернет, так и телевизионными каналами, в которых значительное место занимает российский сегмент телерадиовещания.

Список литературы

1. Внешняя политика Центральной Азии в 2022 году: обзор событий [Электронный ресурс] // Сайт Евразийского исследовательского института (Eurasian Research Institute (ERI)). – URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/central-asias-foreign-policy-in-2022-highlights/?lang=ru> (дата обращения: 12 апреля 2023).
2. География – вещь упрямая в истории конфликтов – эксперты [Электронный ресурс] // Сайт Общественного фонда «Мир Евразии». – URL: <http://wef.kz/monitoring/geografija-veshh-uprjamaja-v-istorii-konfliktov-jeksperty/> (дата обращения: 10 апреля 2023).
3. Геополитическая арифметика в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wuA4NwDZrEg> (дата обращения: 12 апреля 2023).

4. Итоги года 2022: интервью с Эмилем Джураевым [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G5ZybtDmDo> (дата обращения: 12 апреля 2023).
5. Казахстан в списке: повысилась ли угроза вторичных санкций [Электронный ресурс] // Сайт Международного центра геополитического прогнозирования (МЦГП) «Восток-Запад». – URL: <https://www.icgp-ew.com/kazakhstan-v-spiske-provsilas-li-ugroza-vtorichnyh-sanktsij/> (дата обращения: 10 апреля 2023).
6. Казахстан может быть втянут в возможный дефолт России в апреле [Электронный ресурс] // Сайт Международного центра геополитического прогнозирования (МЦГП) «Восток-Запад». – URL: <https://www.icgp-ew.com/kazakhstan-mozhet-byt-vtyanut-v-vozmozhnyj-defolt-rossii-v-aprele/> (дата обращения: 10 апреля 2023).
7. Казахстан-2022: беспрецедентное соотношение вызовов и возможностей [Электронный ресурс] // Сайт Центра актуальных исследований «Альтернатива». – URL: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=496> (дата обращения: 9 апреля 2023).
8. Канат Нуров: Мы будем жить в новой политической реальности [Электронный ресурс] // Сайт научно-образовательный фонд «Аспандау». – URL: <https://aspandau.kz/inthimedia/tpost/pv228naxgl-kanat-nurov-mi-budem-zhit-v-novoi-politi> (дата обращения: 14 апреля 2023).
9. Конец или возврат империи? Что несет с собой война в Украине [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/478> (дата обращения: 8 апреля 2023).
10. Конференция 17 марта 2022 г. «Парадигма вызовов Нового мирового порядка. Перспективы контуров безопасности. Время перемен» [Электронный ресурс] // Сайт Международного центра геополитического прогнозирования (МЦГП) «Восток-Запад». – URL: <https://www.icgp-ew.com/paradigma-vyzovov-novogo-mirovogo-poryadka-perspektivy-konturov-bezopasnosti-vremya-peremen/> (дата обращения: 10 апреля 2023).
11. Круглый стол «Война в Украине. Последствия для Кыргызстана и Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7j9FP8Owc5c> (дата обращения: 10 апреля 2023).
12. Медиа предпочтения населения Кыргызстана (8 волна) [Электронный ресурс] // Сайт международной исследовательской и консалтинговой компании «М-Вектор». – Бишкек, 2017. – С. 31. – URL: <https://www.m-vector.com/uploads/files/5c53b63660dec.pdf> (дата обращения: 10 апреля 2023).
13. Между двух огней. Как конфликт в Украине отразится на странах Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/474> (дата обращения: 8 апреля 2023).
14. Обеспечение безопасности стран СНГ выводится на новый уровень [Электронный ресурс] // Сайт Общественного фонда «Мир Евразии». – URL: <http://wef.kz/monitoring/obespechenie-bezopasnosti-stran-sng-vyvoditsja-na-novyy-uroven/> (дата обращения: 10 апреля 2023).

15. Повестка Казахстана в условиях санкционного противостояния России и Запада [Электронный ресурс] // Сайт Центра актуальных исследований «Альтернатива». – URL: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=471> (дата обращения: 10 апреля 2023).
16. Полиси-Бриф. Война в Украине и последствия для экономики Киргизстана. Рекомендации [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/449> (дата обращения: 8 апреля 2023).
17. Послесловие к бишкекскому митингу против войны в Украине [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j5vqofKUVwE> (дата обращения: 10 апреля 2023).
18. Пост К. Нугмановой от 3 октября 2022 г. [Электронный ресурс]. Страница соцсети «Фейсбук». – URL: https://www.facebook.com/icgp.ew/?modal=admin_todo_tour (дата обращения: 11 апреля 2023).
19. Сабыров А.С. Политические трансформации в Турции и современные геостратегические вызовы [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Казахстанское востоковедение». – 2022. – № 2. – С. 131–138. – URL: <https://goo.su/vWNU> (дата обращения: 14 апреля 2023).
20. Сами разберемся. Зачем странам Центральной Азии диктуют, с кем дружить? [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://center.kg/article/480> (дата обращения: 8 апреля 2023).
21. Слепо следовать в фарватере неэффективной политики Казахстан не будет – эксперт [Электронный ресурс] // Сайт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – URL: <https://kisi.kz/blogs/slepo-sledovat-v-farvatere-neeffect/> (дата обращения: 10 апреля 2023).
22. Страница КИСИ на платформе соцсети Фейсбук [Электронный ресурс]. Страница социальной сети Фейсбук. – URL: <https://www.facebook.com/kisi.kz> (дата обращения: 10 апреля 2023).
23. Текущие тренды в рамках отношений Европейского союза и стран Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт Центра актуальных исследований «Альтернатива». – URL: <http://www.alternativakz.com/index.php?nid=498> (дата обращения: 10 апреля 2023).
24. Цена нейтралитета [Электронный ресурс] // Сайт Центра политико-правовых исследований. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ilkyQbyC5a4> (дата обращения: 10 апреля 2023).
25. Ценный партнер по ключевым вопросам: зачем Энтони Блинкен приезжал в Казахстан [Электронный ресурс] // Сайт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – URL: <https://kisi.kz/blogs/cennyj-partner-po-kluchevym-voprosam-zachem-entoni-blinken-priezzhal-v-kazakhstan/> (дата обращения: 12 апреля 2023).
26. Центральной Азия + Россия: Возможности и ограничения при построении совместного будущего [Электронный ресурс] // Сайт Центра аналитических исследований «Евразийский мониторинг». – URL: <http://ea-monitor.kz/nashi->

- proekty/central-naya-aziya-rossiya-vozmozhnosti-i-ogranicheniya-pri-postroenii-sovmestnogo-buduschego (дата обращения: 14 апреля 2023).
27. Эксперты прокомментировали частичную мобилизацию РФ [Электронный ресурс] // Сайт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_ifB21OaXW0 (дата обращения: 10 апреля 2023).
 28. Это может стать решающим моментом». Эксперт сделал прогноз относительно войны на Украине [Электронный ресурс] // Сайт Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Нурсултана Назарбаева. – URL: <https://iwer.kz/#/posts/63ff8255bfc8dd06d1a4d539/#header> (дата обращения: 13 апреля 2023).
 29. European Security in the Wake of War in Ukraine [Европейская безопасность после войны в Украине] [Электронный ресурс] // Ютуб-канал Евразийского исследовательского института (Eurasian Research Institute (ERI)). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ReH5eK79yDY> (дата обращения: 13 апреля 2023).
 30. Russia-Ukraine war: public opinion in Central Asia (Public opinion survey, Spring 2022) [Online]. Central Asia Barometer. – URL: <https://ca-barometer.org/assets/files/events/war-in-ukraine-public-opinion-in-kyrgyzstan.pdf> (Accessed 15 March 2023).
 31. The securitization and the revival of eurasianism in contemporary Eurasia [Секьюритизация и возрождение евразийства в Евразии] [Электронный ресурс] // Сайт журнала социо-гуманитарных исследований «Аль-Фараби». Ал-Фараби. – 2022. – № 2 (78). – С. 120–133. – URL: <https://alfarabijournal.org/index.php/journal/article/view/750/110> (дата обращения: 11 апреля 2023).

СЧЕНСНОВИЧ В.Н.* ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИРАН

Аннотация. Причинами дезинтегрированности государств Центральной Азии являются территориальные споры и конфликты из-за пользования водными ресурсами, политическая конкуренция между ними, а также зависимость региона от внешних сил. На основе анализа серии экспертных мнений предлагается картина современного состояния дел в Центральной Азии. Особое внимание уделяется роли таких интегративных объединений, как СНГ, ШОС и ЕАЭС. Кроме того, в центре внимания находится вопрос о растущем интересе к Центрально-Азиатскому региону со стороны Ирана, особенно отношениям между Ираном и Киргизией.

Ключевые слова: Центральная Азия; интеграция; дезинтеграция; геополитика; регионализация; СНГ; ЕАЭС; Иран; Киргизия; сотрудничество; противостояние угрозам безопасности.

SCHESENSNOVICH V.N. Problems of integration of Central Asian states and Iran

Abstract. The reasons for the disintegration of the Central Asian states are territorial and water disputes, political competition between them, and the dependence of the region on external actors. Based on the analysis of a series of expert opinions, an analytical picture of the current state of affairs in Central Asia is offered. Particular attention is paid to the role of such integrative associations as the CIS, the SCO and the EAEU. In addition, it focuses on the growing interest of Iran in the Central Asian region, especially the relations between Iran and Kyrgyzstan.

* Сченснович Валентина Николаевна – научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Keywords: Central Asia; integration; disintegration; geopolitics; regionalization; CIS; EAEU; Iran; Kyrgyzstan; cooperation; countering security threats.

Для цитирования: Сченснович В.Н. Проблемы интеграции государств Центральной Азии и Иран // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 96–109. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.06

Взаимодействие стран региона не смогло получить должное оформление из-за воздействия внешних и внутрирегиональных факторов. К внешним причинам следует отнести возросший интерес к региону США, России, Турции, Китая и других стран, которые заинтересованы во включении Центральной Азии в сферу своего влияния. Внутренними причинами стали незавершенность процессов делимитации, демаркации границ, создающая почву для дезинтеграции региона, а также конкурентная борьба между странами. Интересным представляется мнение группы экспертов из центральноазиатских стран, рассматривающих эти вопросы, находясь «внутри» ситуации.

Проблемы и перспективы интеграции государств Центральной Азии

Так, А.М. Усенов [1] полагает, что спустя 30 лет с обретения независимости бывшие среднеазиатские республики СССР – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан – все еще не обрели четко выраженной региональности, хотя в международном политическом дискурсе сложилась практика выделять «пятерку» в качестве самостоятельного региона. По замечанию Усенова, государства Центральной Азии предприняли попытки политической и экономической интеграции сразу после распада СССР. От Советского Союза у стран региона сохранилась общая инфраструктура (энергетическая и гидротехническая системы, автодороги, совместные промышленные предприятия и др.), предусматривавшая ее коллективное использование и развитие. Первые консультативные встречи по вопросам интеграции проходили в Ашхабаде (1991) и Ташкенте (1993), в ходе которых стороны отмечали необходимость укрепления взаимовыгодных торгово-

экономических и гуманитарных связей. После этих встреч идея интеграции Центральной Азии обрела видимые контуры, а в 1994 г. лидеры Казахстана и Узбекистана подписали договор о едином экономическом пространстве, что стало началом формирования интеграционного объединения в Центральной Азии и открыло возможности для присоединения других государств. В Чолпон-Ате был подписан трехсторонний договор между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией о создании Центрально-Азиатского экономического сообщества (ЦАЭС, 1994). Таджикистан присоединился к ЦАЭС позднее, в 1998 г., после длительной гражданской войны в республике. Следующей фазой интеграции между странами Центральной Азии стало преобразование ЦАЭС в Организацию Центрально-Азиатского Союза (ОЦАС), а в 2002 г. Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан подписали договор об учреждении Организации. Но созданное объединение не было реализовано на практике из-за изменений в мировых политических процессах.

После событий 11 сентября 2001 г. США заявили о начале военной операции в Афганистане в целях борьбы с международным терроризмом. К росту озабоченности государств региона проблемой безопасности привело то, что Таджикистан и Киргизия столкнулись с вторжением бандформирований Исламского движения Узбекистана (ИДУ – организация запрещена в странах Центральной Азии) в 1999–2000 гг. Опасения вызывали также процесс внутренней исламизации и умножение радикальных исламистских группировок в регионе. В этих условиях государства Центральной Азии искали поддержку у наиболее сильных в военном плане стран – США, России и Китая. Страны Центральной Азии стали взаимодействовать с НАТО по программе «Партнерство ради мира», укрепились контакты с Россией в рамках Договора обеспечения коллективной безопасности (ОДКБ, 2002). Параллельно Казахстан, Киргизия и Таджикистан предприняли шаги к членству в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), и первые две страны вошли в него.

В связи с ликвидацией ОЦАС (2006) вопросы интеграции в Центральной Азии стали рассматриваться в привязке к международным структурам и организациям: ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и ШОС. Так, из-за внутрирегиональных противоречий и внешних угроз государства Центральной Азии перешли из стадии внутренней интеграции к интеграции с мировыми центрами силы.

Внутрирегиональные сложности и противоречия объясняются, во-первых, тем, что между крупнейшими государствами Центральной Азии – Казахстаном и Узбекистаном – существует соперничество за лидерство. Во-вторых, территориальные, водные, энергетические проблемы между государствами нередко становились предметом конфликтов. В-третьих, решению имеющихся споров препятствовал личностный фактор. Политика главы Узбекистана И. Каримова как внутри страны, так и за ее пределами, приводила к конфликтам не только с ближайшими соседями, но и с потенциальными союзниками (США, ЕС, Россия, Турция) и международными организациями. Политический и экономический протекционизм Узбекистана в период правления И. Каримова стал причиной сохранения напряженности и взаимного недоверия. В это же время государства Центральной Азии активно занимались процессами национально-государственного строительства, что привело к определенной автономизации стран региона, т.е. к отходу от идеи региональной общности.

Вторая по площади страна СНГ и крупнейшая в Центральной Азии – Республика Казахстан также не смогла стать центром притяжения в регионе. Несмотря на изначальную поддержку процессов интеграции в регионе, с середины 1990-х годов Казахстан начал активно продвигать идею евразийской интеграции, что к настоящему времени оформилось в ЕАЭС. Становлению Казахстана в качестве лидера Центральной Азии препятствовало и то, что, по сравнению с Узбекистаном, имеющим границу со всеми странами региона, Казахстан граничит лишь с Узбекистаном и Киргизией. Разлад в отношениях государств Центральной Азии со времен обретения независимости идет в немалой степени из-за территориальных споров, влияющих в проблему делимитации и демаркации границ.

Особую сложность создает положение в Ферганской долине где сходятся границы Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, которые до сих пор не могут договориться по делимитации границ. Территориальные споры и проблемы распределения водных ресурсов в этом «Ферганском треугольнике» нередко приводят к военным столкновениям.

Смена правящего режима в 2016–2017 гг. в Узбекистане привела к заметным изменениям во внешней политике страны, что

в дальнейшем сказалось и на всем регионе. Новый руководитель страны Ш. Мирзиёев начал более открытую политику в отношении соседей и мировых держав. В первую очередь Узбекистан стал восстанавливать отношения с соседними государствами. Так, Мирзиёев совершил визиты во все соседние республики, по итогам которых были открыты границы и транспортное сообщение, наметились шаги к решению приграничных проблем. Ташкент стремится к углублению отношений и снятию имеющихся территориальных и водных проблем с Казахстаном и Таджикистаном. Новое руководство Узбекистана предлагает пути решения энергетических проблем в регионе. Остается твердой позиция республики о необходимости строительства железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан. В дальнейших планах расширение транспортно-логистических маршрутов внутри региона, а также маршрутов, позволяющих выйти к морским путям.

Тем не менее, несмотря на улучшение отношений в регионе, ожидать скорого формирования союза стран Центральной Азии преждевременно, поскольку за годы вхождения в структуры ЕАЭС, ШОС, ОДКБ у государств региона выработалось недоверие к наднациональным институтам. Пока страны Центральной Азии далеки от понимания интеграции как необходимого института. Скорее всего, полагает Усенов, в ближайшей перспективе можно говорить об интенсификации многостороннего сотрудничества, без политической составляющей.

Проблемы региональной интеграции в СНГ

По убеждению Д.Ф. Ахмеджановой [2], с политологической точки зрения СНГ не располагает широким инструментарием политико-экономического взаимодействия, что позволяло бы воспринимать Содружество в качестве эффективного экономического или политического союза. Тем не менее, благодаря процессам регионализации внутри СНГ сформировался ЕАЭС – ключевое интеграционное объединение на постсоветском пространстве. За время функционирования СНГ наблюдалось сохранение существенных диспропорций экономик стран-членов, а также различие во взглядах на пути к их преодолению. основополагающие решения целиком зависели от воли и желания лидеров стран – членов Содружества.

При этом суверенные постсоветские государства были не готовы передавать свои широкие полномочия на наднациональный уровень. Каждое государство – член Содружества решило в одностороннем порядке определять обязательства, соответствующие его национальным интересам. Проблема наднациональности в СНГ в принятии решений заключается в том, что функционирующие органы власти являются межправительственными или межгосударственными, но не надгосударственными, как в ЕС. То есть властные компетенции органов СНГ не распространяется на территории стран – участниц Содружества. Многие решения, принятые в рамках СНГ, не были реализованы из-за разногласий между членами, что способствовало взаимному недоверию. СНГ сегодня было бы намного успешнее, если бы основателям Содружества удалось разработать наднациональный процесс принятия решений. Однако для бывших союзных республик наделение органов Содружества наднациональными полномочиями приравнивается к ослаблению власти национальных элит.

Национальными интересами Киргизии являются: сохранение независимости, обеспечение безопасности границ, развитие экономики и улучшение условий жизни граждан. Несмотря на внутренние и внешние проблемы, Киргизия все же остается зоной интересов России, Запада и Востока благодаря своему географическому положению. Так, например, будучи еще членом ОДКБ, Киргизия разместила на своей территории американскую военную базу в Манасе, что не соответствовало национальным интересам России. Кроме того, размещение военной базы США могло создать ряд экономических, социальных и политических проблем Китаю, который остерегался дестабилизации ситуации в Синьцзян-Уйгурском районе. Хотя в Киргизии нередко возникали проблемы с политической стабильностью, Россия поддержала ее вступление в ЕАЭС в 2015 г., поскольку РФ необходимо было продемонстрировать жизнеспособность ЕАЭС путем его расширения. Россия противодействовала экономической экспансии Китая в Киргизию, руководствуясь экономическими и геополитическими интересами.

На евразийском пространстве Таджикистан так же, как и Киргизия, является зоной интересов России, Китая и Запада из-за своего географического положения и минерально-сырьевых ресурсов. Политика республики направлена на углубление евразийской

интеграции, что соответствует ее национальным интересам, в числе которых: обеспечение безопасности и территориальной целостности; сохранение и укрепление суверенитета; сохранение добрососедства и приобретение новых контактов для сотрудничества; развитие национальной экономики путем внешнеторгового взаимодействия со странами СНГ, ШОС и т.д.; привлечение иностранного капитала в республику; решение проблемы распределения водных ресурсов.

Национальные интересы Казахстана в рамках интеграции, по мысли Ахмеджановой, можно разделить на две группы: во-первых, экономические приоритеты заключаются в легком транзите из Китая в Европу, выгоде от единой энергетической системы с РФ, сбыте сельскохозяйственной продукции в Россию и быстрой модернизации экономики. Во-вторых, геополитические интересы обусловлены национальной территориальной безопасностью республики и свободой поставок казахстанских нефти и газа в Европу (экспортируются по российским трубопроводам). Изначально ЕАЭС задумывался не только как экономический союз, но и в дальнейшем как масштабный единый Евразийский союз. Впоследствии Казахстан стал вести политику многовекторности и после 2014 г. (из-за событий на Украине) отказался от идеи какой-либо интеграции, кроме экономической.

В 2020 г. председательство в СНГ осуществляла Республика Узбекистан. Это имело особую значимость, учитывая специфику внешней политики республики и ее особую позицию по многим вопросам, затрагивающим Содружество, в отличие от времен президентства И. Каримова. Тогда республика часто уклонялась от участия в делах СНГ, что делало ее похожей на Туркменистан, придерживающийся официально признанного внешнеполитического нейтралитета. Политика Узбекистана при новом руководстве изменилась, причем эти перемены затронули не только взаимоотношения Узбекистана с его соседями, с которыми были урегулированы многие спорные проблемы, но и позицию в отношении СНГ и интеграционных процессов в нем (Узбекистан стал государством – наблюдателем в ЕАЭС).

Узбекистан отстаивал евразийскую интеграцию, при этом всегда учитывал свои национальные интересы. Кроме сохранения территориальной целостности, безопасности, укрепления сувере-

нитета и улучшения качества жизни граждан, автор выделяет проведение самостоятельной политики на международной арене, создание благоприятных условий для иностранных инвестиций, выбор вариантов развития национальной культуры и экономики; дистанцирование от влияния со стороны крупных мировых центров (отказ участвовать в военно-политических блоках).

Отношения Ирана и Киргизии

По мнению Э.А. Сатаровой [3], наличие общих традиций, единой религии создавало благоприятные условия для долгосрочных контактов Киргизии и Ирана по разным направлениям. В настоящее время страны занимают схожие позиции по широкому спектру вопросов – в области социальной политики, банковской системы, научно-образовательных программ и др. Кроме того, оба государства заинтересованы в обеспечении безопасности в регионе на фоне угроз, в частности со стороны Афганистана как основного источника наркотрафика.

После Исламской революции 1979 г. Иран столкнулся с политической и экономической блокадой со стороны Запада. Выходом для него из сложившейся изоляции сделалось развитие отношений с новыми международными субъектами – государствами Центральной Азии, которые имели схожие культурно-религиозные традиции. Большую часть населения этих стран составляют мусульмане-сунниты, они соседствуют с Ираном, переживают экономические и политические кризисы и находятся в поиске собственной модели национального развития.

Эксперты указывали на отсутствие у новых независимых государств региона Центральной Азии выхода к морю, наличие довольно сложных отношений между самими странами региона (Узбекистан–Киргизия–Таджикистан, Узбекистан–Таджикистан, Узбекистан–Казахстан), под влияние которых мог попасть и имевший с ними общие исторические корни Иран.

Центрально-Азиатский регион имеет большое стратегическое, культурное и экономическое значение для Ирана. Значительные запасы энергии, меди, золота и урана, географическое положение и протяженная общая граница с Афганистаном, перспективы реализации проекта КНР «Один пояс – один путь», современные миро-

вые процессы и вопросы региональной безопасности, развитие и перспективы ШОС, ЕАЭС – свидетельствуют о важности данного региона и его существенной роли в международных отношениях.

С установлением дипломатических отношений между Киргизией и Ираном контакты между странами постепенно охватывают все сферы, включая политическое сотрудничество, торговлю и культуру. Взаимопонимание, общая позиция в международной политике, культурно-исторические связи явились предпосылками и основой развития политических, экономических, гуманитарных отношений между странами.

Иран рассматривает развитие отношений с Киргизией как одно из приоритетных направлений в своей внешней политике, осуществляемой в регионе. Укрепление двусторонних отношений началось с взаимных визитов лидеров обеих стран. В 1993 г. бывший президент Киргизии Аскар Акаев впервые посетил Иран. По итогам встреч в Тегеране были подписаны декларации, в которых указывалось на верховенство национальных законодательств обоих государств и подтверждалась необходимость развития отношений в области экономики, политики, культуры, а также укрепления дружеских связей. В 1994 г. с ответным государственным визитом Бишкек посетил президент Ирана Хашеми Рафсанджани. В ходе этих встреч было принято решение об открытии посольства Исламской Республики Иран в Бишкеке.

С середины 1990-х годов двусторонние отношения между Киргизией и Ираном активно развивались. В 1998 г. в рамках работы пятого собрания глав Организации экономического сотрудничества (ЭКО – Economic Cooperation Organization), в Алма-Ате между президентами Киргизии и Ирана Аскаром Акаевым и Сейидом Мохаммадом Хатами состоялась встреча. В ходе переговоров обсуждались вопросы сотрудничества, регионального и международного взаимодействия, культурного обмена. С. Хатами подчеркнул важность таких ключевых тем, как общность религии, истории и культуры, указал на нарастающий характер вызовов, в одинаковой степени несущих угрозу обоим государствам. Стороны подтвердили свою готовность выработать совместное соглашение относительно осуществления единой тарифной, таможенной политики, активизации взаимодействия по региональным вопросам, а также развития и укрепления историко-культурных связей. За 10-

летний период сотрудничества Киргизии и Ирана (с 1992 по 2002 г.) между двумя странами было подписано более 80 договоров по разным направлениям. Главные направления двустороннего сотрудничества между двумя государствами нашли отражение в «Декларации о дружественных отношениях» (2002).

Киргизия и Иран придерживаются единых позиций, которые основываются на схожих мнениях по вопросам региональной и международной политики. Иран и Киргизия одобряют внешнеполитические инициативы друг друга. В 2006–2008 гг. расширилось сотрудничество обоих государств. Вместе с тем, подчеркивает автор, отношения Ирана с Киргизией все же уступали динамике взаимоотношений с другими странами, такими как Турция или КНР.

За первые 10 лет сотрудничества экономические отношения между Ираном и Киргизией развивались средними темпами: годовой обмен составлял около 40 млн долл. США (из них 30 млн долл. США приходилось на экспорт Ирана и 10 млн долл. США – на экспорт из Киргизии в Иран). В течение 1999–2006 гг. иранские компании в Киргизии реализовали проекты стоимостью свыше 40 млн долл. США. В 2006 г. иранский банк «Тусейе Саадерат» выделил около 12 млн евро иранским компаниям «Машхад Сазе», «Полодеж» и «Текник» для предоставления инженерных и технических услуг Киргизии. В 2009 г. в Киргизии было зарегистрировано около 170 иранских и совместных предприятий с участием иранского капитала. Более 70% из них относятся к сферам экспорта и импорта сырья, а также готовой продукции, торговли и услуг, 30% – к переработке сельскохозяйственной продукции, организации жилищного и промышленного строительства, производству строительных материалов, организации международных транспортных перевозок.

Новый импульс политическому и экономическому сотрудничеству ИРИ и КР дало участие президента Ирана М. Ахмадинежада в качестве главы страны-наблюдателя в работе ШОС, проходившей в Бишкеке (2007). Взаимодействие Ирана и Киргизии осуществлялось в основном в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭС) и Организации исламского сотрудничества (ОИС).

Киргизия не могла обойти в своих взаимоотношениях с Ираном его ядерную программу. Позиция Бишкека оставалась неиз-

менной: решение должно быть принято дипломатическими средствами. Присутствие военной базы США в Киргизии с 2002 по 2014 г. заметно влияло на двусторонние контакты. В 2014 г. президент Киргизии Алмазбек Атамбаев добился вывода военной базы США из страны, что открыло новые перспективы для развития отношений между Киргизией и Ираном.

В последнее десятилетие иранские действия в направлении Киргизии нельзя охарактеризовать как эффективные. Для Ирана это было время санкционного прессинга, а затем и начала перехода к новой социально-экономической реальности. Взаимный товарооборот оставался на низком уровне – около 23 млн долл. В то же время наблюдается увеличение количества иранских туристов, посещающих Киргизию. Возросла заинтересованность предпринимателей в ведении бизнеса. И все-таки отсутствие иранского банка в Киргизии, выхода к морю, проблемы в налоговой сфере, незначительные рынок сбыта и товарооборот мешают развитию экономических отношений между двумя странами. В то же время общность религии, культуры, политических взглядов, а также наличие свободной экономической зоны делают Киргизию привлекательной для налаживания экономических отношений. В 2021–2022 гг. правительства в Иране и Киргизии продемонстрировали решимость более эффективно использовать потенциал своих государств и наладить прямые контакты между экономическими, хозяйствующими субъектами двух стран.

Сотрудничество двух стран в гуманитарной и культурной сферах начало развиваться с конца XX в. В 1999 г. состоялся первый круглый стол «Диалог цивилизаций и Великий Шёлковый путь», участниками которого были иранские и киргизские специалисты. В 2002 г. президент Ирана С. Хатами посетил Бишкекский гуманитарный университет, где открыл Центр иранистики и исламоведения. Говоря об особом месте Киргизии во внешней политике Ирана, он указал на то, что в течение 10 лет сотрудничества отношения двух государств выстраиваются на исторической и культурной общности, на уважении суверенитета и независимости во внешней политике.

Приоритетами во внешней политике Ирана, прежде всего, являются мусульманские страны. Лидеры Ирана считают, что религиозная общность будет способствовать объединению мусуль-

ман. Религиозная идентичность поможет еще больше укрепить и сблизить Иран и Киргизию. Иранцы сыграли важную роль в распространении ислама, одновременно повышая авторитет своего языка и культуры. Фарси для исламского мира считается вторым языком, на протяжении многих веков являвшимся главным в науке, торговле, культуре и управлении. Будучи основой для иранских языков, сформировавшихся в отдаленных точках Востока – от Мавераннахра до Эрзерума, Коньи (Турция) и далее, он являлся средством выражения дум людей иранского и туранского миров. В связи с этим Иран в последние годы уделяет особое внимание популяризации в регионе Центральной Азии персидского языка.

С 1995 г. в пяти вузах Киргизии были открыты центры по изучению персидского языка, а также факультет исламоведения. Налажены прямые связи между крупнейшими университетами двух стран. Достигнуты договоренности о создании совместной рабочей группы в целях разработки программы двустороннего сотрудничества в области науки и высшего образования. После обретения независимости представители интеллигенции Киргизии при поддержке иранского посольства в Бишкеке организовали обучение персидскому языку в некоторых университетах страны; ведутся научно-исследовательская, переводческая деятельность, работа по книгоизданию; осуществляется обмен научной информацией, студентами и профессурой. Кафедры иранистики и преподавания персидского языка функционируют в университетах и школах Киргизии.

Несмотря на совместное историческое и культурное прошлое, существуют серьезные проблемы во взаимоотношениях между Ираном и Центральной Азией. Расположенная на перекрестке Востока и Запада, связанная с тюркской и исламской культурами, Центральная Азия представляет собой место схождения этих различий. Прослеживается смешение традиций и обычаев, уходящих корнями в историю и одновременно сформировавшихся в условиях западной современности.

В целом представленные экспертные мнения позволяют внести некоторые уточнения в аналитическую картину современного состояния Центральной Азии. За последние годы активизировались сотрудничество и координация стран Центральной Азии по

вопросам, представляющим общий интерес для региона. Проводимый с 2018 г. на ежегодной основе саммит глав государств региона подтверждает настроенность республик на решение внутренних проблем без посредничества. Наметились стремление сторон к многовекторности внешней политики. В 2018 г. Узбекистан вступил в Тюркский совет, страны Центральной Азии активно участвуют в инициативе Китая «Один пояс – один путь».

Взаимосвязи между Киргизией и Ираном имеют устойчивый характер с периода установления дипломатических отношений в 1991 г. и до настоящего времени, хотя были этапы подъема и спада в двусторонних отношениях. Благодаря вступлению Ирана в ШОС сотрудничество со странами Центральной Азии в целом и Киргизией в частности будет расширяться. В то же время, исходя из экономического потенциала КР, Иран вряд ли рассматривает Киргизию как приоритетное направление своей внешней политики в ЦА. Вместе с тем Киргизия заинтересована в установлении более тесных экономических торговых связей с Ираном, особенно на фоне западных санкций против Российской Федерации. Недавние события в Афганистане, на Украине и разворот России на Восток будут подталкивать Иран к активизации торгово-экономического сотрудничества со странами Центральной Азии, а также с Россией и Китаем, прежде всего в вопросах безопасности, обеспечиваемой через региональные структуры ОДКБ.

Список литературы

1. *Усенов А.М.* Интеграция государств Центральной Азии: проблемы и перспективы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2021. – № 11. – С. 182–186.
2. *Ахмеджанова Д.Ф.* Проблемы развития региональной интеграции на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 90–108.
3. *Сатарова Э.А.* Эволюция отношений между Кыргызстаном и Ираном // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2022. – № 2 (32). – С. 67–88.

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

ДЕМИДОВ К.Б.* У. ДАЛРИМПЛ О ПРИЧИНАХ ВОЗВЫШЕНИЯ БРИТАНСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ. РЕЦ. НА КН.: DALRYMPLE W. THE ANARCHY. THE RELENTLESS RISE OF THE EAST-INDIA COMPANY. – LONDON : BLOOMSBURY, 2020. – 522 p.

Аннотация. «Анархия. Неумолимый рост Ост-Индской компании» шотландского историка У. Далримпла – первая из четырех книг, посвященных фантастическому возвышению британской Ост-Индской компании, которая превратилась из частной торговой организации в международную корпорацию, наделенную государственными прерогативами. Разоблачение деятельности данной организации, находившейся под покровительством британской Короны, до сих пор не в полной мере осознано мировой общественностью.

Ключевые слова: Ост-Индская компания; Индия; Бенгалия; Великобритания; Англия; Франция; Наполеон.

DEMIDOV K.B.W. Dalrymple on East-India Company' s Rise to Power. – Rec. ad op.: Dalrymple W. The Anarchy. The Relentless Rise of the East-India Company. – London: Bloomsbury, 2020. – 576 p.

Abstract. “The Anarchy. The Relentless Rise of the East-India Company” is the first of four books by Scottish historian W. Dalrymple covering the prodigious rise of private trading company to semi-official status despite its ominous record up to now not fully understood in the world. Forcing Mughal Emperor to set up in his most affluent provinces English traders' government the Company put its private army in

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

motion and began barbarically collecting taxes (constituting from then on its main revenue). This fantastic transformation from conventional trading corporation into a ruthless colonial power still evades proper attention in the scientific community; important phenomenon – the more so as this transformation was one of the cornerstones of transformation of world politics in the XX century.

Keywords: India; Bengal; Britain; England; France; East-India Company; Napoleon.

Для цитирования: Демидов К.Б. У. Далримпл о причинах возвышения британской Ост-Индской компании [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – №. 3 – С. 109–119. Рец. на кн.: Dalrymple W. The Anarchy. The Relentless Rise of the East-India Company. – London : Bloomsbury, 2020. – 576 p. – DOI: 10.31249/RVA/2023.03.07

«Анархия...» – первая из четырех книг современного шотландского историка и писателя Уильяма Далримпла, посвященных разоблачению деятельности Британской (до 1707 г. Английской) Ост-Индской компании (1600–1858). Описывая продвижение Компании в Индии, Далримпл фокусирует внимание на том, что эта организация представляет собой новое явление в истории – первую глобальную корпорацию, получившую государственные прерогативы. Неся ответственность лишь перед вкладчиками и стремясь, прежде всего, максимизировать доходы, Компания породила ту административную систему (во многом унаследованную и после ликвидации Компании в 1858 г.), которая в конечном итоге и обусловила падение британского владычества в Индии.

Об одиозности этой системы достаточно свидетельствует лишь один из описанных Далримплом, однако, по его словам, «самый кровавый эпизод в истории британского колониализма» [7, р. 392] – подавление восстания 1857 г.: «После девяти месяцев неопределенности Компания стяжала себе ужасную славу/.../ убийством и повешением в базарных городках на берегах Ганга десятков тысяч тех, кого лишь подозревали в причастности к мятежу» [ibid., р. 392]. Примечательны в такой связи попытки «подретушировать» преступления Компании в современной английской историографии. Так, в электронной версии «Encyclopedia Britannica» ей

посвящена лишь одна страница без указания тех событий, на которых сосредоточился Далримпл.

Книга Далримпла представляет собой один из примеров документированного и иллюстрированного исследования деятельности Компании в Индии. Ее деятельность в других частях света, к сожалению, не получила аналогичного освещения, однако и в таком виде книгу можно рассматривать как одно из весомых свидетельств преступной сущности колониализма. И в качестве такого разоблачения книга Далримпла может служить ценным дополнением к книге К. Квигли «Англо-американский истеблишмент» [2].

Книга Далримпла вызывает колоссальный интерес еще и по той причине, что в ней намечены контуры довольно примечательного явления – того «двоемыслия» английского общества, которое сделало возможным феномен Компании. Как показывает Далримпл, английское общество проявляет склонность к избирательному вниманию, намеренно или ненамеренно закрывая глаза на некоторые события, что в результате приводит к возникновению хаоса. Книга отнюдь не случайно носит название «Анархия...». Грабительская система управления, созданная в Индии, могла возникнуть лишь при попустительстве правящих кругов: высшие классы отчасти были вовлечены в деятельность Компании, а отчасти просто не считали что-либо происходящее за пределами Британии достойным внимания, что проявилось в скудости соответствующей литературной продукции¹, в отличие, например, от Франции, где теме Востока в XVIII в. было посвящено множество сочинений.

Следует заострить внимание на возникновении еще одного нового качества, свойственного английскому обществу и отчетливо проявившегося в деятельности Компании. Вероломство и варварское ведение войны позволило британцам вытеснить французов. Цинизм проявлялся и в управлении новоприобретенной территорией. Заключение Аллахабадский договор с Великим Моголом, Компания получила право сбора налогов, однако не имея достаточного числа функционеров, ввела систему откупов: «Такое

¹ Интерес к истории Индии в Великобритании возник в конце XVIII в. См.: Алаев Л.Б. Историография истории Индии. – Москва : Институт востоковедения, 2013. – 472 с. – *Прим. ред.*

отношение Ост-Индской компании к Бенгалии/.../ может быть расценено лишь как пиратское» [7, р. 213].

Примечательно, что Компания не желала входить в тонкости чуждой, к тому времени весьма развитой, культуры, а у представителей последней подобное поведение просто не укладывалось в сознании: «Из частной переписки этого периода/.../ явствует, насколько значительным было то взаимное непонимание, которое разделяло эти столь непохожие друг на друга миры [7, р. 139]. Помимо всего прочего индийские правители никак не могли уразуметь, что Ост-Индская компания в лице ее функционеров осуществляет свою деятельность не как индивидуальное лицо, но как «безлично корпоративное управление, составленное из богатых лондонских торговцев» [там же].

Результатом отсутствия взаимопонимания становилось разрушение общественного порядка: «Торговцы – частные лица, а не чиновники – на регулярной основе прибегали к такой мере, как арест/.../ подчиненных бенгальского правителя – набоба, которого подобные действия повергали в паранойю – будто бы его хотят сместить – что вызывало паралич в системе управления» [7, р. 167]. «Подобное поведение в точности соответствует долгосрочной стратегии, выработанной Компанией: прилежно раздувая пожар общественных противоречий, которые она впоследствии бралась погасить, она подкрепляла подобное посредничество военной силой – буде необходимость прибегнуть к таковой представлялась возможной» [7, р. 331].

Перемены в тактике соответствовали соображениям стратегического характера – переориентации Компании на сбор налогов. В результате во времена голода в Бенгалии (1770), унесшего миллионы жизней, «Компания почти ничего не сделала для исправления ситуации; более того, подвластные ей отряды сипаев были посланы как подкрепление сборщикам платежей/.../. В результате в отправленном директорами Компании отчете в Лондон 1771 г. указывалось, что, несмотря на сокращение населения, доходы даже немного увеличились» [7, р. 319]. Слухи о беспорядках и голоде в Бенгалии, а также финансовые спекуляции привели Компанию на грань полного краха в 1772 г. По «странному» совпадению, именно в это время английское общество начинает интересоваться

событиями в Индии (публикации в «Лондон таймс», литературные (С. Фут) и исторические (У. Болте) сочинения).

Публичный импичмент генерал-губернатора (1773–1785) У. Гастингса, «намного превосходившего прочих функционеров Компании в том, что касалось ответственности» [7, р. 312], был превращен английским обществом в особо изысканное развлечение; одно лишь оглашение его вины заняло четыре дня, так что публика проводила ночи в близлежащих кофейнях, лишь бы обеспечить себе места. Видный политик и философ Э. Берк, прежде способствовавший оправданию губернатора Бенгалии (1758–1760) Р. Клайва – «одного из величайших мошенников Британии» [9, р. 8] – перед парламентской комиссией, также произносил свою обвинительную речь четыре дня, поставив в вину Гастингсу «несправедливость и вероломство по отношению к нациям» [7, р. 308]. Следует, однако, иметь в виду, что к этому времени семья Берка разорилась вследствие спекуляций бумагами Ост-Индской компании.

Импичмент Гастингса в значительной мере был спровоцирован именно недовольством разорившихся вкладчиков, а вовсе не беспокойством о «несчастных индийцах»: «К началу процесса прошло уже пять лет близкой к состоянию помешательства кампании, ставившей своей целью очернить Гастингса, что убедило Парламент в достаточности оснований для импичмента» [7, р. 312].

Среди прочего процесс показал степень безразличия английского общества к «туземной» проблематике. «Импичмент Гастингса продемонстрировал, прежде всего, масштабы неосведомленности, царившей в Британии в то время. Так, Берк перепутал афганского военачальника Хафиза Рахмат-хана с поэтом Хафизом, жившим в XIV в.» [7, р. 312]. В XIX в. положение несколько не изменилось: «Лондон пребывал в своего рода помешательстве относительно Наполеона, так что колоссальные территориальные захваты, осуществленные Компанией на другом континенте, попросту мало кого интересовали» [7, р. 382]. После импичмента Гастингса Ост-Индская компания прочно покинула поле общественного внимания. Факты показывают, что сам Наполеон был намного более озадачен Ост-Индской компанией – точнее, возможностями положить конец ее деятельности в Индии – нежели британское общество.

По мнению Далримпла, деятельность Ост-Индской компании выявила (и во многом создала) сложную общественную «механику», которая превращала частные интересы в государственные при помощи весьма изощренных и разнообразных приемов, в основе которых лежит скрытое от общества применение корпоративной власти. «Как наглядно продемонстрировала не столь давняя американская авантюра в Ираке, мир, в котором мы живем, вовсе не может быть сочтен постимпериалистическим. Напротив, имперская власть трансформировалась в некий набор силовых установок глобального характера, которые охотно прибегают к таким средствам, как сбор средств на проведение тех или иных кампаний или же лоббирование чьих-то коммерческих интересов – наряду с использованием многонациональных финансовых систем, корпоративного воздействия на глобальные рынки и накоплением данных в прогностических целях. Все эти особенности новейшей разновидности “надзирающего” капитализма используются с большей охотой, чем явные военные завоевания, оккупационные мероприятия или же прямое экономическое доминирование – хотя, конечно, подчас и без этих “реликтов” обойтись не удастся/.../. Это приобретает чрезвычайно зловещее значение, особенно если учесть, что речь идет о возможностях злоупотребления тем могуществом, которым располагают корпорации, равно как и теми коварными способами, при помощи которых интересы держателей акций по видимости могут превратиться в интересы государства» [7, p. 396].

Книга Далримпла, среди прочего, затрагивает тему идеологического оформления колониализма, демонстрируя, как соображения чисто технического характера, подкрепляемые научными теориями того времени, приводят к возникновению псевдонаучного дискурса, оправдывающего колонизацию. В этом контексте идея «бремени белого человека», выдвинутая одним из трубадуров мировой британской гегемонии, приобретает новое звучание: это не что иное, как логическое развитие того идейного багажа, при помощи которого оперировала Ост-Индская компания. Стихотворение «Бремя белого человека» (1899) Р. Киплинга – симптоматично, поскольку указывает на то, что данное явление получило идеологическое оформление. В конце XIX в. «люди Запада» осознают себя стоящими на высшей ступени мировой иерархической

лестницы (якобы существующей в реальности, но на деле сформировавшейся в сознании под влиянием идей социал-дарвинизма). Они берут на себя данное «бремя» лишь в силу того, что якобы обладают необходимыми навыками и ощущают себя морально обязанными распространять благо (так, как они его понимают). Насколько распространенными и укоренившимися были подобные представления, демонстрирует, в частности, художественная литература викторианской эпохи.

«Сердце тьмы» (1902) Дж. Конрада – один из блестящих примеров того общественного «двоемыслия», о котором говорилось выше. Повествование ведется от лица представителя весьма состоятельной и образованной прослойки общества, устроившегося в некую «Компанию», действующую в Африке: «Я был не просто капитан, а Сотрудник Компании с большой буквы, посланец света, практически апостол. В ту пору много подобного вздора можно было встретить в газетных статьях и разговорах, и моя славная тетушка, жившая в ногу с нашим безумным временем, потеряла голову. Она несла чепуху о “миллионах несчастных, которых мы избавляем от зверских обычаев”... Я робко намекнул, что единственная цель Компании – зарабатывать деньги. – Вы забыли, мой милый Чарли, что трудящийся достоин награды за труды свои! – прошептала она» [3, с. 23–24].

Приписываемое колонизуемым народам неразумие (как коррелят присвоенной колонизаторами монополии на истину) должно быть «излечено» благодаря усилиям «благородных колонизаторов», а ограбление первых последними оправдывается ложно понятыми библейскими максимами. Вольное прочтение и толкование священных текстов весьма характерно, если речь идет о формировании дискурса колонизации. Так, К. Гинзбург в работе «Широты, рабы и Библия» показывает реальный случай оформления такого дискурса и попутно если не опровергает, то существенно дополняет главные тезисы М. Вебера, высказанные в «Протестантской этике и духе капитализма». Дело в том, что дискурс колонизации, как и дискурс капитализма, формировался путем неосознанного сращения разнородных теорий, практик, моделей поведения, которые вводятся в оборот, будучи оправданными с религиозной точки зрения.

Гинзбург приводит документы, касающиеся жизни Ж.-П. Пюрри (1675–1736), кальвиниста, служащего голландской Ост-Индской компании: в его сознании причудливо преломились как Библия, так и научные воззрения того времени. Занявшись виноделием, он стал искать места, наиболее пригодные для этого занятия. Свои идеи он изложил в трактате, направленном руководству Компании: «Идеальная широта – это широта Земли обетованной. Планы Пюрри по колонизации основывались на библейской Книге Исхода – хотя его прочтение Библии... было достаточно гибким» [1, с. 10].

Весьма примечательно, с какой легкостью ветхозаветные истины, часто отмененные или переосмысленные Новым Заветом, превращаются в руководство к действию, когда речь заходит о материальном интересе (казалось бы, всецело принадлежащем «миру сему»): «Влияние Книги Исхода общеизвестно... путь сынов Израилевых от рабства к свободе, из Египта в Землю обетованную, веками давал людям революционную модель, лишённую мессианских коннотаций, вдохновлявших... современное сионистское движение. Но такие революционные толкования... игнорируют часть Исхода: завоевание, войну с хананеями, населявшими Землю обетованную ... Пюрри имплицитно считал как хананеев, так и войну, которую вели с ними сыны Израилевы, ключевым элементом библейского повествования. В его прочтении путь на Землю обетованную стал моделью, оправданием завоевания мира европейцами» [1, с. 10]. В свое время и рабовладение обретет свое место в системе взглядов Пюрри: «Основание “хорошей европейской колонии” спасет дикарей от их грешной праздности и даст им “цивилизованную жизнь”» [1, с. 14]. Итак, задолго до Р. Кипплинга тезис о «бремени белого человека» был высказан и всесторонне осмыслен – Кипплинг лишь придал ему блестящую заостренность.

Примечателен, однако, лишь отчасти сознательный и во многом полумеханический характер экспансии. Последняя часто представляет собой не что иное, как своего рода моду, поветрие. Осмысление и идеологическое оформление становятся возможными лишь постфактум. Первое место в общественном сознании прочно занимают манеры и стиль (что верно как для колонизаторов, стремящихся не отстать от равных себе, так и для колонизируемых, из которых лишь избранные могли наслаждаться обществом «белых господ»). Подобная «механика» колониальной экспансии

раскрыта Н. Элиасом, указавшим на чисто техническое значение, которое приобретают манеры и стиль поведения покоренных, если они хотят иметь дело с «высшими существами», несущими тем свет цивилизации. «Причиной изменения поведения выступает не техника. То, что именуется нами “техникой”, является просто одним из символов, одним из воплощений долгосрочного опосредования, к которому ведут удлинившиеся цепочки действий и конкуренция. “Цивилизованные” формы поведения распространяются на прочие континенты именно потому, что через них осуществляется вхождение в сеть взаимозависимостей, а центр этой сети занимают “люди Запада”» [5, с. 25].

Элиас рассматривает распространение «цивилизованных» норм поведения на другие континенты, во многом пребывая во власти того «двоемыслия» о котором шла речь выше. «Это происходит путем заселения их выходцами с Запада или путем ассимиляции высших слоев других народов. Но точно так же ранее в рамках самого западного общества происходило распространение моделей поведения: от тех или иных высших слоев, от придворных обществ и торговых центров к низшим слоям. Эта экспансия лишь в малой степени определялась планами или желаниями носителей соответствующего поведения. Слои, задающие модели поведения, и сегодня не являются свободными творцами и начинщиками экспансии/...// Распространение одних и тех же норм поведения, идущее из “белых стран и отечеств”, связано с вовлечением прочих человеческих групп в единую сеть политических и экономических взаимозависимостей, в сферу “борьбы за выживание”, идущую между западными нациями»¹ [5, с. 259].

Интересно отметить, что «чужие» мыслятся априорно враждебными – еще одно из чисто западных изобретений², вылившееся

¹ Распространение поведенческих форм шло не только от колонизаторов к колонизованным. Британцы в Индии начинали усваивать привычки и манеры местного общества, чем повергали в шок своих соотечественников. (См.: Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций / Глушкова И.П. (рук. проекта и отв. ред.). – Москва : ИДВ РАН – Восточная литература, 2021).

² Дихотомия *мы и они* с низведением последних к «нелюди» известна человечеству со времен первобытности (См.: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / ред. О.Т. Витте. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 720 с.)

в систематическое уничтожение на всем «христианском» Западе иудейских общин в течение Средних веков (начиная с XII в.). Деятельность Ост-Индских (и подобных им) компаний стала возможной именно в результате возникновения на Западе данного социального комплекса, предполагающего проведение жестких границ между «своими» и «чужими». Практика колонизации получает оформление как некая функция, призванная установить в мире естественный (поначалу – богоданный) иерархический порядок. Подобное приписывание чуждому, чужому статуса низшего стало возможным в результате длительного процесса трансформации всех основ западного общества. Как показывает М. Фуко, начиная с XVII в. создание образа «чужака» приобрело систематический характер: «чужих создавали, искажая давно знакомые социальные обличья» [4, с. 96].

Лишение человеческого образа, столь успешно распространенное на колонизируемых, изначально захватило сами западные общества: «Существуют... различные типы социального и морального опыта, принятые XVI в. или отвергнутые им, четко оформленные или, напротив, оставшиеся маргинальными, – и вот теперь, в XVII в., они подхвачены, собраны воедино и... отправлены в изгнание, в ссылку, где, соседствуя с безумием, они образуют цельный и единообразный мир Неразумия» [4, с. 98]. По мере отождествления иного образа жизни, осмысляемого как проявление лени и праздности, с грехом, практика контроля все больше сращивается с практикой карательной, пенитенциарной и даже медицинской. «Безумие поселяется по соседству с грехом, и, может быть, именно поэтому неразумие на века породнится с виной/.../. Именно здесь, в этом искусственном, собранном в середине XVII в. словно бы из лоскутов пространстве... разворачивается стройная система религиозного контроля и подавления, которая включает преходящие страдания в свой пенитенциарный порядок... Подавление становится тем самым вдвойне эффективным: оно излечивает тела и очищает души» [4, с. 102].

В целом, деятельность Ост-Индской компании, рассмотренная У. Далримплом в данном контексте, вполне может быть расценена как закономерный этап в развитии Запада. Его исследование являет собой еще один пример критического осмысления истории

западного колониализма, и, несомненно, даст много пищи для ума читательской аудитории.

Список литературы

1. Гинзбург К. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории. – Москва : Изд-во РГГУ, 2003. – 36 с.
2. Квигли К. Англо-американский истеблишмент. – Москва : Наше завтра, 2021. – 512 с.
3. Конрад Дж. Сердце тьмы. – Москва : АСТ, 2021. – 448 с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – 576 с.
5. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. – Москва : Университетская книга, 2001. – 382 с.
6. Bowen H.V. Lord Clive and Speculation in East-India Company Stock, 1766 // The Historical Journal. – 1987. – Vol. 30, N 4. – P. 905–920.
7. Dalrymple W. The Anarchy. The Relentless Rise of East-India Company. – London : Bloomsbury, 2020. – 576 p.
8. Das A. Defending British India against Napoleon: the Foreign Policy of Governor-General Lord Minto, 1807–1813. – London : Boydell Press, 2016. – 284 p.
9. Robins N. The Corporation that Changed the World. – London : Pluto Press, 2012. – 280 p.
10. Sutherland L. East-India Company in the Politics of 18th Century. – Oxford : Oxford University Press, 1952. – 430 p.

МОЗИАС П.М.* РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ В КИТАЕ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ФРАГМЕНТАЦИЯ?

Аннотация. Постепенность экономических реформ в Китае порождает промежуточные состояния, у которых есть как позитивные, так и негативные стороны. Еще с 1980-х годов провинциальные власти, пользуясь обретенными в ходе административной децентрализации полномочиями, стали осуществлять в отношении подконтрольных им предприятий меры локального протекционизма. Китайские экономисты и зарубежные синологи активно обсуждают, сложился ли в стране за годы реформ интегрированный внутренний рынок. Они констатируют, что фрагментация региональных рынков в определенной мере стимулирует экономический рост. Но в то же время она усугубляет макроэкономические дисбалансы, в том числе избыточную экспортную ориентацию китайской экономики.

Ключевые слова: Китай; провинция; фрагментация; экономический рост; локальный протекционизм.

MOZIAS P.M. Provincial Markets in China : Are They Integrated or Fragmented?

Abstract. China's gradual economic reforms generate a string of interim equilibria with both positive and negative attributes. Ever since decentralization of the 1980s, provincial governments have used their newly-acquired additional rights to protect local enterprises controlled by them. Chinese experts and foreign sinologists are discussing whether an integrated domestic market has emerged in China due to reforms or

* Мозиа́с Петро́в Миха́йлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

not. They usually argue that fragmentation of regional markets encourages economic growth to some extent. However, at the same time, it aggravates macroeconomic imbalances, such as an excessive export orientation of the economy of China.

Keywords: China; province; fragmentation; economic growth; local protectionism.

Для цитирования: Мозиас П.М. Региональные рынки в Китае: интеграция или фрагментация? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 120–154. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.08

Развитие рыночных механизмов в национальной экономике – это заведомо постепенный процесс, которому свойственна определенная этапность. Рыночные институты не возникают в раз и навсегда данном, зрелом виде, они эволюционируют от сравнительно простых к более сложным. Рыночная экономика – это не только товарное производство и обмен ресурсами, но и разветвленная сеть торговых и финансовых посредников, которая складывается совсем не быстро. В товарно-денежный обмен одни отрасли и связанные с ними социальные группы включаются раньше, а другие позже. Этот процесс имеет и очевидное пространственное измерение, ведь в торговое взаимодействие вовлечены не только отдельные люди и предприятия, но и целые регионы. В конечном счете в ходе модернизации рыночные отношения пронизывают общество и «вглубь» (от элит до социальных низов), и «вширь» (от столиц до периферийных регионов). Но для того чтобы такой процесс совершился, общество должно успешно миновать ряд промежуточных стадий.

На первый взгляд, кажется логичной концептуальная схема классических и неоклассических экономистов, согласно которой человеку органически свойственна склонность к товарному обмену, и ее реализация приводит сначала к возникновению локальных, региональных рынков. Затем они сливаются в общестрановое рыночное пространство, а это создает условия для участия страны в международной торговле. Однако К. Поланьи еще в середине XX в. показал, что в исторической реальности события развивались более сложным образом.

Товарный обмен и деньги зарождались при соприкосновении сравнительно больших этнических общностей, т.е. это была торговля на дальние расстояния, внешняя торговля. Лишь со временем порождаемые ею импульсы проникали во внутренние экономики. К. Поланьи установил: когда в позднее Средневековье и Новое время в европейских странах товарно-денежные отношения постепенно заменяли редиistribuтивные связи в качестве главных регуляторов распределения ресурсов, то развитие внутренней и внешней торговли шло по разным траекториям. Товарный обмен происходил в основном в городах, а инфильтрация его в сельское хозяйство, основную отрасль тогдашней экономики, искусственно сдерживалась. Но и конкуренция на городских рынках местной ремесленной продукции регламентировалась административно – стандартами качества, установленными объединениями производителей (цехами).

Предъявлять подобные требования к импортным товарам было невозможно, и их старались просто не допускать на локальные рынки. Не распространялась цеховая регламентация и на экспорт. По словам К. Поланьи, локальная торговля и торговля на дальние расстояния были разделены: европейские города жестко контролировали внутреннюю торговлю, а непредсказуемые экспортно-импортные сделки они загоняли в отдельную зону. Такое положение дел не способствовало, а препятствовало формированию общенациональных рынков. Последние возникли только благодаря сознательной политике национальных государств по разрушению всех этих разделительных линий, а к такому вмешательству в экономические процессы европейские государства подвигло ужесточение геополитического соперничества после Великих географических открытий [1, р. 58–65].

На этом фоне не приходится удивляться тому, что в современном Китае, где и после прошедших нескольких десятилетий экономических реформ сохраняются основы традиционной для социалистических стран политической системы, а трансформация отношений собственности осуществляется относительно медленно, становление общенационального рынка протекает сложно и противоречиво. Еще в 1980-е годы обнаружилось, что правительства отдельных провинций, уездов и даже городов использовали предоставленные им в ходе административной децентрализации

дополнительные полномочия для того, чтобы поддерживать местные предприятия в их конкуренции с производителями из других территориальных единиц.

Фактически речь шла о сознательном ограничении связей местных экономик друг с другом. Данный круг явлений стало принято называть *локальным протекционизмом*. А в начале XXI в. в исследовательской литературе стал всерьез обсуждаться вопрос, происходит ли вообще в Китае формирование интегрированного национального рынка или же внутреннее экономическое пространство страны, напротив, становится все более фрагментированным, даже несмотря на прогрессирующее вовлечение Китая в международную торговлю и трансграничное движение капитала.

Первыми об этом заговорили англоязычные китаеведы. О. Янг (факультет менеджмента Массачусетского технологического института, Бостон, США) [2] утверждал, что распространение локального протекционизма – это частное проявление некой общей закономерности, присущей переходным экономикам. Либерализация в определенных сегментах экономики при сохранении искажений в действии рыночного механизма в других сегментах ведет к тому, что вновь возникшие рыночные агенты используют возможности извлечения ренты, проистекающие из остающегося еще в силе государственного вмешательства. Борьба за захват, а затем и удержание этих рент порождает новые искажения рыночной среды, даже несмотря на общий поступательный ход реформ [2, р. 1091–1092].

Во времена плановой экономики цены на сырьевые товары целенаправленно занижались, а цены на продукцию обрабатывающей промышленности устанавливались на достаточно высоком уровне (не только для того, чтобы не приучать народ роскошествовать, но и потому, что прибыль промышленных предприятий была главным источником доходов бюджетной системы). В ходе реформ эти ценовые диспаритеты начали выправляться, но по большому счету они оставались в силе и в 1980–1990-е годы.

Наследием плановой эры было и дублирование промышленных производств в провинциях. Оно специально поощрялось с конца 1960-х годов и в силу идеологического курса «опоры на собственные силы», и под влиянием военно-политических соображений (считалось, что если какие-то провинции подвергнутся

ядерным ударам или будут оккупированы, то остальные продолжат жизнедеятельность в обычном режиме). К дублированию производств провинциальных руководителей подталкивали и реалии экономики всеобщего товарного дефицита: снабжение предприятий сырьем можно было гарантировать только его собственным производством. Как следствие, отраслевые структуры валового регионального продукта (ВРП) провинций были к началу реформ достаточно диверсифицированными [2, р. 1096–1098].

В 1980-е годы непосредственный контроль над большинством малых и средних государственных предприятий (ГП) был передан от центрального правительства в ведение местных властей. А сужение потоков трансфертов из Пекина в пользу мест сделало региональные власти еще более заинтересованными в промышленных предприятиях как источниках фискальных доходов. К тому же, либерализуя цены по отдельным товарным группам на общенациональном уровне, центральное правительство разрешало местным властям сохранять их меры ценового контроля, и те всё еще могли регулировать цены на сырьевые ресурсы и снижать тем самым издержки и увеличивать рентабельность подконтрольных им производителей готовой продукции. Поэтому местные администрации поспешили заняться поощрением промышленных производств на своих территориях, с тем чтобы извлекать ренту из сохранявшихся ценовых диспаритетов.

В том же направлении пошло развитие сектора волостных и поселковых предприятий (ВПП), создававшихся в самой сельской местности и абсорбировавших избыточную рабочую силу деревни. В 1950–1970-е годы сельская промышленность существовала в «народных коммунах» в основном в низкомаржинальных отраслях, таких как ремонт сельскохозяйственной техники. В период реформ создание ВПП приобрело массовый характер, они производили широкий спектр товаров народного потребления. ВПП тоже выигрывали от арбитража на сохранявшихся «ножницах цен» на сырье и готовую продукцию, и они стали перераспределять в свою пользу часть тех рент, которые до этого получали городские промышленные предприятия. Хотя ВПП в основном создавались как предприятия коллективной формы собственности, но местные власти могли заполучить у них часть рент, устанавливая неформальные фискальные сборы с таких предприятий.

Закономерным результатом этих процессов и стало воздвижение местными правительствами межрегиональных барьеров для торговли, считал О. Янг [2, р. 1101]. В провинциях – производителях сырья власти старались не допустить, чтобы другие провинции перекупали его у местных поставщиков по более высоким ценам, и они вводили у себя фактически монопсонический режим скупки сырья по низким, административно установленным ценам, всячески ограничивали его вывоз и стимулировали его местную переработку.

В свою очередь, производителей готовой продукции на рынках становилось все больше, в том числе и вследствие допуска в соответствующие отрасли ВПП. В отраслях, выпускавших потребительские промышленные товары, из-за дублирования производств во множестве регионов возникли избыточные мощности, что по идее должно было привести к снижению рентабельности.

Местные администрации реагировали на это введением барьеров для сбыта продукции из других регионов. В отдельных провинциях прибегали к разным методам протекционизма: это могли быть специальные ценовые надбавки, устанавливавшиеся при пересечении привозными товарами границ региона; прямые запреты на сбыт сторонней продукции; финансовые льготы для местных предприятий; обязательные квоты реализации местной продукции; запреты дифференцировать цены на местные и привозные товары; технические барьеры (требования к качеству поступающих извне товаров) и др. На защиту интересов местных производителей были сориентированы суды, которые игнорировали иски, подаваемые предприятиями – конкурентами из других провинций [2, р. 1103].

Проведенный О. Янгом статистический анализ показал, что тенденция к сближению отраслевых структур провинциальных экономик, обозначившаяся в конце 1960-х годов, оставалась в силе и в 1978–1997 гг. Это соответствует предположению о том, что установление межпровинциальных торговых барьеров размывает специализацию регионов и угнетает производство в тех отраслях, по которым регионы имеют сравнительные преимущества. По идее торговые барьеры должны усиливать дифференциацию цен между отдельными региональными рынками. Анализ данных за 1986–1993 гг. выявил, что такая тенденция действительно имела

место, хотя она проявлялась через многочисленные краткосрочные флуктуации, причем усиления и ослабления дисперсии вполне соответствовали динамике «торговых войн» между провинциями [2, р. 1110–1115].

Правда, теоретически конвергенция отраслевых структур и дифференциация ценовых показателей в регионах могут объясняться не существованием препятствий для межпровинциальной торговли, а другими причинами. Так, можно предположить, что при всех различиях в наборах ресурсов и уровнях производительности между отдельными провинциями КНР в отношениях с внешним миром сравнительные преимущества у них однотипные.

Тогда выстраивается следующая логика. Когда Китай был «закрытой» экономикой, его провинциям была свойственна специализация, но с либерализацией внешнеэкономических связей отраслевые структуры региональных экономик сблизились, так как у них были сходные сравнительные преимущества. А усиление дифференциации цен могло быть связано с расширением в ходе реформ продуктового ряда, освоением в отдельных провинциях разных новых производств и с тем, что возникающая на такой основе разница в ценах между регионами не полностью устранялась арбитражем.

Но исследование О. Янга выявило, что за первые два десятилетия реформ дивергенция провинций по уровням производительности труда и трудоемкости производства не уменьшилась, а усилилась. Иными словами, у провинций сближались структуры конечного выпуска, но становилось все более разным распределение трудовых ресурсов между отраслями, а это противоречит гипотезе о выравнивании сравнительных преимуществ регионов.

И напротив, увеличение межпровинциальных разрывов в производительности труда, исчисленной в номинальном выражении, как раз может объясняться усилением межрегиональных ценовых диспаритетов под влиянием локального протекционизма. В свою очередь, усиление различий в распределении рабочей силы между отраслями может проистекать из того, что торговые барьеры способствуют перетоку ресурсов в те отрасли, по которым у провинциальных экономик нет сравнительных преимуществ. В итоге О. Янг констатировал, что 20 лет реформ привели к формированию в КНР фрагментиро-

ванного внутреннего рынка, поделенного на «уделы», контролируемые местными чиновниками [2, р. 1128].

Альтернативное мнение высказал Б. Наутон (аспирантская школа международных отношений и тихоокеанских исследований Калифорнийского университета, Сан-Диего, США) [3]. Критикуя саму технику исследования О. Янга, он отмечал, что о интегрированности / фрагментации провинциальных рынков нельзя судить только на основании данных о структуре региональных экономик и динамике цен. Логичнее оценивать степень интеграции просто по данным о межпровинциальной торговле товарами (принимая во внимание то, что рынки услуг, капитала и труда складываются гораздо медленнее, чем товарный рынок, а данные по ним тем более скудные) [3, р. 7–8].

Б. Наутон задействовал данные из межотраслевых балансов провинций за 1987 и 1992 гг. и статистику внешней торговли провинций за те же годы. Выяснилось, что торговля китайских провинций друг с другом была в 1992 г. в 2,5 раза больше их торговли с зарубежными странами, она в среднем составляла 63% их ВРП, т.е. объемы ее были велики. Причем по сравнению с 1987 г. доли межпровинциальной торговли в ВРП провинций заметно выросли, что побуждало говорить о нарастающей интеграции региональных рынков. Всё это, констатировал Б. Наутон, опровергает гипотезу об автаркичности провинциальных экономик, их слабых связях друг с другом на фоне быстрой экспансии их внешней торговли [3, р. 9–16].

Доля межпровинциальной торговли в общенациональном ВВП Китая была примерно в 4 раза больше, чем доля взаимных поставок «пятерки» стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) в их совокупном ВВП. В 1992 г. в Европейском союзе 34% стоимости, добавленной в производстве товаров, приходилось на торговлю внутри объединения, а в КНР на межпровинциальную торговлю приходилось 75% добавленной при товарном производстве стоимости. Так что Китай выглядел скорее как единая национальная экономика, части которой торгуют между собой, а не как объединение отдельных национальных экономик, вовлеченных в международную торговлю.

Причем внутренняя торговля имела примерно одинаковое значение как для восточных, приморских, так и для внутренних,

материковых провинций: у центральных и западных регионов ее доля в ВРП была лишь немногим меньше, чем у прибрежных провинций. К тому же проведенный Б. Наутоном анализ товарной структуры межпровинциальной торговли показал, что в ней доминировала внутриотраслевая торговля, т.е. двусторонние поставки товаров, дифференцированных в соответствии с предпочтениями потребителей. Это тоже свидетельство существования единого национального рынка, на котором конкурируют предприятия разных провинций [3, р. 17–19].

Однако всё это совсем не исключает существования локального протекционизма и его негативного влияния на региональную специализацию и интегрированность национального рынка, отмечал Б. Наутон. Местные власти заинтересованы в наращивании налоговых поступлений и трудовой занятости на подведомственных им территориях, и поэтому они защищают подконтрольные им предприятия от конкуренции с компаниями, базирующимися в других провинциях. Но, согласно Б. Наутону, это не более чем промежуточная ситуация, требующая дальнейших реформ [3, р. 26], тогда как О. Янг по сути рассматривал локальный протекционизм и фрагментацию рынков как некое устойчивое состояние и даже утверждал, что в Китае вместо единой экономики централизованного планирования возникло множество таких экономик [2, р. 1129].

Впрочем, Б. Наутон соглашался с О. Янгом в том, что локальный протекционизм проистекал прежде всего из сохранявшихся диспропорций между заниженными ценами на сырьевые товары и высокими ценами на готовую продукцию. При воспроизводстве таких диспаритетов местным правительствам ничего и не оставалось, кроме как сдерживать вывоз сырья со своих территорий, дабы не допустить его нехватки, и как-то регулировать деятельность предприятий обрабатывающей промышленности, фактически получавших ценовые субсидии.

Однако, считал Б. Наутон, сам поступательный ход реформ способствует тому, что предложение товаров производственного назначения увеличивается (в том числе и благодаря мерам государственной промышленной политики), а спрос на них снижается, так как рыночные отношения побуждают предприятия экономить ресурсы. Поэтому побудительные мотивы к локальному протекци-

онизму как способу контролировать предложение сырьевых товаров со временем слабеют. К тому же контроль властей над региональными экономиками постепенно размывается акционированием и приватизацией ГП, в ходе которых владельцами предприятий могут становиться и инвесторы из других провинций. Местные администрации склонны допускать это, так как они заинтересованы в том, чтобы избавиться от забот о неэффективных предприятиях и желательно с минимальными побочными последствиями. А приходя в новую для себя провинцию, сторонние инвесторы получают шансы расширить там сбыт своей продукции, произведенной в старых местах базирования [3, р. 27–29].

С. Понсе (Центр исследований международного развития Академии наук Франции) [4] использовала ту же статистическую базу, что и Б. Наутон, добавив к ней данные межотраслевых балансов провинций за 1997 г. Но к выводам она пришла совсем другим. С. Понсе отмечала, что если просто взять доли межпровинциальной торговли в общенациональном ВВП и совокупном торговом обороте провинций, то эти показатели кажутся очень высокими. В 1987, 1992 и 1997 гг. первый из них составил 54, 50 и 38% соответственно, а второй – 88, 80 и 66% соответственно, они были намного больше аналогичных показателей Евросоюза, Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и АСЕАН. Хотя они снижались со временем, что, вообще говоря, подтверждает тезис О. Янга об уменьшении степени интеграции [4, р. 4].

Но важно уточнить, за счет какого компонента менялась структура потребления товаров в провинциях. С. Понсе выяснила, что в 1987–1997 гг. в ней снижалась доля товаров, ввезенных из других провинций КНР (с 34 до 20%), и увеличивались доли товаров местного производства (с 64 до 72%) и импортных товаров (с 2 до 8%). Получается, что интенсивность межпровинциальной торговли снижалась не только из-за активизации экономических связей с другими странами, но и из-за нарастающей автаркичности провинциальных хозяйств [4, р. 4–5].

Для оценки степени интегрированности китайских провинциальных рынков и уровня «открытости» их для внешней торговли С. Понсе использовала модель «пограничных эффектов» (border effects), разработанную К. Хэдом и Т. Мейером. Согласно модели, наличие межгосударственных границ приводит к тому, что внут-

ренная торговля в странах протекает более интенсивно, чем торговля регионов одной страны с регионами другой страны. Этот подход может быть применен и в анализе торговых связей между регионами внутри национальных государств и, соответственно, оценке степени фрагментированности их внутренних рынков¹. По идее, по мере течения реформ в КНР «пограничные эффекты» должны были ослабевать и применительно к межпровинциальной торговле, и в том, что касалось торговли китайских регионов с другими странами.

Тестирование модели на эмпирических данных показало, что в рассмотренный период международный «пограничный эффект» действительно резко ослаб, т.е. китайские провинции стали более тесно связанными с рынками зарубежных государств. Но «пограничный эффект» в торговле между китайскими провинциями за это время, наоборот, усилился. Количественный индикатор препятствий для торговли между китайскими регионами за 1987–1997 гг. вырос более чем вдвое. Внутреннему рынку КНР в тот период была присуща нарастающая дезинтеграция, даже несмотря на свойственную провинциям общность культуры, денежной системы, языка и институтов [4, p. 11, 14].

С. Понсе уточнила, насколько сильно проявлялась эта тенденция в приморских провинциях, с одной стороны, и внутренних, материковых регионах – с другой. В обеих группах интенсивность торговли с другими провинциями за 1987–1997 гг. уменьшилась. Но в большей степени она снизилась у центральных и западных провинций, а не у восточных, приморских. По-видимому, это связано с тем, что восточные провинции, имея лучшие условия для ведения внешней торговли, были всё же зависимы от поставок сырья из Центра и с Запада. Поэтому барьеров для межпровинциальной торговли на Востоке возводилось меньше, чем в Центре и на Западе, т.е. фрагментация рынков была во внутренних провинциях сильнее, чем на побережье [4, p. 14–15].

С. Понсе прикинула также, как можно выразить существовавшие внутри Китая барьеры для торговли в тарифном эквиваленте. Она пришла к выводу, что «пограничные эффекты» во внут-

¹ Head K., Mayer T. Non-Europe : The Magnitude and Causes of Market Fragmentation in the EU // Weltwirtschaftliches Archiv. – 2000. – Vol. 136, N 2. – P. 284–314.

ренной торговле в КНР были столь же сильны, как в торговле между США и Канадой и между странами ЕС. Иными словами, они соответствовали по величине тем, что существуют в торговле между суверенными государствами, а не частями одной страны [4, р. 15–16].

«Открытие» Китая внешнему миру происходило параллельно с созданием всё более существенных препятствий для межпровинциальной торговли, резюмировала С. Понсе. Внутренний рынок Китая и в первые годы XXI в. всё больше превращался в «клеточную ткань региональных рынков» (cellular submarkets) [4, р. 9, 17].

Постепенно к дискуссии стали подключаться и китайские специалисты. Ли Шаньтун, Хоу Юнчжи, Лю Юньчжун и Чэнь Бо (Центр исследований проблем развития при Госсовете КНР) [5] отметили, что локальный протекционизм существовал и во времена плановой экономики с ее всеобщим товарным дефицитом. Но если тогда локальный протекционизм был направлен на удержание ресурсов внутри региона, то в годы рыночных реформ он переориентировался на защиту местных производителей от пришлых конкурентов.

Ли Шаньтун и его коллеги обобщили результаты опроса на эту тему, проведенного в марте–июне 2003 г. среди менеджеров предприятий, работников правительственных структур и представителей академических кругов, и отметили, что с середины 1990-х годов к протекционизму местные власти стали прибегать несколько реже, чем раньше. К середине первого десятилетия XXI в. фрагментация региональных рынков уменьшилась, но она всё еще была очень значительной. При ранжировании трудностей в освоении рынков других регионов респонденты называли локальный протекционизм сразу вслед за такими препятствиями, как недостаток ценовой конкурентоспособности, высокие транспортные расходы и небольшая емкость рынка [5, с. 78–79, 83].

Лу Мин, Чэнь Чжао и Юань Ли (экономический факультет Фуданьского университета, Шанхай) [6] тоже констатировали, что мотивация к локальному протекционизму с началом рыночных реформ изменилась. Реформы изменили пропорции разделения тех доходов, которые регионы получают благодаря специализации. Более развитые восточные провинции обрели возможность с большей, чем раньше, выгодой реализовать накопленный потенци-

ал уже сложившихся там современных отраслей промышленности. Тем самым глубинные, материковые провинции выталкивались в зону специализации на технологически менее продвинутых производствах, а это означало, что достававшаяся им доля доходов должна была уменьшиться. Не согласные с этим правительства внутренних провинций стали в ответ создавать на своих территориях производства, для развития которых у них не было сравнительных преимуществ, но наличие которых позволяло им участвовать в «торгах» за субсидии из общегосударственных фондов поддержки промышленности.

Как следствие, одна за другой поднимались «волны» дублирующего строительства: в 1980-е годы это касалось создания предприятий, выпускавших потребительские товары длительного пользования, в 1990-е годы – автомобильной промышленности, а после 2000 г. – культивирования отраслей, где задействуются высокие технологии (информационные, фармацевтические, биотехнологии и т.д.). Провинциальные отраслевые комплексы становились однотипными, размывались основы региональной специализации, а это ограничивало масштабы торговли между регионами.

По мнению Лу Мина и его коллег, локальный протекционизм в отсталых провинциях не приходится рассматривать как рациональную линию поведения местных властей. Обычно считается, что местные правительства прибегают к нему ради получения фискальных доходов и решения проблемы занятости на подведомственных территориях. Но если защищаемые производства заведомо неконкурентоспособны, то в долгосрочной перспективе расходы на их поддержку будут перевешивать выгоды, получаемые местными бюджетами. Тем не менее локальный протекционизм неизбежно будет воспроизводиться, пока не будут устранены его институциональные корни. Для его преодоления нужно, чтобы местные правительства перестали выполнять функции собственников предприятий и непосредственно инвестировать свои средства в производственную сферу, а вместо этого сосредоточились на финансировании инфраструктурного строительства и образования [6, с. 54–55, 61].

Чжоу Лиань (Школа бизнеса «Гуанхуа» Пекинского университета) [7] уточнил, что локальный протекционизм и дублирующее строительство происходят не только из заинтересованности

местных правительств в дополнительных фискальных доходах и социальной стабильности. Дело еще и в желании местных руководителей делать карьеру, добиваться продвижения по службе, выполняя определенные нормативы, заложенные в действующую систему оценки руководящих кадров вышестоящими инстанциями. А среди таких показателей есть и число инвестиционных проектов, реализуемых на территории, поэтому региональные правительства зачастую поддерживают мерами локального протекционизма в том числе и заведомо убыточные деловые начинания.

Итак, местные руководители конкурируют между собой не только за бюджетные доходы, но и за места в органах управления более высокого уровня. Исходя из такой логики, они не только способствуют экономическому развитию своей территории, но и предпринимают шаги для того, чтобы помешать развитию территории, которой управляет соперник. Как следствие, они часто уклоняются от потенциально взаимовыгодного межрегионального сотрудничества и вместо этого втягиваются в «торговые войны» и безудержное создание свободных экономических зон, переманивая друг у друга иностранных инвесторов. Иначе говоря, выгоды от развития рыночных отношений местные начальники стремятся «интернализовать» так, чтобы ими не могли воспользоваться конкуренты [7, с. 34, 36–37].

С течением времени в китайской экономической литературе стало принято трактовать локальный протекционизм как некую данность, уйти от которой быстро заведомо не получится. Стало появляться всё больше работ, в которых исследуются конкретные аспекты влияния фрагментации региональных рынков на общий ход реформ и макроэкономическую динамику в КНР.

Чжу Хэнпэн (Институт экономики Академии общественных наук КНР) [8] задался вопросом, как связаны между собой соперничество местных правительств за фискальные доходы и изменения в отношениях собственности в регионах. Вообще говоря, условием максимизации выгод, получаемых местной администрацией, является повышение эффективности действующих на данной территории предприятий. Отношения между региональными правительствами и ГП местного подчинения – это разновидность отношений «принципал – агент». По мере развития рыночных отношений от предприятий требуется всё большая гибкость в реагировании на

изменения конъюнктуры. Во времена плановой экономики эффективность предприятий пытались повышать усилением контроля над ними «сверху», но к позитивным результатам это и тогда приводило редко. А теперь такие действия тем более бессмысленны, ибо они заведомо лишат предприятия нужной оперативности в реакции на рыночные сигналы и при этом приведут к резкому росту издержек мониторинга над предприятиями со стороны властей.

Наилучшим выходом тогда является отказ от агентских отношений, проявление прав собственности, т.е. приватизация ГП. Базовое предположение Чжу Хэнпэна состоит, таким образом, в том, что усиление межрегиональной конкуренции, понимаемое им как преодоление фрагментации рынков, стимулирует разгосударствление экономики [8, с. 24–25].

Для проверки этой гипотезы, отметил Чжу Хэнпэн, надо сначала оценить степень интеграции / фрагментации провинциальных рынков. В этих целях им были использованы индексы отклонений уровня цен в отдельных провинциях от общенациональных показателей. Предполагалось, что если отклонения существенны, то, значит, действуют факторы, связанные с региональным протекционизмом (а не только различия в транспортных издержках), они и препятствуют выравниванию цен силами арбитража. Соответственно, если индексы показывают значительные отклонения динамики цен в той или иной провинции от общестрановой тенденции, то следует считать, что рынок данной провинции сегментирован. Такая провинция относительно слабо ощущает давление конкуренции со стороны других регионов, а тогда и темпы приватизации в этой провинции, согласно базовой гипотезе, должны быть небыстрыми.

Вытекают из базового предположения и более частные следствия. В провинциях, где большое место в структуре ВРП занимает добывающая промышленность, охват предприятий приватизацией должен быть меньше, чем в бедных ресурсами регионах. Это так потому, что редкость природных ресурсов препятствует свободной конкуренции в добывающих отраслях, там присутствуют монопольные эффекты, а значит, у местных властей есть мотивы к извлечению рентных доходов, а не к повышению эффективности предприятий путем изменения отношений собственности.

Напротив, чем больше представлены в экономике провинции прямые иностранные инвестиции (ПИИ), тем выше должна быть степень приватизации. Ведь если местные администрации заинтересованы в привлечении иностранного капитала, то это побуждает их активнее развивать рынки факторов производства, в том числе земли и труда, осуществлять акционирование ГП, а такие процессы сами по себе усиливают конкуренцию и создают стимулы для изменения отношений собственности [8, с. 27–28].

Проведенные Чжу Хэнпэном расчеты показали, что с увеличением доли ресурсного налога в доходной части местного бюджета на 1 п.п. доля негосударственного сектора, включая предприятия с иностранными инвестициями (ПСИИ), в объеме промышленного производства региона уменьшается на 2,8 п.п. Так что значительное присутствие добывающего сектора в экономике провинции действительно негативно сказывается на темпах развития негосударственных укладов хозяйства. При увеличении доли ПИИ в совокупных капиталовложениях в основные фонды в регионе на 1 п.п. доля негосударственных предприятий в промышленном выпуске провинции увеличивается на 1,14 п.п. Объяснить это можно тем, что привлечение ПИИ способствует повышению удельного веса негосударственного сектора в экономике и напрямую (через увеличение производства на ПСИИ) и опосредованно (через стимулирование приватизации ГП) [8, с. 29].

Расчеты подтвердили и то, что с уменьшением фрагментации региональных рынков приватизация идет активнее: чем меньше динамика цен в провинции отличается от общенациональной, тем быстрее там растут доли негосударственных предприятий в совокупных инвестициях, объеме промышленного производства, городской и поселковой занятости. Но в то же время анализ данных за 1994–2002 гг. привел Чжу Хэнпэна к выводу о том, что степень интегрированности провинциальных рынков в это время была подвержена сильным колебаниям. В 1994–1996 гг. она увеличивалась, в 1996–1999 гг. — снижалась, а к 2002 г. вернулась на уровень 1994 г. В целом же за восемь лет она осталась примерно той же, что была до этого.

Получается, что в целом по Китаю о прогрессе интеграции региональных рынков в тот период говорить не приходится, а это означает, что не произошло и заметного усиления конкуренции

между провинциями. Ее нельзя считать главной причиной того, что во многих провинциях власти дали в середине 1990-х годов санкцию на приватизацию ГП (хотя применительно к отдельным провинциям в разные годы такой эффект действительно имел место).

Более правдоподобной выглядит версия, согласно которой ускорение приватизации было связано с обострением финансовых проблем местных правительств после того, как бюджетно-налоговая реформа 1994–1995 гг. более или менее четко разделила фискальные полномочия общекитайского Центра и регионов. Местные администрации оказались в ситуации сжатия базы своих бюджетных доходов, и они прибегли к приватизации прежде всего как к способу разрешения финансовых трудностей. Благодаря разгосударствлению уменьшались бюджетные расходы на поддержку убыточных ГП, и в то же время передача предприятий в негосударственную экономику способствовала повышению их эффективности и тем самым расширяла налоговую базу местных бюджетов.

Итак, исследование Чжу Хэнпэна показало, что выравнивание условий хозяйствования в регионах, движение к интеграции их рынков действительно способствуют развитию предпринимательства, но поскольку на рубеже 1990–2000-х годов провинциальные рынки в Китае оставались в высокой степени фрагментированными, то происходившую тогда приватизацию ГП местного подчинения надо объяснять по-другому [8, с. 30–33].

Фу Цян (экономический факультет Шаньдунского университета, Цзинань) [9] отмечает, что фрагментация региональных рынков не помешала китайской экономике в течение десятилетий расти высокими темпами. Хотя, согласно интеллектуальной традиции, идущей еще от А. Смита, увеличение масштабов рынка приводит к углублению разделения труда и тем самым оказывает стимулирующее влияние на экономический рост, а отсюда, вообще говоря, следует, что фрагментация для экономического роста неблагоприятна. В китайской научной литературе есть многочисленные эмпирические свидетельства того, что фрагментация может и стимулировать экономический рост в регионах, и уменьшать общую макроэкономическую эффективность, а последнее негативно сказывается на приросте ВВП страны в целом. По-видимому, то, как скажется фрагментация на хозяйственной динамике, зависит от

целого ряда условий, считает Фу Цян, значит, надо разобраться, каковы тут конкретные причинно-следственные связи.

Для этого он использовал модель международной торговли Р. Финстры, в которой предполагается существование олигопольных рынков и оценивается, как наличие таможенных тарифов отражается на экономическом росте в участвующих в торговле странах¹. Фу Цян адаптировал эту модель к случаю сегментации внутристрановых региональных рынков и учел, что олигополии могут складываться не только из-за дифференциации товарной продукции предприятий, но и вследствие однотипности отраслевых структур провинциальных экономик и применения местными властями протекционистских мер [9, с. 48].

Модель предполагает, что в двух регионах существует по одному производителю одной и той же, но дифференцированной продукции. Политика каждого регионального правительства влияет не только на производство и сбыт местного производителя, но и на реализацию в данном регионе продукции производителя из другого региона. Такая политика осуществляется через установление налога на реализацию товара, поступающего из другого региона, в результате чего для этого товара ужесточаются условия ценовой конкуренции. Последствия нарастающей фрагментации ощущаются не только на рынках непосредственно торгующих друг с другом регионов, но и на всем общенациональном рыночном пространстве, а значит, меры локального протекционизма влияют на экономический рост не только в отдельных регионах, но и в стране в целом.

Отсюда *первая гипотеза* автора: в условиях межрегиональной олигопольной конкуренции по качеству продукции фрагментация рынков может стимулировать экономический рост как на уровне региона, где осуществляется локальный протекционизм, так и на уровне региона, чья продукция подвержена торговым ограничениям (хотя второе бывает сравнительно редко). Но в любом случае совокупное влияние фрагментации рынков на экономический рост в стране будет негативным, и для обеспечения

¹ Feenstra R. Advanced International Trade : Theory and Evidence. – Princeton : Princeton University Press, 2004.

устойчивого экономического развития предпочтительны преодоление фрагментации и движение к интеграции рынков.

Усиление фрагментации вследствие проведения властями одного из регионов протекционистской политики заведомо приведет к росту отпускных цен у обоих производителей. Но у производителя, вынужденного платить налог на реализацию, цена увеличится в большей степени. Повышение цен как раз и стимулирует рост выпуска продукции как в регионе, где проводится протекционистская политика, так и в регионе, чья продукция подвергается торговым ограничениям. Отсюда *вторая гипотеза*: в условиях межрегиональной ценовой конкуренции фрагментация рынков может стимулировать экономический рост только в некотором числе регионов (т.е. на ограниченном рыночном пространстве). Тем не менее ее совокупное влияние на экономический рост в стране может быть позитивным.

Если же рассматривать комбинированное влияние ценовой и неценовой конкуренции, то надо принять во внимание степень взаимозаменяемости товаров-конкурентов, производимых каждый в своем регионе. В случае, когда взаимозаменяемость нулевая, т.е. речь идет о специализации внутри одной отрасли на товарах различных технологических уровней, то воздействие фрагментации на экономический рост в регионах тоже будет нулевым.

Если взаимозаменяемость отрицательная, т.е. речь идет о комплиментарных товарах (взаимодополняющей продукции двух производителей) и имеет место «горизонтальное» разделение труда, то влияние фрагментации на прирост ВРП также будет негативным. А если степень взаимозаменяемости – положительная величина, т.е. это товары-субституты, то фрагментация может стимулировать экономический рост, причем этот эффект будет тем сильнее, чем выше степень взаимозаменяемости. Структура экономик двух регионов в таком случае будет однородной, и у местных правительств будет большое искушение ввести протекционистские ограничения. В случаях же, когда взаимозаменяемость негативная или нулевая, таких мотивов просто не будет.

Тем самым обосновывается финальная, *третья гипотеза* Фу Цяна: при наличии дифференциации продукции однородность структуры производства в двух регионах приведет к тому, что фрагментация рынков будет стимулировать экономический рост в

регионах вне зависимости от того, какого рода конкуренция имеет место – ценовая или неценовая [9, с. 49–52].

Для того чтобы выяснить, насколько эта гипотеза подтверждается китайской действительностью, Фу Цян пошел по тому же пути, что и О. Янг: он рассчитал индекс подобия отраслевых структур провинциальной экономики и индекс вариации цен по провинциям, который и измеряет непосредственно степень фрагментации региональных рынков. В расчетах были использованы данные за 1994–2014 гг. Но данные за 1995, 1996 и 1999 гг. неполны, поэтому расчеты делались только по статистике за 1994, 1997, 1998 и 2000–2014 гг. Не учитывались данные по Тибету и Хайнаню, а Чунцин, ставший городом центрального подчинения в 1998 г., рассматривался как всё еще входящий в провинцию Сычуань. Всего, таким образом, была использована информация по 28 провинциям [9, с. 52].

Индекс подобия изменяется в диапазоне от 0 до 1, приближение его к единице означает большую схожесть провинциальных отраслевых комплексов. Результаты расчетов Фу Цяна свидетельствуют, что к середине 2010-х годов структуры экономик отдельных провинций КНР стали менее однородными, чем в конце 1990-х годов. Но и в первые полтора десятилетия XXI в. индекс подобия в большинстве провинций оставался на высоком уровне, близком к 0,5, а в отдельных регионах его значение превышало 0,8, и не было признаков его предстоящего снижения [9, с. 54].

Индекс вариации цен калькулировался по следующим товарным группам: продукты питания, напитки, табак и алкоголь, одежда и обувь, текстиль, бытовая электротехника, медикаменты, полиграфическая продукция и электронные носители информации. Было выявлено, что фрагментация провинциальных рынков усилилась в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., особенно это коснулось тех провинций, где значения индекса подобия отраслевых структур относительно низкие. Сходная тенденция прослеживается и применительно к 1997 г., когда случился азиатский финансовый кризис, т.е., по-видимому, это общая закономерность кризисных периодов.

Но на протяжении большей части 1990-х годов фрагментация уменьшалась, что, очевидно, было следствием проводившихся тогда рыночных реформ. После 2000 г. показатели фрагментации

оставались в основном стабильными, с небольшим увеличением в 2008–2009 гг. А в 2013–2014 гг. они стали снижаться, судя по всему, это было связано с тем, что в условиях начатой Си Цзиньпином антикоррупционной кампании местные чиновники вынужденно дистанцировались от ГП местного подчинения, которые они ранее опекали и которые приносили им нелегальные доходы, и локальный протекционизм несколько ослаб.

У этой тенденции есть и оборотная сторона: она стала одной из причин замедления экономического роста в КНР в 2010-е годы. Но это как раз подтверждает гипотезу Фу Цяна, согласно которой при однородности отраслевых структур региональных экономик протекционистские меры местных властей, ведущие к фрагментации рынков, действительно могут стимулировать экономический рост.

Конкретные параметры такого воздействия автор изучает с помощью регрессионной модели. В качестве объясняемой переменной в ней выступает ВРП провинции, а объясняющих – индекс фрагментации рынков, темпы прироста используемых в провинции физического и человеческого капитала, а также трудовых ресурсов. Специальные контрольные переменные характеризуют принадлежность / непринадлежность провинции к центральным и западным регионам Китая. Для характеристики «открытости» экономики провинции в модель включен также показатель прироста ее внешнеторгового оборота [9, с. 56].

Вычисления по модели показали, что стимулирующее воздействие фрагментации рынков на экономический рост на самом деле стало заметным только с конца 1990-х годов. По-видимому, до этого рыночные реформы просто еще не зашли так далеко, чтобы сложилась устойчивая дифференциация цен на товары в разных провинциях. А в конце 1990-х годов на ценовую динамику повлияли возникшая тогда ситуация товарного перепроизводства и азиатский финансовый кризис. Из-за ухудшения конъюнктуры местные власти активизировали протекционистскую защиту предприятий на своих территориях. Все это вместе и привело к появлению ощутимых различий в уровнях цен между регионами.

На конфигурации стимулирующего влияния сказываются также общая циклическая динамика китайской экономики и инициированные центральным правительством программы сглажива-

ния межрегиональных диспропорций. Эффект стимулирования экономического роста фрагментацией рынков последовательно усиливался в 2002–2008 гг. – в период циклического подъема китайской экономики, а в 2008 г. он стал еще больше, так как провинциальные администрации прибегли к протекционистским мерам из-за кризисного сжатия рыночного спроса.

Выяснилось также, что индексы подобия отраслевых структур провинциальных экономик стали расти с 2003 г., когда в полную силу заработали государственные программы развития отсталых регионов («Освоение Запада», «Оживление старой промышленной базы на Северо-Востоке»). А большая однородность отраслевых структур, согласно основной гипотезе Фу Цяна, как раз и создает условия для того, чтобы проявился стимулирующий эффект фрагментации.

Наконец, на величине такого эффекта в определенной мере отражается и прогресс «открытия» китайской экономики. Применительно к периоду быстрого хозяйственного подъема 2002–2008 гг. корреляции между фрагментацией рынков и внешнеэкономической либерализацией расчеты не обнаружили. Но в кризисный период 2008–2009 гг., когда сжался спрос на зарубежных рынках и падал китайский экспорт, стимулирующее влияние фрагментации внутрикитайских рынков проявилось весьма наглядно.

Так что можно сказать, что «открытие» экономики и обретение новых экспортных рынков приводят к усилению специализации провинций. Структуры региональных экономик становятся более разнородными, а стимулирующее влияние фрагментации на экономический рост слабеет. Но во времена международных кризисов, когда внешний спрос стагнирует, структуры региональных экономик становятся более похожими друг на друга, и локальный протекционизм снова обретает привлекательность как метод удержания темпов экономического роста от резкого падения [9, с. 56–58].

Итак, базовая гипотеза Фу Цяна подтвердилась: фрагментация рынков и структуры провинциальных экономик действительно непосредственно связаны. Именно от структурных факторов зависит, насколько фрагментация способна простимулировать экономический рост. Но тем самым подтверждается и то, что процесс

реформ не порождает автоматически интеграцию региональных рынков. Если не складывается эффективное межпровинциальное разделение труда, то либерализация экономики может, наоборот, ослаблять хозяйственные связи между провинциями; осуществляемые в них меры экономической политики могут становиться менее скоординированными, и это само по себе может создать проблемы для поступательного развития китайской экономики.

В практическом плане все это означает, что выгоды от фрагментации рынков заведомо ограничены. Но интеграция рынков не произойдет сама собой, без специальной экономической политики, а та должна сосредоточиться на поощрении региональной специализации, дифференциации отраслевых структур провинциальных экономик. Иначе фрагментация будет воспроизводиться постоянно, просто в силу реализации местными властями своих экономических интересов [9, с. 59].

Чжу Сивэй, Цзя Сянжун и Ло Дэмин (экономический факультет Чжэцзянского университета, Ханчжоу) [10], адресуясь к наличию локального протекционизма и фрагментации рынков объяснили парадоксальное поведение многих китайских предприятий-экспортеров, которые вообще не продают свою продукцию на внутреннем рынке КНР. На зарубежных рынках такие предприятия часто реализуют товары не под своей торговой маркой, а под брендом заказчика.

Между тем, согласно получившей широкое признание теории международной торговли П. Крагмана, страна обычно поставляет на экспорт товары, по которым у нее имеется сравнительно крупный внутренний рынок, и покупает по импорту товары, для которых внутренний рынок у нее относительно узкий¹. М. Мелиц ввел в модель Крагмана параметр постоянных издержек освоения внутреннего и внешнего рынков (издержек на рекламу, организацию сбыта и т.д.). Он пришел к выводу, что предприятия с высокими предельными издержками склонны уходить с рынков, предприятия с предельными издержками среднего уровня – осваивать преимущественно внутренний рынок, а предприятия с низкими предельными издержками – реализовывать свою продукцию и на

¹ Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. – 1980. – Vol. 70, N 5. – P. 950–959.

внутреннем, и на внешнем рынках¹. И П. Крагман, и М. Мелиц отмечали, что реализация фирмами эффекта масштаба (т.е. снижение издержек до оптимального уровня) за счет продаж на собственном национальном рынке обеспечивает им возможность нести расходы, связанные с ведением внешней торговли.

Чжу Сивэй и его соавторы обращают внимание на то, что в модели Мелица содержится базовое допущение об интегрированности внутреннего рыночного пространства страны, в силу которой расходы предприятий на рекламу и логистику при сбыте внутри страны относительно низкие и предприятия могут осваивать весь национальный рынок. Фрагментация китайских провинциальных рынков противоречит этой базовой предпосылке. Торговые барьеры, возводимые местными властями, означают, что для проникновения на рынок каждого отдельно взятого региона предприятиям нужно нести дополнительные издержки по выстраиванию сбыта.

Иначе говоря, делать это в рамках общенациональной маркетинговой стратегии не представляется возможным, а потому потенциальные издержки освоения внутреннего рынка оказываются слишком высокими, они больше издержек, связанных с экспортом. Это и объясняет, почему предприятия предпочитают вообще не связываться с продажами внутри Китая, а работать только на обслуживание зарубежного спроса. А поскольку они не могут реализовать эффект масштаба на внутреннем рынке, то их экспортная ориентация превращается в зависимость, которая постоянно воспроизводится и препятствует «выращиванию» собственных брендов [10, с. 68–69, 75].

Чжан Юнчан и Ян Ханин (экономический факультет Фуданьского университета, Шанхай) [11] сосредоточили внимание на том, как фрагментация внутренних рынков сказывается на качественных характеристиках китайского экспорта, сдвигах в его структуре от трудо- к капиталоемким товарам. Они согласны с тем, что фрагментация в определенной мере способствует экономическому росту в регионах. Но одновременно она повышает для предприятий транзакционные издержки межрегиональной

¹ Melitz M. The Impact of Trade on Intra-industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrica*. – 2003. – Vol. 71, N 6. – P. 1695–1725.

деятельности, препятствует распространению технологических экстерналий между провинциями. Неконкурентоспособные предприятия благодаря фрагментации получают дополнительные шансы на выживание. Понятно, что все это как раз мешает повышению качества товарного экспорта из регионов.

В литературе обычно выделяются следующие факторы, влияющие на качество экспортных товаров:

- производительность предприятий (чем она выше, тем более сложным и качественным будет экспорт);

- степень жесткости кредитных ограничений (если кредит малодоступен, то предприятия склонны покупать более дешевые производственные ресурсы, а это негативно сказывается на качестве их продукции, в том числе экспортной; жесткость финансовых ограничений также угнетает научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) предприятий, а как раз инновации и призваны улучшать качество товаров);

- торговая политика (считается, что снижение импортных таможенных пошлин помогает предприятиям, близким к технологическому фронтиру (передовому уровню), в снабжении сырьем и оборудованием для производства качественных экспортных товаров) [11, с. 3].

Чжан Юнчан и Ян Ханин ставят вопрос, насколько улучшению качества китайских экспортных товаров может поспособствовать движение к интеграции региональных рынков. Они изучают эту проблематику, используя панельные данные за 2006–2015 гг. по 41 городу, расположенному в дельте реки Янцзы (это города провинций Аньхуэй, Цзянсу и Чжэцзян и город центрального подчинения Шанхай). На дельту Янцзы в 2002–2019 гг. приходилось 38,1% китайского товарного экспорта и 21,6% внутреннего розничного товарооборота [11, с. 2]. При этом, по оценкам многих специалистов, рынки расположенных в дельте провинций до сих пор характеризуются высокой степенью фрагментации, слабы даже связи между крупными городами одних и тех же провинций.

Но проведенный Чжан Юнчаном и Ян Ханином анализ эмпирической информации показал, что в 2008–2010 гг. степень интеграции рынков в дельте снижалась, а затем стала расти. Объясняется это тем, что в условиях мирового финансового кризиса усилилась несогласованность в экономической политике регио-

нальных властей, они вводили новые меры локального протекционизма. Но затем благодаря общему оживлению экономики и координирующей политике центрального правительства эта тенденция была преодолена, интеграция начала усиливаться.

Качество экспорта из дельты улучшалось в течение всего рассматриваемого периода. Авторы поделили города дельты на группы в зависимости от различных комбинаций степени интеграции рынков и качества экспортных товаров. 13 городов (Ляньюньган, Сучжоу, Ханчжоу и др.) попали в группу с высокими показателями и интеграции рынков, и качества экспорта. В группу с высоким уровнем интеграции, но низким качеством экспорта вошли восемь городов (Аньцин, Хэфэй и др.), в группу с низким уровнем интеграции и высоким качеством экспорта – восемь городов (включая Шанхай, Нанкин, Уси и др.), а в группу с низкими значениями обоих индикаторов – 12 городов (Вэньчжоу, Наньтун, Нинбо и др.). Итак, в 25 городах два показателя изменялись синхронно, а в 16 – разнонаправленно [11, с. 4].

Это наводит на мысли, что соотношение между интеграцией рынков и динамикой качества экспорта нелинейное. Оно изменяется по U-образной траектории: с усилением интеграции качество экспортных товаров сначала ухудшается, а затем тенденция меняется. Авторы объясняют это тем, что рыночная интеграция влияет на качество экспорта через воздействие на скорость инновационных процессов в городах: сначала интеграция в определенной мере сдерживает инновации, а затем начинает в большей степени им способствовать.

Сдерживающее влияние обусловлено следующими факторами. Во-первых, интеграция предполагает снижение барьеров на вход на региональные рынки, а значит, и усиление конкуренции, которое может привести к тому, что у части предприятий обесценятся ранее понесенные затраты на НИОКР. Такое усиление рисков подавляет у части экономических агентов тягу к инновациям.

Во-вторых, локальный протекционизм включает в себя выделение местным предприятиям субсидий и других форм финансовой поддержки, что означает для них смягчение кредитных ограничений. По мере движения в сторону интеграции у предприятий-инноваторов становится меньше внешнего финансирования и вообще поддержки со стороны местного правительства.

В-третьих, интеграция облегчает предприятиям вход на рынки за пределами региона базирования, но сбывают они туда свою продукцию, пользуясь уже наработанными конкурентными преимуществами в качестве товаров и организации производства. Иными словами, они склонны использовать уже имеющиеся технологии, а не осваивать новые. Кроме того, само увеличение затрат на логистику и рекламу может породить «эффект вытеснения» расходов предприятий на НИОКР.

Стимулирование же инноваций интеграцией связано со следующими процессами. Во-первых, интеграция городских рынков означает, что предприятиям приходится сталкиваться с меньшим, чем раньше, числом ограничений при входе на рынки других городов. У них появляется больше шансов реализовать эффект масштаба, снизить издержки производства; аккумулировать средства, нужные для финансирования НИОКР. Возможность извлекать монопольную прибыль при проникновении на новые рынки тем более подвигнет их разрабатывать инновационные продукты.

Во-вторых, приход на локальный рынок предприятий из других городов создает возможности технологических заимствований у них, т.е. распространения технологических экстерналий, в том числе через проведение совместных НИОКР местными и пришлыми компаниями. От этого издержки инновационной деятельности снижаются, а вероятность ее успеха возрастает.

В-третьих, местные предприятия под воздействием ужесточения конкуренции становятся более склонными к управленческим инновациям.

В-четвертых, интеграция рынков уменьшает зависимость предприятий от политической поддержки и коррупционных отношений при освоении рынков других городов. Средства, ранее использовавшиеся на установление таких связей, могут быть переориентированы на осуществление НИОКР, в том числе на разработку новых экспортных продуктов.

В конечном счете характер влияния интеграции рынков на качество экспорта зависит от того, какой из двух эффектов (сдерживания или стимулирования инноваций) перевесит. Обычно если интеграция еще далеко не продвинулась, то возможности предприятий осваивать спрос в других городах, реализовывать эффект масштаба, зарабатывать деньги на НИОКР и воспринимать техно-

логические экстерналии остаются ограниченными. В таких условиях предприятия склонны пользоваться «тепличными» условиями малоконкурентной среды, создаваемой локальным протекционизмом. Пока что течение интеграции создает для них больше рисков утраты монопольной прибыли и уже вложенных затрат, а не выгод. Сдерживающий эффект перевешивает.

Но когда интеграция достигает определенного переломного уровня, то ее преимущества в стимулировании инноваций выходят на передний план, а вслед за этим улучшается качество экспортных товаров. Итак, поскольку интеграция рынков оказывает на инновационную деятельность предприятий воздействие, описываемое U-образной траекторией, то и влияние ее на качество экспорта в динамике меняется так же [11, с. 5].

Существуют, однако, и косвенные эффекты воздействия интеграции на структуру экспорта, происходящего из соседних городов, которые можно назвать «пространственными экстерналиями». Дело в том, что интеграция отдельных городских рынков происходит с разной скоростью, уровень ее в каждый конкретный момент времени неодинаковый для разных местностей. В ходу все еще остаются субсидии и другие протекционистские меры местных правительств в отношении «своих» предприятий.

Но предприятия городов-соседей уже могут легче, чем раньше, проникать на рынки друг друга, наращивать производство и сбыт на уже сложившейся технологической базе. Результатом является сдерживание инновационных процессов во всех вовлеченных в интеграцию городах, так как средства там отвлекаются от НИОКР на расширение производства при уже имеющихся технологиях. Кроме того, само перераспределение местного спроса в пользу «пришельцев» может подавлять инновационную деятельность предприятий-«старожилов».

Ситуация меняется, только когда интеграция рынков заходит достаточно далеко и ее позитивное воздействие на инновации приводит к повышению качества экспорта в целой совокупности участвующих в ней городов. Так что и здесь присутствует U-образная конфигурация влияния. Но точка перелома при таком косвенном эффекте находится выше, чем при действии прямого эффекта, т.е. угнетение инноваций и сдерживание роста качества экспорта при косвенном эффекте менее сильно выражены, чем при

прямом, а улучшение качества экспорта начинается быстрее, чем при прямом эффекте [11, с. 6].

Справедливость этих общих рассуждений проверяется авторами с помощью регрессионной модели. В ней качество экспорта из определенного города ставится в зависимость от степени интеграции его рынка с рынками других городов и действия пространственных экстерналий (для их учета в модель включен параметр, показывающий, являются рассматриваемые города соседями или они достаточно далеко расположены друг от друга). Степень интеграции городских рынков характеризует индекс, показывающий, насколько синхронно меняются потребительские цены в отдельных городах. Качество экспорта оценивается по соотношению удельных весов отдельных товарных групп в поставках в определенную страну назначения.

Расчеты показали, что пространственные экстерналии действительно сказываются на качестве экспорта: у городов-соседей оно или одинаково высокое, или одинаково низкое. Подтвердилось и то, что интеграция городских рынков сначала оказывает на качество экспорта угнетающее воздействие, а затем стимулирующее. Причем это касается экспорта и из отдельно взятого города, и из городов-соседей, и из всего региона.

Выяснилось, что перелом U-образной траектории при косвенном эффекте влияния интеграции на качество экспорта действительно наступает быстрее, чем при прямом эффекте. Объяснить это можно тем, что предприятия, расположенные в соседних городах, как «безбилетники» пользуются ослаблением локального протекционизма в каком-либо одном городе, что позволяет им избегать определенных аспектов угнетающего воздействия интеграции на инновационную деятельность [11, с. 8–9].

Но Чжан Юнчан и Ян Ханин учли и то, что проявления этих эффектов могут быть модифицированы принадлежностью городов дельты к разным провинциям. Введение соответствующего параметра в модель позволило уточнить, что пространственные экстерналии, приводящие к повышению качества экспорта, ощутимо проявляются при взаимодействии городов одной и той же провинции. А если речь идет о городах-соседях, относящихся к разным административным единицам, то тут соответствующий эффект не выражен, т.е. административные границы препятствуют распро-

странению позитивных экстерналий. Дополнительные расчеты уточнили также, что пространственные экстерналии действенны, если расстояния между городами одной и той же провинции относительно небольшие: не более 300 км [11, с. 10–11].

Авторы учли и то обстоятельство, что фрагментация рынков внутри Китая побуждает выходить на зарубежные рынки в том числе и низкоэффективные предприятия с плохим качеством продукции, а это влияет на состояние экспорта всего города. Они ввели в модель параметр частоты входа и выхода городских предприятий с экспортных рынков.

Вычисления показали, что интеграция рынков на частоту входа предприятий соседних городов на внешние рынки, а соответственно и на качество их продукции, оказывает позитивное влияние, но по траектории «вывернутой» буквы U, т.е. сначала влияние усиливается, а затем идет на спад. Трактовать это можно так, что если интеграция не достигла определенной переломной точки, протекционистские барьеры внутри Китая остаются довольно высокими, то на рынок определенного города проникает в основном сравнительно качественная продукция из других городов. Ее производители опираются на уже имеющиеся конкурентные преимущества, они снижают издержки благодаря наращиванию выпуска продукции. Это в конечном счете помогает им наладить выход и на рынки зарубежных стран. В конечном счете качество экспорта из городов-соседей на этом этапе повышается.

Но когда переломная точка интеграции уже пройдена, то на местные городские рынки устремляется еще больше предприятий из других городов, в том числе и таких, чья продукция не отличается высоким качеством. А потом эти предприятия пробиваются и на внешние рынки, от этого качество совокупного экспорта из соседних городов ухудшается.

Что касается выхода с зарубежных рынков, то здесь влияние интеграции внутрикитайских рынков на качество экспорта тоже описывается траекторией «вывернутой» буквы U. По-видимому, это связано с тем, что интеграция уменьшает государственное вмешательство в экономику и усиливает конкуренцию. Из-за этого низкопроизводительные предприятия, ранее защищавшиеся локальным протекционизмом, вынуждены в конечном счете уходить с экспортных рынков. Промежуточным итогом является улучше-

ние качества совокупного экспорта из города. Но когда интеграция достигает сравнительно высокого уровня, то низкоэффективные предприятия получают шансы сбывать продукцию в других административных единицах Китая. Тогда в конечном счете усиливается их ценовая конкурентоспособность, они реже покидают экспортные рынки, но качество совокупного экспорта из участвующих в интеграции городов от этого страдает [11, с. 11–12].

Ма Шучжун и Фан Чао (НИИ транснациональной электронной торговли Чжэцзянского университета, Ханчжоу) [12] связывают с фрагментацией региональных рынков и быстрое развитие в Китае электронной торговли. За 2004–2017 гг. ее оборот увеличился с 0,93 трлн юаней до 29,16 трлн юаней, среднегодовой прирост составлял 30,35%, он был намного больше прироста абсолютного и подушевого ВВП, а также совокупного розничного товарооборота. С 2013 г. по объему продаж в онлайн-коммерции Китай обошел США и вышел на первое место в мире [12, с. 123].

Когда исследователи пытаются объяснить феномен быстрого роста китайской электронной торговли, то они обычно указывают на применение в ней инновационных технологий и моделей бизнеса, которые позволяют преодолевать ограничения, свойственные традиционной, оффлайновой коммерции. В онлайн-торговле ниже издержки, компаниям относительно просто установить контакт с потребителями и уловить изменения их предпочтений, регулятивный режим в этой сфере относительно гибкий.

Но дело не только в этом, считают Ма Шучжун и Фан Чао. Локальный протекционизм препятствует попыткам китайских предприятий нарастить выручку от реализации товаров и услуг путем освоения новых региональных рынков. В таких условиях субститутотом проникновения на рынки других провинций может выступать не только экспортная деятельность, т.е. поставки в другие страны, но и онлайн-коммерция внутри Китая.

Ма Шучжун и Фан Чао учли, что фрагментация рынков может порождаться не только протекционистскими мерами местных правительств, но естественными физико-географическими барьерами (наличием рек, гор и т.д.). Могут ей способствовать и межпровинциальные различия в качестве рабочей силы (ими может быть обусловлена разница в уровнях используемых в отдельных регионах технологий). Авторы утверждают, что если барьеры на

вход на другие региональные рынки слишком высоки и преодолеть их обычными методами оффлайн-торговли сложно, то компании выбирают онлайн-каналы, при использовании которых торговые издержки относительно небольшие.

Причем эффективность замещения традиционной внутренней торговли тут даже выше, чем при экспорте, так как не требуется создание специально оборудованных торговых площадок. Кроме того, преодолеваются естественные физические барьеры, вызывающие фрагментацию рынков. А институциональные ограничения, т.е. собственно локальный протекционизм, местным властям в отношении электронной торговли применять очень сложно. Более того, онлайн-торговля как раз и способствует на деле формированию единого, интегрированного, общенационального рынка.

Экспорт для увеличения продаж наиболее активно используют высокопроизводительные, крупные предприятия. А онлайн-продажи могут наращивать и малые и средние предприятия (МСП), которым экспорт осуществлять трудно из-за того, что большие постоянные издержки логистики не компенсируются снижением издержек производства, связанным с реализацией эффекта масштаба [12, с. 124].

Эти соображения проверяются Ма Шучжуном и Фан Чао с помощью регрессионной модели. В расчетах по ней были использованы данные проведенного в 2005 г. Всемирным банком обследования инвестиционного климата в КНР, в ходе которого осуществлялись опросы на 12 400 предприятиях, расположенных в 120 городах. Обследование проводилось как раз в то время, когда начинался бум китайской электронной коммерции. Для проверки результатов расчетов использовалась информация из базы данных по китайским промышленным предприятиям и банка данных компании «Алибаба» за 2013 г. [12, с. 129].

В качестве объясняемой переменной в модели выступает наличие / отсутствие у предприятия онлайн-продаж (оно оценивается по факту получения платежей за товары и услуги через Интернет). Объясняющие переменные – это:

– индикатор наличия естественных географических ограничений, вызывающих фрагментацию оффлайн-рынков (он калькулируется исходя из частоты тех или иных ответов предпри-

ятий на вопрос о влиянии дальних расстояний, наличия гор и рек на транспортные издержки, а соответственно, и на продажи);

- индикатор институциональных ограничений, вызывающих фрагментацию (определяется по частоте тех или иных ответов на вопрос о влиянии локального протекционизма на продажи);

- удельный вес продаж предприятия за пределами региона базирования в его совокупных продажах;

- совокупная факторная производительность (СФП) предприятия.

В модель также включены контрольные переменные: размеры предприятия (оцениваются по величине его основных фондов); его рентабельность (соотношение прибыли и величины основных фондов); степень его информатизации (доля сотрудников, оснащенных компьютерами, в общей численности персонала); срок существования предприятия [12, с. 129–130].

Расчеты по модели подтвердили, что чем сильнее естественные и институциональные ограничения, вызывающие фрагментацию провинциальных рынков, тем более предприятия склонны в поиске новых возможностей для увеличения продаж в других регионах использовать онлайн-овые, а не традиционные каналы торговли. В особенности это свойственно предприятиям, не осуществляющим экспортную деятельность, малым и микропредприятиям, а в разрезе форм собственности к электронной торговле более склонны частные предприятия, а не ГП и ПСИИ.

Что же касается СФП, то ее динамика оказывает на склонность предприятий к электронной торговле воздействие по траектории «вывернутой» буквы U: сначала рост СФП приводит к увеличению вероятности выбора в пользу онлайн-продаж, но после прохождения определенной переломной точки такая склонность начинает убывать. Объяснить это можно тем, что когда электронная коммерция в Китае только начала развиваться, то постоянные издержки выхода в онлайн были достаточно высокими и осуществлять такую деятельность могли преимущественно высокопроизводительные предприятия. Но со временем Интернет в Китае развивался; издержки, связанные с электронной торговлей, снижались, и прибегать к ней могли уже и многие МСП, не отличающиеся высокой производительностью [12, с. 134–135].

Итак, если знать о наличии локального протекционизма и фрагментации региональных рынков, то многие процессы в современной китайской экономике становятся более понятными. За видимостью необъятного рыночного пространства скрывается сложная реальность: это рынок, перегороженный многочисленными административными барьерами. Отчасти тем самым объясняется, почему китайский экономический рост до сих пор в недостаточной степени опирается на внутренний потребительский спрос. А мировое лидерство Китая по товарному экспорту и электронной торговле выглядит не только как результат высокой конкурентоспособности, но и как внешнее отражение глубоких внутренних, структурных проблем китайской экономики.

Список литературы

1. Polanyi K. The Great Transformation : The Political and Economic Origins of Our Time. – Boston : Beacon Press, 1957. – 316 p.
2. Young A. The Razor's Edge : Distortions and Incremental Reform in The People's Republic of China // Quarterly Journal of Economics. – 2000. – November. – Vol. 115, Issue 4. – P. 1091–1135.
3. Naughton B. How Much Can Regional Integration Do to Unify China's Markets? // Center for Research on Economic Development and Policy Reform, Stanford University, Working Paper. – 2000. – N 58. – 36 p.
4. Poncet S. Measuring Chinese Domestic and International Integration // China Economic Review. – 2003. – Vol. 14, N 1. – P. 1–21.
5. Обследование и анализ проблемы локального протекционизма в Китае = Чжунго гонэй дифан баоху взньти дэ дяоча юй фэньси / Ли Шаньтун, Хоу Юнчжи, Лю Юньчжун, Чэнь Бо // Цзинцзи яньцзю. – Пекин, 2004. – № 11. – С. 78–84. – Кит. яз.
6. Лу Мин, Чэнь Чжао, Янь Ли. Увеличивающаяся отдача на капитал, стратегия развития и фрагментация региональных экономик = Шоуи дицзэн, фачжань чжаньлюэ юй цюйюй цзинцзи дэ фэньгэ // Цзинцзи яньцзю. – 2004. – № 1. – С. 54–63. – Кит. яз.
7. Чжоу Лиань. Мотивация и сотрудничество правительственных чиновников в рамках системы служебного продвижения : причины длительного существования в Китае явлений локального протекционизма и дублирующего строительства = Цзиньшэн боцзи чжун чжэнфу гуаньюань дэ цили юй хэцэ : цзяньлунь вого дифан баохучжуй хэ чунфу цзяньшэ взньти чанци цуньцзай дэ юаньинь // Цзинцзи яньцзю. – Пекин, 2004. – № 6. – С. 33–40. – Кит. яз.
8. Чжу Хэнпэн. Межрегиональная конкуренция, бюджетная самообеспеченность и приватизация предприятий общественной собственности = Дицдой цзянь

- цзинчжэн, цайчжэн цзыгэйлюй хэ гуныючжи цие миньинхуа // Цзинцзи яньцзю. – 2004. – № 10. – С. 24–34. – Кит. яз.
9. Фу Цян. Стимулирующее влияние фрагментации рынков на экономический рост в регионах : объяснение механизма и его эмпирическая проверка = Шичан фэньгэ цуцзинь цюйюй цзинцзи цээнчжан дэ шисянь цзичжи юй цзинянь бяньшэ // Цзинцзи яньцзю. – 2017. – № 3. – С. 47–60. – Кит. яз.
10. Чжу Сивэй, Цзинь Сянжун, Ло Дэмин. Фрагментация внутреннего рынка и китайская экспортная экспансия = Гонэй шичан фэньгэ юй Чжунго дэ чукоу маои кочжан // Цзинцзи яньцзю. – Пекин, 2005. – № 12. – С. 68–76. – Кит. яз.
11. Чжан Юнчан, Ян Ханин. Интеграция рынков, пространственные экстерналии и повышение качества экспорта из регионов : анализ опыта рыночной интеграции в регионе дельты Янцзы = Шичан итихуа, кунцзянь ичу юй цюйюй чукоу чжилян шэнцзи – цзюй Чан саныцзяо шичан итихуа дэ цзинянь фэньси // Гоцзи маои вэньти. – 2021. – № 10. – С. 1–16. – Кит. яз.
12. Ма Шучжун, Фан Чао. Стимулирует ли фрагментация оффлайновых рынков онлайн-продажи предприятий : объяснение экспансии электронной коммерции в Китае = Сянься шичан фэньгэ шифоу цуцзинь лэ цие сяньшан сяошоу – дуй Чжунго дяньцзы шангу кочжан дэ и чжун цзэши // Цзинцзи яньцзю. – 2020. – № 7. – С. 123–139. – Кит. яз.

МИХЕЛЬ И.В.* САНИТАРНЫЕ РЕФОРМЫ В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. (МЕРЫ ПРОТИВ ВЕНЕРИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ И ПРОСТИТУЦИИ)¹

Аннотация. Проблема венерических болезней стала актуальной для китайского общества лишь после того, как в Китае распространились западные медицинские знания. В отличие от западных стран китайцы не только были слабо осведомлены о природе сифилиса, но и были терпимы к проституции, не видя связи между этими явлениями. В публикациях европейски образованных врачей начала XX в. отмечалось, что масштаб распространения сифилиса среди китайского населения является весьма значительным, но никаких мер против него не предлагалось. В 1920-е годы на волне революционно-демократических движений и активизации миссионерских обществ, выступающих за санитарное просвещение населения, в Китае началось распространение новых знаний о венерических заболеваниях. Важный импульс ей придала работа комиссии Британского национального совета по борьбе с венерическими заболеваниями, посетившей Шанхай и Гонконг в конце 1920 г. В период «Нанкинского десятилетия» (1927–1937) медицинские специалисты стали проявлять больше внимания к проблеме сифилиса, подчеркивая особую важность адекватного лечения, предоставляемого всем категориям населения на бесплатной основе. Однако в эпоху Китайской республики справиться с проблемой венерических болезней так и не удалось.

* Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: Китай; венерические заболевания; сифилис; проституция; Имперская кампания против венерических болезней; Шанхай; Гонконг; «Нанкинское десятилетие».

MIKHEL I.V. Sanitary Reforms in China in the First Third of the Twentieth Century (Measures Against Venereal Diseases and Prostitution)

Abstract. The problem of venereal diseases became relevant to Chinese society only after the spread of Western medical knowledge in China. Unlike Western countries, the Chinese were not only poorly aware of the nature of syphilis, but also tolerant of prostitution, seeing no connection between these phenomena. Publications by European-educated physicians of the early twentieth century noted that the scale of the spread of syphilis among the Chinese population was very significant, but no measures against it were proposed. In the 1920s, on the wave of revolutionary-democratic movements and the activation of missionary societies advocating public health education, new knowledge about venereal diseases began to spread in China. An important impetus was given to it by the work of the British National Council Commission for the Control of Venereal Diseases, which visited Shanghai and Hong Kong at the end of 1920. During the “Nanjing Decade” (1927–1937), medical professionals began to pay more attention to the problem of syphilis, emphasizing the particular importance of adequate treatment provided to all categories of the population free of charge. During the era of the Chinese Republic, however, the problem of venereal diseases could not be solved.

Keywords: China; venereal diseases; syphilis; prostitution; Imperial Campaign against Venereal Diseases; Shanghai; Hong Kong; “Nanjing Decade”.

Для цитирования: Михель И.В. Санитарные реформы в Китае в первой трети XX века (меры против венерических заболеваний и проституции) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 3. – С. 155–169. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.09

В начале XX в. санитарные реформы в Китае охватили прежде всего территорию договорных портов и британских колониальных владений, куда идеи и практики санитарии и гигиены

пришли вместе с западными врачами и колониальными чиновниками, заинтересованными главным образом в охране здоровья европейского населения. Между тем местные условия проживания и физическая близость с китайским населением спустя некоторое время вынудила западных общественных деятелей задуматься о необходимости мер, которые бы защитили здоровье китайцев. Поводом для этого, с одной стороны, были принципы христианского милосердия, разделяемые миссионерским медицинским сообществом, а с другой – тот прагматизм, которым неизменно руководствовались европейцы в своих отношениях с местным населением по всему миру. Улучшение санитарных условий в таких западных анклавах, как Шанхай и Гонконг, начавшееся с решения проблем водоснабжения и канализации закономерным образом привело к постановке вопроса о борьбе с венерическими болезнями, которые были одной из главных причин высокого уровня заболеваемости в этих городах. Ниже будет рассмотрен вопрос о мерах профилактики венерических болезней и регулирования проституции в Китае в первой трети XX в.

Венерические болезни и проституция в Китае

Французский исследователь городской истории Шанхая К. Анрио указывает на то, что вплоть до начала XX в. западные врачи обращали мало внимания на проблемы распространения сифилиса и других венерических болезней среди китайского населения. По его мнению, это было вызвано рядом причин: (1) они были плохо подготовлены для борьбы с многочисленными болезнями, от которых страдало китайское население; (2) они не могли оценить подлинный масштаб заболеваемости сифилисом среди китайцев; (3) у них не было возможности опереться на помощь китайских властей, которые были еще далеки от того, чтобы видеть в распространении сифилиса серьезную проблему и не испытывали той «сифилисофобии», которой были подвержены в ту же эпоху власти западных стран; (4) у них не было возможности связать проблему распространения сифилиса с такой социальной проблемой, как проституция, поскольку китайское общество в целом вполне терпимо относилось к этому явлению [2]. Тенденция, выявленная К. Анрио применительно к Шанхаю, может быть в той

же мере отнесена к Гонконгу и другим китайским городам в XIX в., куда проникли люди, идеи и практики западной медицины.

В отличие от Европы, где венерические заболевания стали серьезной проблемой уже в XVI в., а в XIX в. привели к росту панических настроений из-за сифилиса и проституции, в Китае они никогда не достигали такой социальной значимости. В традиционной китайской медицине вопрос о сифилисе и заболеваниях, передаваемых половым путем, никогда серьезно не разрабатывался, а в китайском общественном сознании проституция никогда не воспринималась «социальным злом», в отличие от христианского мира. Лишь с появлением в Китае западных врачей и христианских миссионеров венерические болезни и проституция как таковые начали превращаться в предмет медицинского изучения и нравственной оценки. Более того, эти два явления, наконец, стали взаимосвязаны. Областью их встречи сделалась миссионерская медицинская наука, в частности «Китайский миссионерский медицинский журнал», издаваемый с 1886 г. Китайской миссионерской медицинской ассоциацией. Кроме того, эта тематика была актуализирована в рамках новой китайской медицинской науки, возникшей на базе первых медицинских школ западного образца в Китае, Национальной медицинской ассоциации, возникшей в 1915 г., и ее собственного журнала – «Национального медицинского журнала Китая». Учитывая общность происхождения обоих медицинских сообществ, в 1923 г. два упомянутых выше периодических издания объединились, став выходить в свет как «Китайский медицинский журнал».

Первая медицинская публикация о венерических заболеваниях в Китае вышла в 1907 г. Ее автором был британский врач-миссионер Сидней Руперт Ходж (1858–1907), известный своей подвижнической деятельностью и научными изысканиями в рамках разных областей медицины [5]. Вторая статья в этом журнале вышла в 1913 г. Ее опубликовал другой известный миссионер доктор Джеймс Ледлоу Максвелл (1836–1921). Он подробно рассмотрел различные стадии развития сифилиса, охарактеризовав также клинику болезни. Кроме того, Максвелл описал наследственный и приобретенный сифилис, указав тем самым на факт передачи инфекции от матери к ребенку [7]. Описав целый ряд клинических случаев у китайского населения, оба автора однако не представили

подробной социально-эпидемиологической картины. Масштаб распространения сифилиса среди китайцев стал ясен лишь из более поздних публикаций, в частности из работы наиболее авторитетного китайского врача эпидемиолога и микробиолога У Ляньдэ (1879–1960).

В своей статье 1927 г. У Ляньдэ сообщил о внушительных масштабах распространения сифилиса среди китайцев. В частности, он привел данные по Шанхаю и Гонконгу, а также еще шести крупным китайским городам. В Гонконге в период с 1912 по 1924 г. сифилисом были больны от 1,5 до 3,2% всех посетителей больницы. В Шанхае эта цифра была сопоставимой: в период с 1912 по 1925 г., а также с 1870 по 1925 г. сифилисом были больны 3,4% мужчин, попадавших в больницы, а также 2,2% женщин. При этом У Ляньдэ, ссылаясь на данные европейских врачей-миссионеров, хорошо понимал, что реальное число больных сифилисом существенно превышало число тех китайцев, которые имели возможность или желание обратиться в больницу. Не склонный обычно к эмоциям, доктор У Ляньдэ при этом писал: «Венерические болезни свирепствуют повсюду, часто в угрожающей степени, ими подчас заражены по меньшей мере 50–60% взрослого населения» [14, р. 29].

У Ляньдэ также представил характер распределения этой болезни среди различных групп китайского общества. Особенно высок был уровень распространения сифилиса среди солдат и полиции – более 35%, предпринимателей – 31,8, лиц без определенных профессий – 21,1, крестьян – 16,8, рабочих – 15,3, учащихся – 13%. Следуя европейской традиции проводить тесную связь между сифилисом и проституцией, У Ляньдэ указал на большую долю женщин, вовлеченных в проституцию и их подверженность этому заболеванию. По его данным, в Шанхае проституцией занималась одна из 147 женщин. Еще больше было распространение в Харбине – одна проститутка на 82 женщины [14, р. 30].

К. Анрио, комментируя данные европейских врачей-миссионеров и первых китайских врачей, писавших о сифилисе, полагает, что реальное положение дел с венерическими заболеваниями в Китае к началу 1920-х годов было значительно хуже. По его мнению, подавляющее большинство китайцев в реальности не имело возможности обратиться в больницу, а чаще всего не имело и та-

кого желания, предпочитая европейски подготовленным врачам специалистов традиционной китайской медицины. Анрио также разделяет тезис о том, что в больших городах прибрежных регионов Китая солдаты были главными жертвами сифилиса, а кроме них – женщины, причем не только профессиональные проститутки, но и замужние женщины с детьми, которые заражались сифилисом от своих мужей, возвращавшихся домой с работы или военной службы [2].

Уместным также было отметить тот факт, что уже в первые два десятилетия XX в. в Китае стали распространяться новые методы диагностики сифилиса, связанные с анализом крови, а также новые его методы лечения, связанные с применением сальварсана. Впрочем, обе эти медицинские инновации могли оказать лишь весьма скромное воздействие на ситуацию с венерическими заболеваниями как социальной проблемой и проституцией как «социальным злом». Она стала меняться значительно позже – лишь тогда, как в Китае началась реализация масштабных программ по борьбе с венерическими болезнями.

Имперская кампания против венерических болезней в Шанхае и Гонконге

Серьезный сдвиг в отношении проблем венерических болезней и проституции в Китае начался лишь в 1920-е годы, когда проституция стала предметом большого числа публикаций, а также предметом внимания со стороны ряда общественных движений, заинтересованных в ее ликвидации. Возникшее на волне революционных событий 1919 г. «Движение 4 Мая» выдвинуло требование ликвидации проституции в Китае, утверждая, что проституция является формой эксплуатации женщин и способствует их нравственной деградации. В своих пропагандистских кампаниях против проституции активисты движения указывали на то, что ее истоки лежали в традициях дореволюционного прошлого, когда угнетение женщин было ужасной нормой повседневной жизни. Как показывает целый ряд исследований об истории проституции в Китае, период 1920-х годов был временем расцвета аболиционизма в этой стране, а борьба с проституцией была важным лозунгом всех революционно-демократических движений [3; 4; 10].

Наряду с революционно-демократическими движениями за ликвидацию проституции выступали и сторонники санитарно-гигиенических преобразований, сплотившиеся вокруг христианских миссионерских обществ, активно действовавших в эти годы в Китае. В их рядах присутствовали как собственно европейские миссионеры, так и их приверженцы из числа китайцев. Ярким примером такого рода инициативы стала кампания, начавшаяся в самом начале 1920-х годов в Шанхае и Гонконге. Как показывает К. Макферсон, эта кампания против сифилиса и проституции имела британские корни и началась в самом конце Первой мировой войны в Англии, где ее инициатором выступил Британский национальный совет по борьбе с венерическими заболеваниями [6].

После отмены Законов о заразных болезнях в 1886 г. в Англии возобладало мнение, что главным средством профилактики венерических болезней должно быть не полицейское регулирование проституции, а санитарное просвещение и образование в области секса, биологии и медицины. Накопленный к 1918 г. опыт диагностики и лечения сифилиса, связанный с использованием медицинских инноваций, было решено обобщить и распространить на всю территорию империи, включая ее заморские колонии – от Ямайки до Шанхая.

Чтобы познакомить британские колонии с новым подходом к венерическим заболеваниям и проституции, выработанным в Лондоне, Британский национальный совет направил в Китай специальную комиссию во главе с доктором Артуром Рупертом Халлэмом (1877–1955) и видной феминистской деятельницей евгенического движения Сибил Невилл-Рольф (1885–1955). Комиссии предстояло посетить Шанхай, Гонконг и Сингапур и вступить там во взаимодействие не только с местными властями, но и представителями китайского населения. Сообщения о деятельности этой комиссии получили широкое отражение в тогдашней прессе, включая медицинскую [8; 9; 12; 13]. Позиция Британского национального совета по борьбе с венерическими заболеваниями была отражена, например, в журнале «Ланцет». В частности, «Ланцет» выделял три основные задачи имперской кампании борьбы с венерическими заболеваниями: (1) «Проводить консультации с колониальными властями относительно шагов – как профилактических, так и лечебных, которые могут быть предприняты на

местном уровне для снижения заболеваемости венерическими заболеваниями». (2) «Обсудить с местными органами власти подготовку конструктивных предложений в отношении возможности разработки полной схемы для профилактики и лечения в каждой колонии». (3) «Докладывать Национальному совету о местных условиях в отношении венерических заболеваний, существующих в настоящее время в каждой колонии» [13].

В Шанхай комиссия прибыла 14 декабря 1920 г. Шанхайский муниципальный совет англо-американского международного поселения оказал ей теплый прием и организовал для гостей целый ряд встреч с местными общинами. Тем не менее некоторые предложения членов комиссии были встречены довольно сухо. В частности, члены комиссии предложили властям международного поселения закрыть все бордели, запретить непристойную рекламу и уличные приставания, принять меры по улучшению лечения венерических заболеваний, начать выделять средства на социальную реабилитацию проституток. В ответ на это большинство представителей китайской общины выступили с протестами. Так, «поющие девушки» из увеселительных заведений заявили, что они не являются проститутками и на них не должны распространяться никакие меры общественного контроля, а владельцы элитных борделей и дорогих магазинов заявили, что наличие высокого класса обслуживания в их заведениях в принципе снимает вопрос о распространении венерических болезней.

Тем не менее по итогам шанхайского пребывания комиссии был достигнут некоторый компромисс. Шанхайский муниципальный совет взял на себя обязанности по санитарному просвещению в области секса и венерических болезней, получив от членов комиссии необходимую для этого просветительскую литературу. Что касается китайской общины, то некоторые ее лидеры признали необходимость постепенного реформирования деятельности публичных домов и поддержали необходимость дальнейшего санитарного просвещения китайцев, имея в виду, что это будет способствовать биологическому выживанию китайской расы. В протоколах заседания Шанхайского совета от 22 и 29 декабря 1920 г. и 5 января 1921 г. итоговые решения были сформулированы в самой общей форме, что также отражало компромиссный характер принятых решений [11, p. 250, 253, 273].

20 декабря 1920 г. комиссия прибыла в Гонконг. Но там в отличие от Шанхая ее ожидал холодный прием, поскольку местный губернатор Реджинальд Стаббс (1876–1947) не был готов к сотрудничеству по вопросам, касающимся секса и проституции, а кроме того был холодно настроен по отношению лично к миссис Невилл-Рольф. Тем не менее пребывание комиссии в этой британской колонии не было бесполезным. Комиссии удалось провести встречи с местными женскими организациями, военными, коммерсантами, католическим епископатом, а также — после активных стараний — с китайской общиной. Предметом переговоров членов комиссии с лидерами китайского сообщества была отмена практики продажи девочек в бордели, а также приглашение китайцев к активному посещению европейских больниц и лечению там от сифилиса. Очевидно, что эти переговоры были непростыми, в том числе потому, что между местными властями и китайской общиной сохранялись многочисленные противоречия. Однако в конечном итоге целый ряд пожеланий комиссии в Гонконге был реализован. Так, решением губернатора в городе была открыта еще одна больница, которая была готова предлагать медицинскую помощь китайскому населению. Кроме того, после настоятельных требований со стороны Британского национального совета по борьбе с венерическими заболеваниями, поддержанного Министерством по делам колоний, губернатор Стаббс пошел на то, чтобы в 1923 г. отменить систему «муйцай» — продажу девочек в публичные дома. Это постановление несколько лет совершенно не исполнялось, но к концу 1920-х годов все же вошло в силу. В 1934 г. в Гонконге также был закрыт лицензированный бордель, что стало еще одним успехом санитарно-просветительских кампаний против сифилиса и проституции, начавшихся в 1920-е годы. Миссис Невилл-Рольф, подводя итоги проделанной работы, отмечала, что по сравнению с Шанхаем система общественного здравоохранения в Гонконге все еще находится на зачаточном уровне, но при этом с удовлетворением отметила, что первые шаги в области санитарного просвещения сделаны. «Британский медицинский журнал» сформулировал ее выводы следующим образом: «Миссис Невилл-Рольф, уполномоченный по вопросам образования в Шанхае и Гонконге, сказала, что ситуация в Китае очень сложная, поскольку западные обычаи накладываются на восточные. Имеется множество доказательств

того, что просвещенное китайское мнение поддерживает политику Национального совета, и уже сейчас визит комиссии принес значительные плоды. Ответственные органы власти теперь были убеждены, что легальные притоны должны быть закрыты в интересах общественного здоровья» [8, р. 45].

Общие итоги работы дальневосточной комиссии Британского национального совета по борьбе с венерическими заболеваниями и всей имперской кампании на Дальнем Востоке были удовлетворительными. Работа этой комиссии заложила основу для того, что стало общепринятым подходом к профилактике и лечению венерических болезней, и установила важность санитарного просвещения широкой общественности по вопросам секса и репродуктивного здоровья. Было признано, что возможное устранение или более эффективный контроль этих заболеваний являются серьезными проблемами всей Британской империи, в то время как не принуждение, а именно образование позволяет преодолеть тупик культурных и социальных различий. Эта кампания также сигнализировала о том, что бессистемное обеспечение или даже пренебрежение общественным здоровьем и профилактическим здравоохранением со стороны британского правительства и его колониальных представителей больше недопустимо. Одним из наиболее важных открытий дальневосточной комиссии стали недостатки колониальной медицинской службы, ее неспособность обеспечить непредвзятую медицинскую помощь, а также неадекватная подготовка врачей и медицинского персонала, которые были незнакомы с инновациями в области диагностики и терапии сифилиса.

Венерические болезни и проституция в Нанкинское десятилетие

Период с 1927 по 1937 г., когда Нанкин стал столицей гоминьдановского Китая, получил название «Нанкинского десятилетия» в истории Китайской республики. Эта эпоха отличалась появлением в Китае первого централизованного правительства, которое, впрочем, не обладало властью над всей территорией страны и не могло обеспечить подлинную политическую стабильность. Однако во многих районах юго-восточной и восточной частей Китая новым республиканским властям удалось добиться

значительных результатов, в том числе в сфере общественного здравоохранения. Довольно показательными они были в Шанхае, который в эти годы стал самым процветающим городом Китая, а также центром процессов модернизации во всей Азии.

К. Анрио отмечает, что для Шанхая в этот период был характерен новый, «националистический стиль» регулирования проституции, который существенно отличался от прежних десятилетий, когда в основу всего были положены принципы минимального вмешательства и максимального просвещения [3]. В свою очередь, китайское медицинское сообщество заняло более активную позицию по отношению к проблеме венерических болезней и осознало необходимость борьбы с ними с помощью общегосударственных мер. Более активная позиция врачей способствовала медиализации проблемы венерических заболеваний, а также снижению предвзятого отношения властей к лицам, больным сифилисом, и особенно к проституткам.

В 1927 г. упомянутый ранее врач-эпидемиолог У Ляньдэ указывал, что в распоряжении современной медицинской науки существует целый ряд мер для профилактики сифилиса, в том числе: (1) раннее лечение (сразу после полового общения) и (2) профилактика, связанная с использованием дезинфекционной мази на основе каломели (хлорида ртути). В плане санитарного просвещения важными остаются такие меры, как: (1) повышение внимания общества к серьезности венерических заболеваний; (2) его информирование о коммуникативной природе сифилиса и гонореи; (3) акцентирование внимания на важности профилактики; (4) объяснение того вреда, который несет проституция, и объяснение необходимости ее запрещения; (5) такая разъяснительная работа должна вестись со всеми группами общества. Кроме того, согласно У Ляньдэ, лечение сифилиса должно предоставляться на бесплатной основе для всех, как можно скорее, и постоянно, на твердой научной основе. В плане правового регулирования нужно стремиться к полному запрещению проституции, используя такие меры, как арест имущества, а также полный запрет подпольной проституции, лицензирование публичных танцевальных школ, отелей и постоялых дворов, предоставление проституткам работы и лечение больных проституток, проведению брачной реформы и требованию медицинских сертификатов от обоих супругов. Оценивая

ситуацию в Китае, У Ляньдэ подчеркнул, что за прошедший период в стране удалось добиться некоторых успехов в плане санитарного просвещения относительно сифилиса и проституции, но предстоит еще большая работа, и китайской медицине предстоит принять собственное участие в этом «крестовом походе против венерических болезней». В этой борьбе с сифилисом, гонореей и другими половыми инфекциями важную роль предстоит сыграть европейски подготовленным китайским врачам, но их успех придет, если лечение будет максимально доступным, дешевым и современным, т.е. эффективным. Многие также будут зависеть от популяризации современных медицинских знаний о венерических болезнях и способах их профилактики и лечения [14, р. 31–33].

Спустя десять лет после этой статьи У Ляньдэ доктор Честер Н. Фрейзер из Пейпинского медицинского колледжа (Тайвань) выразил самую суть того подхода, который характеризовал отношение к венерическим болезням в годы «Нанкинского десятилетия». Он подчеркнул слабую эффективность всех форм санитарного просвещения, используемых в Китае, имея в виду тот факт, что даже самые правильные медицинские рекомендации, позволяющие предупреждать заражение сифилисом и его распространение, мало используются на практике. Лишь в казарме, где действует строжайшая дисциплина и страх перед наказаниями, такие рекомендации могут быть использованы. Согласно доктору Фрейзеру, для более эффективного противодействия инфекции следует воздействовать не столько на сознание, сколько на тела. Каждое медицинское учреждение должно иметь подготовленный персонал и оборудованные лаборатории, в которых с помощью серологических тестов и микроскопа можно будет провести быструю диагностику. Крайне важна госпитализация заболевших, а лечение сифилиса особенно важно на ранней стадии протекания заболевания, когда инфицированный особенно заразен. По словам Фрейзера, проститутки по-прежнему следует считать главным социальным источником венерических инфекций, но в социальном плане особенно уязвимой является группа женщин детородного возраста. Приоритет в борьбе с сифилисом следует уделять «адекватному лечению», а все остальные меры можно считать второстепенными. По его мнению, лечение должно оказываться абсолютно всем нуждающимся без учета их социального положения. «Ни при ка-

ких обстоятельствах нельзя заставлять пациента чувствовать себя изгоем». Венерические заболевания не должны больше считаться «позорными болезнями», а клиники, где проводится лечение пациентов с половыми инфекциями, не должны быть полностью обособленными медицинскими учреждениями, чтобы в сознании общества не укоренялась мысль об особенностях этих болезней и больных ими людей [1].

У Ляньдэ в 1927 г. и доктор Фрейзер в 1937 г. настаивали на необходимости организации массовой медицинской помощи населению, в частности в сфере лечения и профилактики венерических болезней. Китаец и европеец – два врача, получивших европейское медицинское образование, – оба они выражали характерное для медицинской общественности Китая этой эпохи мнение о важности прежде всего медицинских мер для борьбы с опасностью венерических заболеваний. Эта позиция во многом имела шанс на то, чтобы быть услышанной представителями китайских республиканских властей, которые со своей стороны были весьма последовательными в плане создания национальной системы здравоохранения. Однако политическая нестабильность в Китае, проблемы, вызванные китайско-японской войной, начавшейся в 1931 г., отсутствие достаточного количества ресурсов у республиканского правительства не позволили сделать все то, что считали необходимым представители профессионального медицинского сообщества. Эффективная борьба с венерическими болезнями и полное упразднение проституции стали возможными лишь с образованием КНР. В 1964 г. в Китае было официально заявлено о победе над венерическими болезнями, и это стало важным достижением страны на новом этапе ее истории.

В целом проблема венерических болезней не была актуальной для китайского общества до тех пор, пока в Китае не распространились западные медицинские знания. После начала санитарных реформ в Гонконге, Шанхае и других западных анклавах в Восточной Азии в первые десятилетия XX в. сифилис и гонорея постепенно стали входить в поле зрения медицинского сообщества, работающего в Китае. В отличие от западных стран китайцы не только были слабо осведомлены о природе сифилиса, но и выражали весьма терпимое отношение к проституции, не видя серьезной связи между распространением венерических болезней и

проституцией как социальным явлением. В публикациях европейски образованных врачей начала XX в. отмечалось, что распространение сифилиса среди китайского населения является весьма значительным, но никаких масштабных мер против него не предлагалось. В 1920-е годы на волне революционно-демократических движений и активизации миссионерских обществ, выступающих за санитарно-гигиеническое просвещение населения, в Китае активизировалась работа по распространению новых знаний о сексе и венерических заболеваниях. Большой импульс ей придала имперская кампания по борьбе с венерическими заболеваниями, сопровождавшаяся работой комиссии Британского национального совета по борьбе с венерическими заболеваниями, посетившей Шанхай и Гонконг в самом конце 1920 г. Последствием работы комиссии стало привлечение внимания местных органов власти и китайской общественности к проблемам сифилиса и проституции. Кроме того, местные власти стали более решительно регулировать деятельность публичных домов, закрывая некоторые из этих заведений. Наконец, были сделаны первые шаги по распространению современных медицинских знаний о природе венерических болезней и проведены кампании по санитарному просвещению населения, в том числе китайского. В период «Нанкинского десятилетия» (1927–1937) медицинские специалисты стали проявлять большее внимание к проблеме сифилиса, подчеркивая особую важность адекватного лечения, предоставляемого всем категориям населения на бесплатной основе. Однако в эпоху Китайской республики справиться с проблемой венерических болезней так и не удалось. Она была решена лишь после образования КНР.

Список литературы

1. Frazier N. The Prevention and Control of Syphilis // Chinese Medical Journal. – 1937. – Vol. 51, N 6. – P. 1043–1046.
2. Henriot C. Medicine, VD and Prostitution in Pre-Revolutionary China // Social History of Medicine. – 1992. – Vol. 5, N 1. – P. 95–120.
3. Henriot C. Prostitution and Sexuality in Shanghai: a Social History, 1849–1949. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 486 p.
4. Hershatter G. Dangerous Pleasures: Prostitution and Modernity in Twentieth-Century Shanghai. – Berkely : University of California Press, 1999. – 591 p.
5. Hill J.K. Sydney Rupert Hodge: The “Beloved Physician”. – London : Robert Culley, 1908. – 128 p.

6. MacPherson K.L. Health and Empire: Britain's National Campaign to Combat Venereal Diseases in Shanghai, Hong Kong and Singapore // *Sex, Sin and Suffering: Venereal Disease and European Society Since 1870* / Davidson R., Hall L.A. (eds.). – London : Routledge, 2001. – P. 173–190.
7. Maxwell J.L. Some Notes on Syphilis Among the Chinese // *Chinese Medical Journal*. – 1913. – Vol. 27, N 6. – P. 379–386.
8. National Council for Combating Venereal Diseases // *British Medical Journal*. – 1921. – Vol. 2, N 3158. – P. 44–45.
9. Peter W.W. Fighting Venereal Disease Openly // *Chinese Medical Journal*. – 1921. – Vol. 35, N 1. – P. 61–66.
10. Remick E. Regulating Prostitution in China: Gender and Local Statebuilding, 1900–1937. – Stanford : Stanford University Press, 2014. – 270 p.
11. SMA. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. Vol. 21. 1920–1921. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – 531 p.
12. The Campaign Against Venereal Disease // *British Medical Journal*. – 1921. – Vol. 1, N 3131. – P. 27–28.
13. The Imperial Campaign Against Venereal Diseases // *Lancet*. – 1922. – Vol. 199, N 5134. – P. 140.
14. Wu Lien Teh. The Problem of Venereal Diseases in China // *Chinese Medical Journal*. – 1927. – Vol. 41, N 1. – P. 28–36.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2023 № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 11.07.2023

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 10,75	Уч.-изд. л. 8,9
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–100 экз. – 1-й завод)	

**Институт научной информации по общественным
наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

